

ISSN 2309-5431

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№30. Сентябрь 2014 г.**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Трансграничные мигранты
и общество страны пребывания:
взаимное восприятие и проблемы
межкультурного взаимодействия)**

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

ББК 66.3 (2) я431+66.4 (0),32я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, **Бикетова Е.А.**, **Исакова С.Н.** (отв. секретарь), кандидат исторических наук **В.Н. Козулин**, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**.

Д 541 Дневник Алтайской школы политических исследований № 30. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 274 с.

Сборник содержит научные статьи по теме трансграничных миграций, представленные исследователями из Армавира, Барнаула, Владивостока, Екатеринбурга, Киева, Львова, Махачкалы, Москвы, Оренбурга, Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Томска. В качестве приложений даны доклады молодых исследователей, стенограмма обсуждения докладов прошедшей 25–27 сентября 2014 г. XIX ежегодной научно-практической конференции Алтайской школы политических исследований, а также список литературы по теме.

Издание предназначено как для специалистов (историков, международных, политологов, социологов, культурологов и др.), так и для всех, кто интересуется проблемами трансграничных миграций.

ББК 66.3 (2) я431+66.4 (0),32я431

ISSN 2309–5431

© Алтайская школа политических исследований, 2014

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2014

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Трансграничные мигранты
и общество страны пребывания:
взаимное восприятие и проблемы
межкультурного взаимодействия**

25–27 сентября 2014 г.

Ю.Г. Чернышов
Насколько готова Россия к приему
трансграничных мигрантов?
(предисловие ответственного редактора)

Данный сборник содержит материалы прошедшей 25–27 сентября 2014 г. XIX ежегодной научно-практической конференции Алтайской школы политических исследований. Конференция была посвящена теме «Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия». Организаторами и учредителями ее выступили, кроме АШПИ, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ, Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки, Российский гуманитарный научный фонд¹, Центр Европейского Союза в Сибири при Томском государственном университете.

Выбор темы был связан с актуальностью этих проблем не только в общероссийском, но и в региональном измерении. Российский Алтай — регион трансграничных контактов с Казахстаном, Китаем и Монголией, одна из исторических точек пересечения разных цивилизаций и религий. Через границу идет значительная часть потоков мигрантов из стран Центральной Азии. Учитывая то, что в восточных регионах России продолжается процесс депопуляции, сейчас все более остро встает вопрос о необходимости привлечения сюда сотен тысяч мигрантов, причем предпочтительно таких, которые знали бы русский язык, были бы знакомы с культурой и традициями народов России. В связи с этим особое внимание организаторы конференции постарались уделить проблемам культурной адаптации мигрантов, проблемам интеграции их в принимающее общество.

Многие эксперты высказывают мнение, что российское общество и российское государство пока еще не вполне готовы к наплыву трансграничных мигрантов, и это проявляется в самых разных аспектах — в правовом, в организационном, в социально-психологическом и т. д. Несмотря на то, что существует объективная потребность в притоке трудовых ресурсов, большинство россиян, как показывают социологические опросы,

¹ Конференция проведена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (номер проекта 14-07-14002).

в целом негативно относятся к перспективе того, что мигранты из других государств будут оставаться на постоянное проживание в России². При этом стереотипный образ мигранта содержит такие черты, как «незнание русского языка, низкая квалификация, неопрятный внешний вид, навязывание своей культуры и обычаев»³ и т. п.

Характерно также то, что на данный момент нет точных данных о реальных масштабах миграции. Бывший заместитель главы Федеральной миграционной службы А. Полунин констатирует: «Поразительно, но с 2000 года никто серьезных, масштабных исследований по количеству мигрантов в России не проводил. Мы работаем в проекте Всемирного банка, и, исходя из цифр, которые у нас есть, видим ситуацию так. Таджики в России — больше миллиона, киргизов — 800 тысяч, узбеков от 2 до 7 миллионов, граждан Украины — от 2 до 7 миллионов с учетом, что часть из них постоянно мигрирует в обе стороны. Молдаване — 500 тысяч, азербайджанцы — 2 миллиона, армяне — 500 тысяч. Всего, по нашим подсчетам, в России находится порядка 13–15 миллионов мигрантов. Только 2 миллиона из них зарегистрированы официально, остальные — нелегалы. В Москве, которая концентрирует мигрантов, проживает и работает около 2 миллионов нелегалов»⁴. Все это заставляет поднимать вопросы о том, насколько готова Россия привлекать и принимать трансграничных мигрантов, и какие меры необходимы для нормализации ситуации.

Пожалуй, именно эти вопросы и стояли в центре внимания участников прошедшей конференции АШПИ. Как и все последние годы, «очному» обсуждению предшествовала интернет-конференция, проведенная в апреле — июне 2014 г. На нее поступило 36 докладов из Армавира, Барнаула, Владивостока, Екатеринбурга, Киева, Львова, Махачкалы, Москвы, Оренбурга, Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Томска. Авторы наиболее интересных докладов были приглашены на сентябрьскую конференцию в Барнаул.

25 сентября в главном корпусе АлтГУ прошел семинар с гостями конференции. Директор АШПИ, зав. кафедрой ВИМО АлтГУ профессор

² О нелегальных мигрантах. Лагеря или миграционная амнистия? Отношение россиян к лагерям для нелегальных мигрантов // Фонд «Общественное мнение». 28 августа 2013 г. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11052>

³ Отношение к мигрантам // Левада-Центр, 20–24 июня 2013 года. URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam>

⁴ Полунин А. Не наша Раша // Свободная Пресса. 3 октября 2013 г. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/75179>

Ю.Г. Чернышов представил гостей и обозначил круг проблем, выносимых на обсуждение. Участников семинара приветствовал проректор по НИР АлтГУ профессор А.А. Тишкин, который отметил: «Конференция, которая проводится АШПИ и кафедрой всеобщей истории и международных отношений, не просто имеет свое лицо, а имеет солидный, мощный, инновационный массив, который издается постоянно в сборнике статей «Дневник АШПИ». Этот сборник мы обычно представляем как книгу результатов. Этот сборник зарегистрирован как серийное издание, входит в РИНЦ. Более того, мы не только получили определенный статус, мы еще добились того, чтобы сборнику присвоили международный индекс цитирования. Это серьезный успех, это было сделано буквально в течение этого года». Декан исторического факультета профессор Е.В. Демчик присоединилась к приветствиям, подчеркнув, что изучение проблем миграций давно ведется на факультете (в частности, в связи с изучением истории столыпинских переселений) и что проблемы адаптации мигрантов становятся практически важными в связи с увеличением числа иностранных студентов.

Докладчиками на семинаре выступили Т.Н. Юдина, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной сферы РГСУ (г. Москва) и В.Р. Филиппов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (г. Москва). Первая выступавшая рассказала об основных подходах, которые сложились в социологической науке при изучении миграций, а второй докладчик критически рассмотрел традиционное для отечественной науки понимание понятия «этнос». Оба выступления были встречены с интересом и вызвали немало вопросов со стороны присутствовавших преподавателей и студентов.

Конференция продолжила работу 26 и 27 сентября: было прочитано 23 доклада, в заседаниях трех секций приняли участие около 70 человек. Весьма удачным оказалось соединение подходов разных наук: своим видением проблем миграции поделились географы, историки, международники, политологи, социологи, экономисты, этнологи. Широко были представлены и разные исследовательские центры. В числе выступавших были еще три гостя из Москвы — А.В. Веретевская (РГГУ), В.В. Игрунов (директор Международного института гуманитарно-политических исследований), Х.М. Турьинская (Институт этнологии и антропологии РАН). Другие центры представляли В.А. Гайкин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН), В.С. Мартьянов (Институт философии и права УрО РАН), И.М. Юн (Фонд инвестиционных строительных проектов, г. Санкт-Петербург).

Первая секция была посвящена теме «Основные теоретические подходы. Миграции в эпоху глобализации». Председатель оргкомитета Ю.Г. Чернышов, открыв работу конференции, остановился подробно на проблеме распространения ксенофобии в условиях кризиса идентичности. Т.Н. Юдина, А.В. Веретевская и В.Р. Филиппов проанализировали опыт различных зарубежных стран в решении проблемы адаптации и интеграции мигрантов. В докладе доцента Барнаульского филиала Финансового университета при правительстве РФ И.Н. Юдиной трудовая миграция была проанализирована через осмысление зарубежного опыта интеграционных контрактов.

На второй секции было продолжено рассмотрение международно-го опыта решения иммиграционной проблемы. Исторические аспекты этой темы были затронуты в докладах В.А. Гайкина («Корейская диаспора в Японии после аннексии Кореи в 1910–1931 гг.») и А.М. Бетмакаева («Иммиграционная политика и социальная интеграция иностранцев в ГДР в 1949–1990 гг.»). Современной ситуации были посвящены и обобщающие доклады (Л.Г. Коваленко, А.В. Кротов), и исследования по конкретным сюжетам, связанным с идентичностью иммигрантов-мусульман в странах ЕС (О.Ю. Курныкин) и с миграциями на Занзибаре (Х.М. Турьинская).

27 сентября, когда работала третья секция, участники конференции обсудили тему «Трансграничные мигранты в современной России». В первых трех докладах (В.В. Игрунов, В.С. Мартынов, О.А. Аршинцева) были проанализированы важнейшие социально-экономические аспекты миграционной политики. Поведенческие стратегии адаптации трансграничных мигрантов в принимающем сообществе с социологической точки зрения охарактеризовала Н.П. Гончарова. Проблема сохранения идентичности корейцев Москвы была рассмотрена в докладе И.М. Юн. Наконец, В.Н. Козулин остановился на феномене культурного мотива миграции (на примере западноевропейских иммигрантов в Россию).

Отдельное заседание в этот день было посвящено секции молодых исследователей, на которой выступили со своими докладами студенты и аспиранты АлтГУ Е.С. Красилова, А.Е. Плесовских, Г.В. Богословская, Е.А. Вервекина, Е.А. Вьюжанина и Е.А. Бикетова. Они поделились результатами своих исследований по самым разным аспектам темы — от истории эмиграции еврейского населения с территории нацистской Германии и до таких современных сюжетов, как формирование образа мигранта из Таджикистана в российских масс-медиа. Докладчики уверенно ответили на все вопросы, которые были заданы, состоялось и содержательное обсуждение докладов.

Подводя общие итоги, участники конференции отметили плодотворность междисциплинарных подходов к изучению миграций. Были высказаны различные рекомендации, имеющие прикладное значение при разработке миграционной политики. Было отмечено, что наша страна имеет немалый опыт проведения политики поддержания межнационального согласия, однако в современном мире появляются принципиально новые вызовы, требующие, в частности, разработки в России целой системы мер, связанных с приемом трансграничных мигрантов.

Что же касается самой организации конференции, то, несмотря на некоторую «перенасыщенность» программы, ей были даны самые высокие оценки:

В.Р. Филиппов — «Это, наверное, единственная конференция из всех, в которых я участвовал, где Оргкомитет создает какой-то удивительный микроклимат: когда даже тебя встречают в аэропорту, уже видно, что тебе рады. (...) Учитывая эти обстоятельства, есть предложение превратить Алтайский государственный университет в международный и резко повысить тем самым его статус. Тогда появится возможность приглашать в университет ученых с мировым именем».

В.В. Игрунов — «Спасибо большое. Мне очень хотелось посмотреть, как это выглядит на Алтае. Было интересно посмотреть, как это функционирует, и я остался весьма доволен тем, что здесь были действительно живые дискуссии, которые лично для меня были не бесполезны. Очень понравился уровень студенческих и аспирантских докладов. Это очень здорово, что такая работа продолжается».

Юдина Т.Н. — «Я хотела бы поддержать идею, что проведение таких мероприятий дает возможность посмотреть на одну проблему с точки зрения разных наук. Междисциплинарность, которая получилась в ходе конференции, дает эффект приращения научного знания в любой области, потому что у каждой науки свой предмет изучения, и каждый исследователь судит с позиции своего направления. Когда это приобретает междисциплинарный характер и становится предметом обсуждения историков, политологов, антропологов и экономистов, это обогащает политологическое научное знание о конкретном объекте».

А.В. Веретевская — «Узнав впервые от своих коллег по МГИМО о конференции АШПИ и о том, что предполагается изучение темы миграции и мигрантов, интереснейшей для меня лично, я стала смотреть материалы прошлых конференций АШПИ в Интернете. У меня были очень высокие ожидания, я была уверена, что конференция будет интересной и материалы будут полезными. Эти ожидания оправдались полностью, за что вам

большое спасибо. На самом деле это действительно редкий случай. Очень приятно, что мнения людей настолько разные, интересные, и я полностью согласна с Т.Н. Юдиной, что междисциплинарность конференции — это большой плюс. Мне бы хотелось, чтобы междисциплинарный характер конференции сохранился и дальше, потому что это, с одной стороны, неисчерпаемый ресурс для обсуждения, а, с другой стороны, действительно очень обогащает научное знание».

В.С. Мартянов — «Просто замечательно, что состоялся такой междисциплинарный диалог на тему миграции. И действительно, тема миграции заиграла разными красками, здесь выявилась масса мыслей, проблем».

Следующую конференцию намечено провести в конце сентября 2015 г. Она будет посвящена теме «Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии».

1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ. МИГРАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Г. Коваленко

Некоторые аспекты современной миграционной ситуации

В условиях глобализации все более значимой становится проблема миграции населения во всех ее проявлениях. Интерес к ней имеет глубокие исторические корни, поскольку на протяжении развития человеческого сообщества миграционные потоки «прокатывались» по всем регионам и континентам. А в настоящее время на фоне других проблем — демографических, экологических, распределения природных богатств — необходимы теоретическое осмысление и анализ реальных миграционных процессов, а также управления ими. В рамках этой проблемы представляют интерес направления миграционных потоков и некоторые современные особенности миграции.

Сущностные интерпретации миграции населения достаточно разнообразны и противоречивы. В целом миграция населения рассматривается как перемещение людей из одного региона в другой. О.Д. Воробьев подчеркивает, что миграция населения — это «любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ ... с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит — притягивающих или выталкивающих» [1, с. 35]. Автор включает в определение направления перемещения и цель. В.А. Ионцев, исследуя феномен миграции, разработал достаточно полную классификацию направлений миграции населения в рамках 17 подходов (45 научных направлений), из них — теории по экономическому социологическому, миграционному, демографическому, историческому, политическому подходам [2, с.19]. Наиболее полное представление о миграции населения дает исследование этого феномена в рамках различных подходов, поскольку само это явление многогранно, и теоретическое осмысление миграционных процессов невозможно без анализа жизненно важных проблем. Именно миграция обеспечивает соединение территориально распределенных природных ресурсов и средств производства с рабочей силой, содействует удовлетворению потребностей населения в получении работы, изменению социального статуса, других жизненно важных положений.

Миграцию населения можно рассматривать и с позиции миграционного режима и, соответственно, принятой модели миграционной политики. Это ограничительный подход и либеральный. При ограничительном подходе миграционные потоки (внешняя миграция) достаточно жестко регулируются государством посредством принятых законов. После Второй мировой войны выбор в пользу этого подхода сделали Великобритания и США, приняв ряд законодательных актов, дополнив их законами 1980–1990-х годов, которые усиливали меры внутреннего и внешнего контроля над миграцией. Последствия такой политики неоднозначны — увеличилось затраты на осуществление контроля, а миграция (нелегальная) стала принимать новые формы. Исходя из опыта этих стран, были определены оптимальные условия для реализации ограничительной миграционной политики: необходимость последовательных действий и усиление контроля за исполнением законодательства; наличие альтернативных источников восполнения потребностей принимающей стороны в трудовых ресурсах, а также механизмов привлечения необходимых мигрантов — специалистов; обеспечение равных шансов для социального продвижения всех мигрантов, противодействие созданию замкнутых анклавов; координация усилий со странами партнерами, с которыми сохраняется свободное перемещение (совместное укрепление границ, информационный обмен, техническая помощь) [3, с. 52–53].

Альтернативой можно рассматривать либеральный подход, который используется в странах ЕС в отношении новых членов Евросоюза. Этот подход предполагает свободу перемещения, снятие ограничений в сфере занятости, что дает возможность более эффективного удовлетворения спроса на рабочую силу. Такая миграционная политика имеет определенные программные цели, так как в развитых странах Европы процесс старения населения и уменьшение количества лиц трудоспособного возраста требует притока рабочей силы, то есть демографическая проблема определяла модель политики в отношении мигрантов. Расширение легальной миграции из ЦВЕ стимулировало миграцию молодых и трудоспособных мужчин со средним и высшим образованием, стремящихся получить определенный доход [3, с. 54]. Ряд европейских экспертов считают, что отток квалифицированных специалистов с высоким уровнем образования из Южной и Восточной Европы может привести к дезинтеграции ЕС, в качестве лучшего варианта они видят временный выезд, что выгодно для принимающей страны и страны выезда.

Возможно, для России это тоже приемлемый вариант. Но открытие границ не привело пока к массовому переселению в силу ряда причин.

Ключевую роль в формировании маршрутов миграции сыграли особенности национальных рынков (степень государственного регулирования, спрос на рабочую силу), а также географический и культурный факторы. Миграционная политика в рамках либерального подхода имеет и преимущества, и определенные трудности, которые необходимо учитывать, в том числе и России. Это, прежде всего, возможность возрастания интенсивности миграционных потоков в силу каких-либо причин (катастрофа, война), что может вызвать рост недовольства в обществе и социальной напряженности. Недостатком для принимающей стороны является и то, что утрачивается гибкость при решении текущих задач управления (события в Северной Африке 2010–2012 гг. показали неэффективность противодействия нелегальной миграции на общеевропейском уровне). Велика и роль качества институтов принимающего общества в нейтрализации негативных последствий либерализации. В странах со слабыми институтами формальное уравнивание мигрантов в правах с местными рабочими может привести к перекосу на рынке труда и замещению местных рабочих мигрантами. Также для проведения либерализации миграционной политики необходима поддержка большинства населения, а здесь имеет значение фактор культурной близости [3, с. 57]. И еще один важный урок — либерализация миграционной политики должна осуществляться параллельно с программами, направленными на развитие отстающих регионов.

Основные причины современной миграции населения: внутренняя миграция — поиск работы, улучшение условий и качества жизни; международная миграция — экономическая разница в уровне доходов, нехватка специалистов, война, политический конфликт, природная катастрофа. Можно выделить некоторые современные тенденции международной миграции населения: рост вынужденной миграции, нелегальной; глобализация мировых миграционных потоков, возрастание роли демографической значимости миграции; качественные изменения в миграционных потоках (увеличение доли лиц с высоким уровнем образования). В XXI веке обозначилась еще одна разновидность миграции — так называемая прибыльная миграция, когда мигранты не только содержат свои семьи, зарабатывая деньги в другой стране, но и обеспечивают создание части валового внутреннего продукта своей родины, формируя новые финансовые каналы и влияя на международную политику, связывая государства между собой [4, с. 81].

С начала 90-х гг. XX в. с международной миграцией столкнулась и Россия в новом статусе — суверенного государства. И эта проблема требует

изучения и соответствующей миграционной политики. В перспективе миграция приобретает для России определяющее значение, и от того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества мигрантов, зависят темпы экономического роста, уровень жизни населения и социальный климат, размеры и целостность страны. Миграция для РФ является также и условием поддержки численности населения в силу неблагоприятной демографической ситуации. Ж. Зайончковская подчеркивает ошибочность патерналистского взгляда на миграцию, так как мигранты не иждивенцы, они сами зарабатывают и сами должны, соответственно, заботиться о своем обустройстве. Муниципалитеты могли бы строить социальное жилье гостиничного типа, получая доход от аренды его мигрантами; также важен вопрос налогов — кто платит: работодатель или «приглашенный» — мигрант [5, с. 78]. Представления о потребительстве мигрантов опасны, разжигают у принимающего сообщества мигрантофобию, отношения «свой — чужой». И здесь велика роль государства, прежде всего его регулятивная функция — именно этот институт разрабатывает адекватное законодательство по приему мигрантов — регистрация, предоставление вида на жительство или гражданство, порядок трудового найма, надзор за правами мигрантов и т. п. Важным является вопрос о разделении полномочий и ответственности между центром и регионами, государством и работодателем. Затягивание решения этих вопросов, излишняя бюрократизация способствуют росту незаконной, неконтролируемой миграции, коррупции, поиску работодателем обходных путей при привлечении мигрантов.

Какие миграционные потоки можно выделить в России? Это страны СНГ и Балтии, но для привлечения из этих регионов (особенно Балтии) необходима либерализация миграционной политики. Более предпочтительна миграция из стран близких в культурном отношении — Украина, Белоруссия, Восточная Европа, но увеличение притока из этих государств вряд ли следует ожидать, у России в этом плане есть привлекательные конкуренты — ЕС и США. Выбор ограничен в основном странами Юго-Восточной Азии и КНР, достаточно активны китайцы. Сегодня широко распространяются пугающие сообщения (на уровне слухов, мифов) о китайском «нашествии», что формирует враждебную среду для мигрантов [5, с. 76–77]. При этом важно и качество миграционного потока из КНР и других стран — в основном мигрируют люди, не имеющие должной квалификации, с низким уровнем образования, незнанием русского языка. Чтобы результат был иным, необходимо привлекать в российские вузы выпускников китайских школ, что и осуществляется в настоящее время

в регионах Дальнего Востока и Сибири, в том числе и в Алтайском крае. Создавая благоприятные условия для такой молодежи, возможно обеспечить их «оседание» в России. В то же время популярно сегодня и изучение китайского языка россиянами, что, несомненно, создает основу для развития сопредельных территорий и преодоления этнокультурных различий.

Устранение излишней бюрократизации, коррупции, несовершенства законодательной базы в области миграционной политики имеет значение для РФ, поскольку, как подчеркивает Е. Тюрюканова, Россия еще долго будет оставаться принимающей страной и все сильнее будет зависеть от притока трудовых ресурсов извне [4, с. 91]. И, соответственно, будет сталкиваться с разного рода угрозами и рисками. Среди них — вывоз мигрантами денег из страны, непоступление от них налогов, так как многие работают нелегально, что способствует созданию инфраструктуры теневых сервисов, в т. ч. и по переправке денег. Отсюда возникает необходимость еще одной составляющей миграционной политики — формирование эффективной системы перевода денег мигрантами (это важно и для страны выезда). Еще один вид угроз и рисков — распространение терроризма, криминала, причем эти риски связываются с денежными переводами. Нагнетается атмосфера страха, который питает ксенофобию и формирует определенный психологический климат в стране, регионе, часто в этом участвуют и политические силы, преследующие свои интересы, и СМИ. Поэтому необходима прозрачность действий власти по данной проблеме, ее регулирования, ответственность СМИ за информацию.

Миграционный режим в России по отношению к странам СНГ, не входящим в единое экономическое пространство, может измениться в основном по двум направлениям: последовательной либерализации или последовательного ограничения, что даст возможность в перспективе повысить контроль над миграционными потоками. Оба варианта сопряжены с политическими, экономическими и социальными издержками [3, с. 57]. В каждом сценарии, как уже отмечалось, можно найти положительное и негативное для России. При либеральном — сокращение уровня теневой занятости мигрантов, устранение основы для коррупции и нарушения прав человека; эффективнее удовлетворяется рыночный спрос на рабочую силу. Но из-за слабости российских институтов рынка труда и степени разрыва в уровне социального развития между странами возможны и негативные последствия: рост социальной напряженности и обострение конфликтов на почве ксенофобии, односторонняя направленность перемещения по сравнению с внутриевропейской миграцией. Преимущество для России ограничительного сценария в том, что он позволяет повысить

односторонний контроль над иммиграцией и создать базу для количественного и качественного отбора мигрантов. Недостатки — вероятность дефицита трудовых ресурсов из-за демографической ситуации и слабая привлекательность российского рынка труда для квалифицированных кадров. Также значительны издержки на соблюдение пограничного и визового контроля, увеличение семейной миграции, рост антииммигрантских настроений в обществе.

Представляется, что для России ни один из этих сценариев в чистом виде неприемлем. И новая «Концепция миграционной политики 2012–2025 гг.» отражает все противоречия по этой проблеме, существующие в политической элите и обществе. Иммиграция стала «яблоком раздора», «разменной картой» выборных кампаний, их идеологической составляющей. Здесь важно обозначить основную цель: сдерживание иммиграции и защита национального рынка труда или формирование пространства свободного перемещения общего рынка труда со странами СНГ. Инструменты достижения этих целей различны (всесторонний контроль и визовый режим или ослабление государственного вмешательства и упрощение устройства мигрантов). Государство должно определиться в этом вопросе, только тогда возможна эффективная миграционная политика.

Таким образом, создание привлекательности рынка труда, проживания (жилье, социальная сфера), обеспечение безопасности — это условия изменения качества миграции (специалисты, имеющие более высокий уровень образования, знающие русский язык или стремящиеся к овладению им). Осуществляя эффективную миграционную политику, страна решает и такие важные проблемы, как демографическая, трудовых ресурсов, экономическая, сближения в области культуры и адаптации человека в ином социуме («научение» сосуществовать в рамках разных культур и религий), что необходимо для сохранения мира. При этом имеет значение и развитость гражданского общества принимающей страны.

Литература

1. Воробьев О.Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник СФ ФС РФ-2003. № 9.
2. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.
3. Троицкая О. Миграционная дилемма России // Pro et Contra. 2012. № 3.

4. Капур Д, Макхейл Д. Прибыльная миграция // Pro et Contra. 2005. № 1.
5. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Pro et Contra. 2005. № 3.

А.В. Кротов, А.В. Стародубов
Международные миграции как фактор
геоэкономической конкуренции и геополитического
противоборства в глобальном мире

Феномен внешних миграций сейчас довольно активно и продуктивно рассматривается представителями различных научных направлений. Несмотря на очевидную современную актуальность, перемещение народов в исторической ретроспективе было всегда. Более того, некоторые из ныне функционирующих государств практически полностью сформированы за счет разнообразных этнических вливаний, причем межконтинентального характера. В XXI веке постиндустриализма внешние миграции стали одним из ведущих компонентов конкурентоспособности наиболее развитых экономик, хотя надо признать и существование противоположных мнений. Например, можно отметить имевшую большой общественный резонанс работу крупного немецкого бизнесмена Тило Сарацина [1].

Наша гипотеза состоит в том, что острое соперничество на геополитическом и геоэкономическом поле привело к особой значимости иммигрантов в создании конкурентных преимуществ в тех странах, которые смогли правильно использовать дополнительные открывающиеся возможности. Характерными особенностями эпохи глобализации стали быстро изменяющиеся условия ведения бизнеса, первостепенная значимость человеческого капитала в отличие от прошлых времен, когда прежде всего важно было наличие природных ресурсов или финансового капитала. Обоснуем это.

В современное время происходят очень быстрые изменения на рынках труда в наиболее развитых странах. За 20–30 лет вчерашняя отрасль специализации в мировом разделении труда становится просто рядовой среди подобных. На первый план выходят совершенно новые виды хозяйствования, занимавшие еще недавно доли процента от валового продукта. Соответственно, возникают потребности в других трудовых кадрах. Наиболее прибыльными или даже сверхприбыльными являются предприятия,

связанные с инновациями в технологической, экономической или социально-политической областях. Все эти бизнесы требуют особых профессиональных компетенций, как правило, связанных с долгим по времени обучением и наличием определенных талантов. Само собой разумеется, что столь эксклюзивный продукт находится в любом обществе в ограниченном количестве.

В современном, особенно городском, обществе довольно быстро меняются представления о престижности трудовых вакансий и, даже если эти места сейчас заняты местными кадрами, не значит, что завтра все не изменится. В результате нашего исследования были выделены наиболее проблемные участки занятости, которые закрываются внешними мигрантами, и территории с наибольшим процентом иммигрантов. Отметим, что среди стран, закрывающих свои трудовые потребности за счет иностранцев, существуют большие различия и по местам приложения труда, и по вакансиям, которые занимают мигранты. Нами в таблице 1 приведены основные виды занятости и места пребывания их.

Таблица 1.

Внешняя миграция в экономике

Виды занятости	Основные центры занятости мигрантов
Рабочие разной квалификации	Мировые города
Работники сферы услуг	Мегаполисы
«Серые» варианты занятости	Курортные зоны
Высококвалифицированные специалисты	Промышленно-добывающие центры
Творческие работники	Сельское хозяйство
Ученые	Технополисы и технопарки
Криминальные «профессии»	
Бизнесмены	

Взять извне специалиста выгоднее по множеству причин. Не нужно вкладываться в обширную социальную сферу (образование, медицина и т. д.), начиная с рождения и заканчивая получением специальности.

Многочисленные риски, связанные с воспроизводством трудовых ресурсов, перекладываются на родную страну внешних мигрантов. Самое главное, что приезд даже самого высокопрофессионального специалиста или таланта не стоит для принимающей стороны практически ничего. Сейчас нет традиций и практик, когда выезд человеческого капитала из одной страны компенсируется каким-то образом другой принимающей стороной. Более того, в научной литературе отсутствуют реальные цифры потерь и приобретений стран мира за счет таких внешних перемещений. Попытаемся произвести такие оценки. Выгоды, получаемые за счет иммигрантов, можно рассчитать двумя способами: суммируя все затраты, которые потребовались для создания данного человеческого капитала или рассчитывая прибавочный продукт, который можно приобрести, используя приезжего на протяжении его жизни. В обоих случаях много допущений, которые нужны для подсчета прибылей. Но в масштабе больших значений миграции на уровне страны многие компоненты можно упустить.

Так, годовая прибавочная стоимость среднего мигранта, по всей видимости, будет не сильно отличаться от душевого валового продукта, произведенного в данной стране за год. Если предположить, что мигрант столько же работает, сколько коренной житель, и обладает такими же способностями, то его вклад в ВВП будет аналогичным. Это относится и к случаям, когда иммигранту недоплачивают зарплату, и он не становится равным аборигенам на протяжении всей своей жизни. Разница в валовом продукте может возникнуть только тогда, когда приезжих используют на самых непрестижных и малооплачиваемых работах. Но в этом случае государство получает ощутимый плюс за счет улучшения социальной обстановки среди местных граждан, уменьшается поляризация по доходам. Качество жизни у коренного населения таким образом растет. Негативным следствием принятия мигрантов только на худшие места приложения труда может стать возникновение межнациональной напряженности, конфликтов, а в случаях получения иммигрантами гражданства в последующем однозначно возникают проблемы неравенства.

Уменьшение проблем с мигрантами достигается избирательным приемом людей, имеющих похожие или даже аналогичные фенотипические черты, такие же религиозные предпочтения, близкий менталитет и быстро осваивающих новый язык. Еще легче адаптация иммигрантов наступает, когда, наоборот, принимаются только высококвалифицированные остро востребованные на рынке труда специалисты. Если такие мигранты не образуют анклавов своих диаспор, то местное сообщество наименее болезненно принимает таких пришлых.

Обширные выигрыши, которые получают от приглашения иммигрантов, показаны в таблице 2.

Таблица 2.

Выгоды, получаемые за счет иммиграции

№ п/п	Выгоды для принимающей стороны
1	Занятие самых непрестижных мест работы
2	Приезд талантов и лучших в своих областях
3	Экономия на «создании» человеческого капитала
4	Быстрая расшивка «узких» мест в экономике
5	«Серая зона» занятости для малорентабельных сфер хозяйства
6	«Необходимые» криминальные профессии
7	Улучшение демографической ситуации и на брачном рынке
8	Уменьшение вероятности создания конкурентных сфер на родине иммигранта
9	Поддержка оппозиции в отдалении от геополитического конкурента

Прокомментируем таблицу. «Узкими» местами в экономике могут быть сырьевые секторы, где нет социальной инфраструктуры для местных работников, или — сложные инновационные проекты, которые требуют лучших специалистов буквально со всего мира. Мигранты, работающие в «серых зонах» занятости, дают возможность существовать в том числе тем секторам экономики, которые в легальных условиях были бы малорентабельными и/или проиграли бы зарубежным конкурентам. Во многих современных демократических государствах, несмотря на риторику, существует явная потребность в услугах, которые часто соседствуют с криминалом или даже по местным законам являются таковыми. Сюда относятся проституция, продажа человеческих органов, рабство, усыновление за деньги и т. п. Безусловно, иммигранты улучшают общую демографическую ситуацию в принимающей стороне. Репродуктивность у приезжих

из бедных стран в первом поколении выше, чем у аборигенного населения. Более того, можно заполнять определенные возрастные ямы, которые есть во всех странах. Аналогично можно сделать предположение и по ситуации на брачном рынке, где наименее востребованные представители коренного населения вполне удовлетворяют мигрантов.

Иногда приезд иммигранта выгоден по той простой причине, что в этом случае он не будет работать на конкурента (в родной или иной стране). Не создаст там новый продукт, не потратит свои средства там. Когда конкуренция по-настоящему велика, то выгодным становится и поддержка оппозиции геополитического соперника в изгнании.

На другом полюсе можно наблюдать негативные последствия выезда людей. Если где-то что-то прибывает, то автоматически в другом месте убывает (во всяком случае, для геополитических и геоэкономических конкурентов это работает). Мы не рассматриваем здесь квазимаргинальные страны, существующие за счет валютных поступлений своих выезжающих сограждан. В таблице 3 генерализированы основные потери от эмиграции.

Таблица 3.

Потери от выезда эмигрантов

№ п/п	Потери для родной страны внешнего мигранта
1	Утечка мозгов
2	Демографические потери
3	Выезд работоспособного населения
4	Отсутствие отдачи от затрат в социальную сферу
5	Уменьшение совокупного рынка товаров и услуг
6	Вывоз капитала
7	Снижение веса критически настроенных людей с позитивной энергетикой (пассионариев)

Понятно, что перемещение из страны в страну не прекратится, пока не исчезнут главные причины, из-за которых меняют родной дом, язык, окружение на чужое. Когда в мире существуют такие различия в доходах и качестве жизни населения, всегда будет стремление изменить свою

судьбу к лучшему. В таблице 4 систематизированы причины выезда людей. Важно учесть, что иммигрант бежит не только из-за каких-то реальных или воображаемых проблем или несчастий, но и вследствие каких-то ожиданий. Так, особо миграции (и еще больше мечты мигрировать) увеличились в век потока информации, когда возник лубочный образ сказки принимающей страны (например, фильм «Санта-Барбара» о жизни американского богатого класса, до которого дорастают единицы процентов приезжих), часто сложно проверяемый.

Таблица 4.

Основные причины эмиграции.

№ п/п	Причины
1	Социально-экономические проблемы
2	Этно-религиозная нетерпимость и войны
3	Поиск лучшей доли
4	Социально-политические несвободы
5	Экологический кризис
6	Раскрученный образ страны и/или жизни
7	Воссоединение семей

Страны, исторически привлекающие переселенцев, в нынешних условиях лучше приспособлены к адаптации чужестранцев. Проанализировав весь комплекс проблем и следствий внешних миграций, хочется предложить еще одну гипотезу. Развитый мир, как ныне ведущий актер развития всех важнейших сфер на планете, пытается создать такие информационно-правовые и общественно-экономические условия, когда те страны, которые не являются, условно говоря, ведомыми и предлагают свои варианты сосуществования на мировой политической карте, выключаются постепенно из игры путем лишения их основных конкурентных преимуществ. И даже имея, казалось бы, все предпосылки для достойного самостоятельного развития, государства могут оставаться на периферии. Кстати, в данном случае последние события в Украине можно рассматривать и как создание условий для стимуляции еще большей эмиграции из страны.

Литература

1. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Münch., 2010.

А.Ю. Полтораков

Миграция как вызов безопасности: национальные и международные аспекты

Возможно ли унести родину на подошвах своих сапог?

Жорж Жак Дантон, 1794 г.

«Глобализация» и «безопасность» с относительно недавних пор окончательно закрепились в качестве ключевых парадигм мирового развития, «пропитав» все сферы и измерения общественной жизни. Нынешняя миграционная ситуация в мире развивается крайне противоречиво и во многом хаотично. В условиях глобализации государства теряют контроль над перемещениями не только капитала, товаров, информации, но и людей (по данным Всемирного банка, например, за рубежом работают около 6,5 млн. граждан Украины). Из-за этого масштабная международная миграция, представляя собой особую «социоэкономическую производную» глобализации, также является вызовом безопасности как на национальном (государственном), так и на международном уровнях. В силу этого Международная организация миграции рассматривает трудовую миграцию как одну из основных проблем государственной политики в XXI в.

Исследователи, анализируя воздействие мигрантов на принимающую страну, ее экономику и политику, вынуждены констатировать, что «в Европе о таком воздействии известно мало, потому что систематически этот вопрос не исследовался. Но понять воздействие миграции без такого исследования невозможно, так как можно заранее ожидать, что многое зависит от миграционной политики в принимающей стране и от характеристик самих мигрантов. Кроме того, эта тема требует исследований на межгосударственном уровне» [1, с. 32].

Наиболее проблемным аспектом международной миграции традиционно является нелегальная миграция, смыкающаяся с международной преступностью (ежегодно транснациональные преступные сообщества незаконно вывозят около 1 млн нелегалов, что приносит им не менее 20 млрд долларов прибыли.)

Неэффективность современной международной миграционной модели имеет следствием рост числа нелегальных мигрантов, что характерно практически для любого принимающего государства. Нелегальную миграцию обоснованно можно отнести к факторам организованной преступности, причем как «не только уголовно-правовое, но и политическое явление, представляющее угрозу национальной безопасности; основной фактор криминализации власти... и в целом страны» [2, с. 358].

Массовое неконтролируемое переселение иностранных граждан и их незаконное пребывание в этих районах зачастую ухудшают социальную обстановку, благоприятствуют развитию «теневой экономики», создают неконтролируемую ситуацию и угрозу национальному рынку труда. В силу своей природы нелегальная миграция вступает в тесные связи с нелегальным бизнесом, а, следовательно, и смыкается с организованной преступностью, которая, в свою очередь, заинтересована в потоке мигрантов как в источнике существенных доходов. Объединенные по этнонациональному признаку формирования «криминальных мигрантов» создают неконтролируемый рынок товаров и услуг, где достаточно ярко выражаются негативные стороны усиливающихся миграционных процессов. Прежде всего, это запрещенные к обороту товары и услуги, уклонение от уплаты налогов, а также стремление к контролю целых экономических отраслей и сфер (вплоть до доставки и сбыта наркотиков и оружия, изготовления и продажи фальсифицированных спиртных напитков, поддельных документов, справок, печатей и т. п.).

Из-за высокой стоимости официальных денежных переводов (так, помимо того, что украинские мигранты одновременно должны платить налоги в казну Украины и страны трудоустройства, их денежные переводы для родственников облагаются 15–17% налогом — как на иностранные доходы граждан) общины мигрантов оперативно создают параллельные и альтернативные пути для пересылки денег на родину, как правило, используя «неформальные» (личные и этнические) каналы и нелегальные сети. Эксперты (Р. Холзманн, Р. Мюнз и др.) небеспопечно предполагают, что «при определенных обстоятельствах эти каналы могут использоваться для отмыwania денег и других незаконных операций, включая финансирование терроризма» [1, с. 21].

Если говорить о «внутренней геополитике», то прирост иностранных мигрантов создает особые проблемы в приграничных районах, где происходит интенсивное формирование иностранных общин, которые по своей численности и влиянию постепенно приближаются к коренному населению.

Рост нелегальной миграции негативно влияет, хотя и несколько опосредованно, на легальную миграцию. Нелегальные мигранты, менее требовательные к обеспечению трудовых прав и социальных гарантий, являются своеобразным фактором «демпинга» для потенциальных работодателей, заинтересованных в минимизации затрат на трудовые ресурсы. Вместе с тем, экономико-правовая и социально-гуманитарная незащищенность «нелегалов» является серьезным фактором усиления социальной напряженности и ухудшения криминогенной обстановки в целом.

Приведенные тренды — особенно когда они усиливаются социокультурной («цивилизационной») составляющей — могут легко перейти из фазы латентной социальной напряженности в полноценный этнополитический конфликт. Вспомним события прошлого десятилетия в Великобритании, Германии, Франции [3] и пр. Печальный опыт «добровольно-принудительных» миграций (депортаций, этнических чисток и т. п.) свидетельствует о том, что «перегибы» миграционной политики чреваты далеко идущими последствиями международного характера.

Для многих западных (особенно европейских) стран более чем остро стоит проблема социокультурной адаптации мигрантов (как нелегальных, так и легальных). Это объясняется, прежде всего, тем, что, при достижении численности иммигрантов определенной критической массы, они уже не пытаются ассимилироваться и усвоить новый образ жизни и язык, а создают замкнутые зоны обитания, стремясь сохранить свою идентичность, национальные традиции, религию, культуру. Иными словами, «качественная» тенденция к ассимиляции обратно пропорциональна «количественному» показателю величины диаспоры — конечно, с учетом «коэффициента» концентрации иммигрантских общин и т. п.

Помимо этого, политико-социальные тренды, заданные террористическими актами в Европе и США, способствовали усилению социальной напряженности и социально-психологической обеспокоенности в связи с вызовами обеспечения личной безопасности граждан.

Небеспоਚвенно рассматриваемая через этноконфессиональную призму угроза терроризма провоцирует социальные настроения ксенофобии, выливающиеся в рост этнонационального и этноконфессионального шовинизма и этнополитического экстремизма, широкую общественную поддержку праворадикальных политических сил и движений.

Зачастую в повышении уровня «мигрантофобии» определенная вина лежит на медиа (в том числе международных), активно муссирующих «острую» проблематику в СМИ.

В связи с этим нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что «правые радикалы», «(ультра) националисты» ряда европейских стран, апеллируя к проблеме «чужестранцев», добиваются политических успехов, создавая определенную угрозу позициям правящих «центристских» партий [см. 4].

Правительствам государств Европы, на примере провала политики «мультикультурализма» осознавшим необходимость сбалансированного, комплексного и многостороннего подхода к управлению миграционными процессами, с учетом всех факторов, порождающих иммиграцию (и порождаемых ею), приходится более активно искать новые пути решения этнополитических проблем не только в национальном, но и в общеевропейском масштабах.

Вследствие этого необходимо переключить внимание на следующие ключевые проблемы международной миграции, связанные с общим контекстом международной безопасности (по крайней мере, в ее политическом и смежных измерениях):

1. Кризис управления миграцией на национальном и международном уровнях. Наиболее проблемными видятся нам вопросы реадмиссии (согласия государства на прием обратно на свою территорию своих граждан — а в некоторых случаях и иностранцев, прежде находившихся или проживавших в этом государстве, — которые подлежат депортации из другого государства) и двойного гражданства. Проблему усугубляет также несогласованность национальных политик миграции даже в рамках конвергентных политико-экономических систем (ЕС, СНГ и пр.) и «пространств безопасности» (ОБСЕ, СЕ и т. п.). Например, Украина, которая дает 10–12% от общемирового потока трудовых мигрантов, до сих пор не имеет профильного Закона о зарубежной трудовой миграции своих граждан.

2. Отсутствие достаточно надежных и отлаженных механизмов, позволяющих обеспечивать миграционное взаимодействие. Особо следует отметить, что связь между международной миграцией и национальной безопасностью не является прямой.

Действительно, криминал имеет место в иммигрантских общинах, однако он не превышает уровень криминала местного населения подобной социальной и возрастной группы. По нашему мнению, социально-политические угрозы «национальной безопасности» проистекают не столько из-за миграции как таковой, сколько из-за социально-экономического положения иммигрантов, (не) эффективности национальной и международной (региональной) миграционной политики в вопросах их принятия, обустройства, интеграции, а также социокультурной политики в целом.

3. Обострение экономико-социальных противоречий между посылающими и принимающими странами («донорами» и «реципиентами»). Так, например, по данным Всемирного банка, 45–50% ВВП Таджикистана, 29–30% ВВП Киргизии формируется за счет трудовых мигрантов. При этом в 2008 г. объем денежных переводов из РФ в Таджикистан составлял 2,5 млрд. долларов (45% ВВП). Все более ярко это проявляется также в проблеме «утечки мозгов», достигающей в развивающихся странах 30% квалифицированного труда, и т. п.

4. Актуализация противоречий национальными интересами отдельных государств и правами человека (в частности, дискриминационная практика в отношении трудящихся-мигрантов и беженцев). Отметим, что, с точки зрения гуманитарной безопасности, право на перемену места жительства — с возможностью легально покинуть свою страну — почти повсеместно признается одним из фундаментальных прав человека. При этом речь идет не только о гуманистическом и политическом смысле этой формулы как главном ее принципе, но и об ее экономико-правовых аспектах: свобода передвижения людей рассматривается наравне со свободным движением товаров, услуг, капитала.

Итак, в условиях непреодоленного геоэкономического кризиса фактор международной миграции остается основным вызовом национальной и международной безопасности. Более тесной стала взаимосвязь вызовов миграции с социоэкономическими угрозами. Вместе они инициируют и поддерживают миграционные настроения. Параллельно происходит нарастание негативных последствий несистемной политики для «профильных» угроз социально-экономической и социально-политической безопасности государств, которые заключаются в сокращении квалифицированной части экономически активного населения в результате вынужденной (рез) миграции и параличе многих секторов народного хозяйства, деформации этнодемографической структуры обществ и оживлении сепаратистских настроений и угроз территориальной целостности государств, нарастании внутриполитической нестабильности.

Литература

1. Холзманн Р., Мюнз Р. Проблемы и перспективы развития международной миграции в ЕС, входящих в него государствах, в соседних странах и регионах: вопросы политики // 2-й Стокгольмский семинар по режимам глобальной мобильности населения, 11–12 июня 2004 г. Стокгольм, 2004.

2. Устинов В.С. Организованная преступность. Криминология: учебник. СПб., 2005.

3. Стрельцова Я. Франция и проблема интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 9.

4. Мингазутдінов І.О., Полтораков О.Ю. Феномен «етнічної мобілізації» та його наслідки для Західної Європи // Вісн. Київ. ун-ту ім. Тараса Шевченка. Сер.: Міжнар. відносини. 1998. № 10.

О. Ч. Реут

***Диаспора в медиаполисе: изменение способов
восприятия и практики самоопределения***

Миграция или пространственное перемещение населения является одним из весьма сложных историко-демографических феноменов, определяющих собой многие черты современной общественно-политической жизни. Причины, формы и последствия миграции в разные времена и в разных обстоятельствах были различны. В этом смысле миграция глубоко исторична. Многие из крупнейших стран мира, в том числе США, обязаны своим существованием международной миграции.

Проблема диаспоральной организации в условиях постоянного усложнения миграционных процессов оказывается в центре внимания специалистов, относящихся к разным отраслям социально-гуманитарного знания. При этом методологические основания, связанные с априорным побуждением дробить изучаемую реальность на части, определяют ограниченность применения междисциплинарного подхода. Чередование исследовательских приемов, которое почти никогда не создает возможности для одновременного задействования нескольких дисциплин, в лучшем случае дает результаты при параллельном изучении причин и направленности миграционных процессов разными средствами, но не при попытках получения синтетических выводов. Ответом на эти новые вызовы, неразрешимые в рамках традиционно понимаемой междисциплинарности, с одной стороны, может стать постдисциплинарность. С другой стороны, вовлечение миграциологии в пространство взаимодействия нескольких научных субдисциплин означает использование потенциала кроссдисциплинарности. Плодотворное сотрудничество оказывается возможным между отдельными секторами истории, теории международных отношений, политологии, медиаисследованиями, а не при тотальном размывании дисциплинарных границ.

Наиболее распространенное определение диаспоры включает в себя обозначение конкретных этнических общностей выходцев из одной

или нескольких стран, сравнительно компактно проживающих за пределами родины в иноэтнической среде. Адаптивное функционирование предопределяет упорядоченность эмигрантского сообщества. Дополнение исторической ситуативности и личностной идентификации позволяет наделять выходцев важными для исследовательских практики признаками. К настоящему времени периодизация и типологизация миграции, анализ ее структурных параметров с точки зрения функционирования в разных типах принимающих обществ, наряду с выявлением и оценкой культурных парадигм мигрантов представляют собой ставшими классическими самостоятельные направления исследований.

Выступая как общественно-политическая модель, создающая множественные идентичности и предлагающая условия институционализации вне исторической родины, диаспора вырабатывает деятельностные и ценностные измерения своего переформатирования. В указанном смысле диаспора представима в качестве дискурсивно уточняющегося поля самоопределения, изначально консолидируемого такими факторами, как язык и культура. Важно отметить, что теоретические подходы к изучению механизмов адаптации к новым реалиям мира и политике межкультурного диалога до недавнего времени концентрировались на обнаружении оптимального баланса между стратегиями универсализации и растущей актуализацией самобытных идентичностей. Неудивительно, что проблематика диалога культур и межкультурных коммуникаций, особенно на фоне практической востребованности парадигмы мультикультурального развития, оказалась в мейнстриме миграционных исследований в начале XXI века. При этом собственно коммуникационный подход опирается на тезис, в соответствии с которым адаптация, интеграция и ассимиляция мигрантов реализуются при замещении обстоятельств массовой коммуникации в иноэтнической среде. Сама коммуникация представляется специфическим видом социальных отношений, который регулирует производство и распространение ценностных парадигм.

Однако в какой мере фактор «проживания за пределами родины в иноэтнической среде» остается неизменным для определения современной диаспоры, встроенной в различные режимы коммуникационного взаимодействия? Каковы пределы иноэтнической среды и где проходят ее границы в ситуации, когда мигрант не только не испытывает разрыва с родными языком и культурой, но даже не фиксирует деформацию медиакommunikационных интеракций? Как самоорганизуется зарубежье, если задачи сохранения себя как единого целого, не растворяемого полностью в чужом мире, не выступают приоритетными?

Удивительно, но концентрирование исследовательского внимания на анализе собственно миграционных потоков оказывается более недостаточным, поскольку мигрант зачастую перемещается из одного медиаполиса в другой. Емкий образ медиаполиса «вбирает в себя многомерность и глубину перемен», произошедших к настоящему времени [1, с. 15]. Медиаполис с его проблематикой, эстетикой и кроссдисциплинарными исследовательскими перспективами наиболее точно отражает современную действительность и отвечает задачам осмысления нынешнего диаспорального состояния.

Радикальное изменение способа восприятия миграции, к которому ведут новые коммуникационные перспективы, переопределяет как границы познавательных возможностей, так и границы дискурсивного восприятия. Рассматриваемый процесс приводит к возникновению качественно нового пространства исследований. В отличие от традиционных систематизирующих ограничений, разбивающих некую понятийную общность на группы (и/или классы), в той или иной степени (контрастно) противопоставляемые друг другу, дискурсивное форматирование в восприятии миграции непредставимо в категориях «центра». Дихотомические пары «оставшийся — уехавший», «здесь — там», «местный — мигрант» подразумевают, что любое положение, не совпадающее с одним из полюсов, оказывается немиграцией. Среднего/центрального положения с его собственными «автохтонами» и «чужаками», «ассимиляционным» и «сепарационным» не существует. Проблема инновационного восприятия миграции автоматически оказывается в дискурсивном поле уже после бесконечно малого отхода от классического понимания пространственного исхода и классической государствоцентричной модели гражданства. Своеобразные полюса дискурса, с одной стороны, фиксируют бинарную оппозицию. С другой стороны, положение «мигрант» сам по себе конструирует социального «другого». Или же, иными словами, такой «другой» в процессе пересмотра миграции деконструирует монополию зарубежья как специфичного способа организации практик эмигрантского сообщества.

В медиаполисе изменение коммуникационных паттернов ставит вопрос о границах коммуникации, которые являются феноменами иного свойства в отличие от пространственно-физических или чисто технологических границ. Объяснить все эффектом глобализации навряд ли представляется уместным, так как диаспоральная организация активизирует усиление новых идентичностей участников коммуникации. Медиаполис оказывается, с одной стороны, состоянием мигранта, формируемым развитием медиакommunikаций, производством

и потреблением медийной продукции. С другой — внетерриториальной средой обитания, создаваемой медиакоммуникациями и лишенной пространственной определенности.

По сути дела, фрейм медиаполиса требует существенного пересмотра представлений не только о самой эмигрантской реальности, но и способах, формах и методах ее познавательной репрезентации. Деление реальности на объективную и субъективную, «открываемую» и социально конструируемую, материальную и виртуальную не является более достаточным. Рассматривая сложноподчиненность выделяемых объектов, представляется обоснованной постановка вопроса о поиске критериев соответствия или несоответствия их дискурсивных описаний, а также возможным согласованиям различных типов реальностей.

Изучение репрезентаций *диаспорального* неразрывно связано с анализом самоорганизации зарубежья. В результате естественного пополнения происходит процесс дальнейшего структурирования диаспоры, сохранения ее специфики при развитии соответствующих времени новаций. При этом каждая из эмиграционных волн, наряду с сохранением общих черт, имеет свои отличительные особенности, обусловленные причинами эмиграции, численностью, ареалом расселения, социальным и политическим составом, а теперь и способностью встраиваться в медиакоммуникации и отсюда — спецификой условий адаптации, масштабами институционализации и глубиной интеграции эмигрантского сообщества.

Очевидно, что акты репрезентаций понимаются как символические, поскольку анализ практик осуществляется посредством образных, метафорических, интеллектуальных и, конечно, поведенческих инструментов. «Практики конституируют и воспроизводят идентичности» [2, с. 22] и в указанном смысле раскрывают особенности диаспорального существования.

«Березки и матрешки меня никогда не трогали особо. Я не привязываюсь к географии, а Skype и электронную почту никто не отменял» [3], — наглядный пример новой диаспоральности. Именно в таких условиях формулируются идеи и концепты, последующее выражение которых обретает конкретные способы и характерные черты, образуя совокупность символических слоев репрезентационной картины. Фрагментированность и разорванность контекста, отсутствие целостного семантического кода, многослойность коммуникативной основы, символическое отчуждение — только некоторые аспекты интерпретационного взгляда на менее формализованные и неиерархизированные практики эмигрантского самоопределения.

В заключение стоит отметить, что пространственно-временные измерения современных диаспор испытывают усиливающееся воздействие новых коммуникационных перспектив, в которых транснациональные идентичности раскрываются и переопределяются во взаимозависимости с медийной составляющей. Образ диаспоры в медиаполисе не только вбирает в себя многомерность произошедших перемен, космополитичных по своему характеру, но и позволяет критически оценить, в какой степени медиа, в том числе новые медиа, способны трансформировать саму диаспоральную организацию, переформатировать коллективную идентичность, «рассеять, но не расторгнуть».

Литература

1. Корконосенко С.Г. Медиаполис: другое измерение современного мегаполиса // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 1. С. 15–28.
2. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.
3. Лошак А. А может быть, Россия — только страх // COLTA.RU. 30 мая 2014 г. URL. <http://www.colta.ru/articles/society/3404>

А.В. Толстокорова ***Роль аттитюдного фактора*** ***в конструировании опыта зарубежного трудоустройства*** ***украинских трансмигрантов***

Значимым аспектом конструирования опыта зарубежного трудоустройства транснациональных мигрантов является аттитюдный фактор, т. е. склонность индивидов реагировать благоприятным или неблагоприятным образом на некий объект, лицо, институт или событие, варьирующаяся по степени благоприятности или неблагоприятности в отношении различных аспектов окружения индивидов. Данное исследование гендерных аспектов украинской трудовой миграции свидетельствует о том, что им объясняются многие вызовы, с которыми приходится сталкиваться украинским транснациональным мигрантам¹. Поэтому изучение данного аспекта зарубежного трудоустройства украинцев является актуальной

¹ Транснациональные мигранты понимаются здесь вслед за П. Левитт [1] как мобильные индивиды, которые работают и выражают свои политические интересы в нескольких контекстах, а не в одном национальном государстве.

задачей. Этой цели и посвящена данная работа, эмпирическую базу исследования которой составили 25 глубинных экспертных интервью, а также полуформализованные интервью и обсуждения в 2 фокус группах с 43 украинскими мигрантами и членами их семей. Также был проведен анализ прессы и вторичных теоретических источников по вопросам украинской трудовой миграции.

Анализ результатов полевого исследования.

Данное исследование подтвердило наблюдение, что отношение к иностранному рабочему как правило определяется стереотипами, бытующими в принимающих обществах, в частности в России [2]. Они могут носить как положительные, так и отрицательные коннотации. В экспертных интервью неоднократно подчеркивалось, что украинцы обычно пользуются положительной репутацией у зарубежных работодателей и традиционное представление о них включает такие качества как трудолюбие, дисциплинированность, образованность, высокий уровень бытовой и общей культуры. В Португалии, являющейся страной назначения мужской миграции из Украины, существует большой спрос на украинских строителей. Здесь даже бытует поговорка, что легче научить украинца говорить по-португальски, чем научить португальца строить так же хорошо, как это делают украинцы.

В Италии, являющейся основной принимающей страной женской миграции из Украины, высоко ценятся украинские сиделки, няни и домработницы. Как сообщил в экспертном интервью посол Италии в Украине, участие украинок в местном рынке труда весьма приветствуется. Итальянцы ценят в них то, что они более ответственные и дисциплинированы, чем мужчины, не приносят хлопот своим работодателям, проявляют себя как заботливые, чистоплотные и обязательные работницы. О таком отношении к украинкам в странах назначения, в частности, в Испании, говорили и информанты:

«Наши украинские женщины востребованы везде, потому что они и красавицы, и прекрасные хозяйки и ответственные матери. Где бы она ни жила, украинка, даже в самых отвратительных условиях, она всегда сможет превратить это место в «настоящий дом». Там всегда будет чистенько, уютненько, там всегда будет огородик с огурчиками-помидорчиками и садик с цветочками под окнами. Вот Майя как раз такая. Красавица женщина и замечательная хозяйка. Поэтому как только она нашла себе там работу, в Испании, начала обживать, ее хозяин-испанец тут же ее заметил и глаз на нее положил». (Варвара, мать мигранта в России).

Однако, в общественном сознании принимающих обществ нередко проявляется аттитудный негативизм, базирующийся на ксенофобии по отношению к мигрантам. Это существенно осложняет положение украинцев в странах трудоустройства. Вот что сказал в интервью информант Денис, преподаватель вуза, ездивший на заработки в российскую столицу:

«Москва никого не ждет, никого не гонит. Но второсортность ощущается. Даже не второсортность... мы здесь не второй и даже не третий сорт, а тридцать третий. Пока не научился говорить «а» по-московски, только тогда отношение стало меняться».

В то же время, в принимающих странах об украинцах сложилась масса стереотипов и предрассудков. Чаще всего они ассоциируются с мафией, проституцией, гендерным насилием [3]. Традиционное представление о славянских женщинах, в том числе украинках, как «похитительницах мужей» вызывает у местных женщин аттитудный негативизм: в Греции их считают «чуть ли не врагами народа» [4], а в Италии прозвали «Vogaro», т. е. охотницы за чужими мужчинами [5]. Информантки и эксперты указывали, что возникновению подобного стереотипа способствовало высказывание экс-президента Леонида Кучмы, который в интервью корреспонденту одной из итальянских газет якобы назвал своих соотечественниц, работающих в Италии, «проститутками»². Кроме того, масла в огонь аттитудного негативизма к украинкам подлили эпатажные акции протеста, которые группа «FEMEN» провела в ноябре 2011 г. в Риме и Ватикане, усиливая их эффект плакатами с шокирующими нецензурными лозунгами. Это событие оскорбило христианские чувства итальянских католиков и вызвало неоднозначную реакцию в украинской диаспоре, состоящей преимущественно из женщин, репутация которых пострадала в первую очередь [6]. Чтобы отстоять свое женское достоинство, они даже поставили спектакль-пародию на «FEMEN» [см. 7], в котором выразили свою позицию по данному вопросу.

Как показали интервью, отношение к мигрантам детерминировано сочетанием гендерных, этических и возрастных факторов. Так, хотя информантки, работавшие домработницами в Москве, подтвердили данные об организации полицейских «облав» на нелегальных мигрантов в крупных городах России, они опровергли утверждение, что наличие регистрации в документах проверялось только у мужчин, и никогда у женщин

² Как свидетельствует личная переписка с американской коллегой, занимающейся исследованием миграции украинских женщин в Италию, поиск этого интервью в материалах итальянской прессы не дал результатов, как не было найдено никаких упоминаний о визите Леонида Кучмы в Италию за период его президентства.

[8, с. 146]. Более того, украинки иногда становились объектами особого внимания со стороны «стражей порядка»:

«У меня регистрации не было, так я в паспорте всегда деньги держала. На тот случай, если задержат и потребуют паспорт. Ну, чтобы не придирались и в кутузку и не уволокли. Знаете, они нас, хохлушек, на раз вычисляют. По внешности, по речи, да черт их знает как! Это уже у них вроде бы как такой профессионализм ментовский. Но, слава Богу, пронесло, ни разу не остановили. Но я всегда деньги держала наготове. Если что — всегда есть что «дать на лапу» ментам.» (Марина, уборщица в Москве).

На сочетание «сексизма» и «эйджизма» со стороны правоохранительных органов в отношении к украинкам в России указала Светлана:

«Да, документы это проблема. Но больше для молодежи, особенно для молоденьких девушек. К ним чаще придираются, чем к нам, ну, кто уже в возрасте. Молодые как раз главная группа риска. Всегда можно пришить проституцию. И с этим много поганных историй связано. Часто на них просто облавы устраивают. Если документов нет — все: обвинение в занятии уличной проституцией, а потом ведут в отделение. А там уже и изнасилования, и групповуха, и все, что угодно. Чего только там не происходит с этими девочками молоденькими! Они ж беззащитные совсем. Так рассказывают, что многих и венерическими <болезнями> заражают, и избивают их.» (Светлана, няня в московской семье).

Аттитудный негативизм ощущали многие респондентки, указывавшие, что предвзятое отношение к мигранткам во многом формируется средствами массовой информации. Так, они упоминали о телевизионных роликах, предупреждавших россиян о рисках и опасностях, связанных с наймом иностранных домработниц для частных домохозяйств. В них мигрантки представлялись в крайне невыгодном свете, что накладывало отпечаток на отношение к ним со стороны окружающих и осложняло процесс адаптации женщин к принимающему обществу. Информантки признавались, что им тяжело было мириться с тем, что с целью контроля за ними работодатели устанавливали в помещениях камеры слежения и прослушивающие устройства для домашних телефонов:

«Вся работа обслуживающего персонала просматривается и записывается на видеокамеру. Наше общество в данном отношении более целомудренное, чем общество людей, которые пытаются посмотреть на проблему сквозь призму своих духовных немощей. Есть над чем призадуматься!» (Юлия, гувернантка в Москве).

Как отмечают российские коллеги, опасность подобной «дегуманизации трудовых отношений» заключается в том, что испытывающие ее,

естественно, не будут питать уважения и теплых чувств к российским работодателям, а порой и к России в целом, ассоциируя с ней пережитые лишения [9, с. 56].

В то же время, многие женщины отмечали, что находили понимание у своих работодателей, которые по мере сил пытались помочь и поддержать их в сложных жизненных ситуациях. С благодарностью вспоминала о своем работодателе Мария, работавшая няней в московской семье. Когда у нее начались проблемы со здоровьем, ее «хозяин», высокопоставленный чиновник и бизнесмен, помог ей найти квалифицированных врачей и воспользовался своими личными связями, чтобы организовать ей хирургическую операцию в клинике высшего уровня и помог в оплате медицинских услуг. Несколько женщин отметили, что работодатели ценили их преданность принимающей семье и детям-клиентам, что проявлялось в предоставлении финансовых бонусов, дорогостоящих подарков и дополнительных отпусков. Многие информантки смогли наладить со своими работодателями не просто хорошие деловые отношения, но дружеские и теплые межсемейные связи, которые продолжались даже после того, как домработницы вернулись домой в Украину. Некоторые работодатели приглашали к себе в гости членов семей домработниц и сами ездили погостить к ним в Украину. Нередко они так привыкали к своим служанкам, что не хотели их отпускать, когда тем приходило время увольняться. Таким образом, спектр аттитудных моделей между мигрантами и местным населением варьирует в широком диапазоне: от «демонизации» и «дегуманизации» до взаимопонимания и поддержки.

Литература

1. Levitt P. 2004. Transnational Migrants. When «Home» Means More than One Country // Migration Information Source. Migration Policy Institute. 3. Європа без бар'єрів. Українсько-іспанський міграційний вектор. Український внесок до міграційної карти ЄС на прикладі Іспанії. Київ, 2012.
2. Тавровский А.В., Винер Б.Е. Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 4. С. 97–122.
4. Гошій І. Чоловік-грек заробітчанки з Тернопільщини не відпускає сина в Україну — загублені діти заробітчан // Новини Тернопілля. 30.05.2013. URL: <http://www.0352.ua/article/324650>
5. D'Ottavio G. Shuttle Female Migration in an Enlarged Europe. 2006. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/GDOttavioShuttle_Female_Migration_in_an_Enlarged_Europe.pdf

6. Украинцам в Италии стыдно за активисток FEMEN // Обозреватель. 09.11.2011. URL: <http://life.obozrevatel.com/boiling/ukraintsam-v-italii-styidno-za-aktivistok-femen.htm>

7. Українські заробітчани в Італії поставили спектакль «Анти-FEMEN» // Вікна. 06.03.2012. URL: <http://vikna.stb.ua/ua/news/2012/3/6/95921>

8. Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Попковой. Самара, 2003.

9. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 50–59.

Ю.Г. Чернышов

***Ксенофобия в условиях кризиса идентичности:
к проблеме интеграции мигрантов***

Инстинктивный страх и настороженное отношение к «чужим» заложены глубоко в подсознании человека. В первобытные времена это было защитной реакцией против внешних угроз: приход «чужаков» сопровождался, как правило, разграблением территории, истреблением жителей. Со временем, однако, по мере развития цивилизации, люди стали все больше нуждаться в мирных внешних контактах, в обмене опытом, в понимании «других» и в сотрудничестве с ними. Изолировавшиеся племена отставали в своем развитии и проигрывали межплеменным объединениям и ранним государствам, в которых уже использовался «международный опыт»: появляются письменность, своды законов, ремесло и торговля, регулярные органы управления, дипломатия и т. д. С тех пор эти две тенденции в истории существуют «параллельно», поочередно оттесняя друг друга. Международное сотрудничество, несомненно, зачастую способствует прогрессу цивилизации, однако в «навязываемых» формах оно нередко ставит под угрозу сохранение национального суверенитета и национальной самобытности. В таких случаях нередко включаются механизмы самоизоляции. Все эти процессы в очень сложных сочетаниях проявляются сейчас в республиках, четверть века назад входивших в Советский Союз.

В полной мере это относится и к проблеме восприятия иностранных мигрантов в России. Оно все чаще приобретает негативные оттенки.

Так, согласно опросу Левада-Центра, проведенному год назад, в четверку самых распространенных ответов россиян о характерных качествах мигрантов вошли отнюдь не положительные свойства: 1) незнание русского языка, трудности в коммуникации, 2) низкая квалификация при выполнении своей работы, 3) неопрятный, отталкивающий внешний вид, 4) навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев [1]. Хотелось бы обратить внимание на то, что, помимо ряда специфических причин «мигрантофобии», в этом проявляется и общий кризис идентичности.

Национальная идентичность — чувство приобщенности человека к конкретной национальной культуре, чувство, при котором он постоянно отождествляет себя с определенной группой, этносом, нацией, расой. Кризис заключается в том, что многим людям, проживающим на постсоветском пространстве, до сих пор трудно ответить на простой вопрос: «Кто мы — «граждане мира», «евразийские», «общероссийские» или «суверенно-национальные»?». Утрата старых и неопределенность новых идентичностей вызывают к жизни архаические картины мира и враждебное отношение к вообще всем «чужим» народам.

Между тем, Россия исторически сложилась как государство многих самых разных народов и религий. Русский народ, собирая вокруг себя другие народы, проявлял, как правило, не ксенофобию, а именно терпимость к «другим». В XX веке была предпринята попытка создать «новую историческую общность — единый советский народ». Национальные проблемы нередко пытались решить через нивелировку и обезличивание. Но при этом достаточно эффективно действовала система «интернационального воспитания»: важнее тогда была не «этничность», а «классовая солидарность трудящихся». Однако этот утопический эксперимент закончился крахом, и теперь мы наблюдаем другую крайность. Если прежде национальные проблемы «загонялись вглубь», то теперь они с удвоенной силой вырываются наружу. Национальные элиты в новых республиках стремятся срочно сформировать новые идентичности, при этом они обычно отталкиваются от негативных сторон опыта пребывания в «московской империи». Делаются попытки искусственно «удревнить» историю своих народов, акцентировать внимание на «русификации» и понесенных жертвах [2]. В России, в свою очередь, это нередко воспринимается как «черная неблагодарность» со стороны «младших братьев». Ситуацию осложняет и еще ряд факторов: например, геополитические конфликты, столкновения экономических интересов, неконтролируемые потоки мигрантов, «этническая преступность» и т.д.

Постсоветский национализм в условиях кризиса идентичности нередко переходит в формы национал-экстремизма. Это идеология и практика

использования силы как самого эффективного средства решения национального вопроса. Часто этому способствует и заинтересованность в перделе имуществ, территорий, сфер влияния. Зачастую сказывается неразвитость гражданского общества, низкий уровень культуры населения, что приводит к проявлениям ксенофобии на бытовом уровне. Национализм широко используется и некоторыми политиками, которые подогревают его через СМИ для достижения своих собственных целей: «Как только растут внутренние трудности в стране, обнаруживается зыбкость руководства в центре или в регионах, власть формирует консолидацию большинства за счет обозначения «внешнего» и «внутреннего» врага. Мигранты, как правило, в таких случаях становятся «подходящим материалом», — справедливо отмечает, например, Л.М. Дробижева [3].

В истории есть немало примеров, когда разжигание национальной вражды исходило от лиц, занимавших высокие государственные посты. Пример с Гитлером — лишь один из «крайних». Прием нагнетания «урапатриотического утара» обычно использовался политиками, теряющими популярность, для отвлечения внимания населения от внутренних проблем: от коррупции, злоупотреблений властью и т. д. Однако такие «маленькие победоносные войны», даже если они и порождали кратковременную эйфорию от тактических побед, нередко заканчивались стратегическими поражениями и разочарованием.

В авторитарных государствах, где СМИ находятся под жестким контролем власти, пропаганда нередко оказывает «зомбирующее» влияние на население, поскольку она опирается на определенные психологические предпосылки. Психологической основой ксенофобии и национализма в массовом сознании нередко выступает эгоцентризм. Это не только превознесение собственного народа, но и, как правило, негативное отношение ко всем «иностранцам». Вот что писал по этому поводу известный социолог и антрополог Игорь Кон: «Несомненна связь этнической предубежденности с догматизмом: склонность мыслить жесткими стереотипами говорит о неумении самостоятельно сопоставлять факты, творчески подходить к конкретной ситуации. Враждебность к национальным меньшинствам может быть связана и с внутренним невротизмом человека, который проецирует свое внутреннее беспокойство вовне» [4, с. 29]. В числе сопутствующих факторов нередко также бывает поиск «козлов отпущения», опасение конкуренции со стороны «понаехавших», антиинтеллектуализм и т. д.

Ксенофобия часто опирается на этнические стереотипы — схематизированные и упрощенные образы представителей каких-либо этнических

общностей, строящиеся по принципу «все они такие», «все они враги» и т.д. В основе такого образа часто оказываются предубеждения, сформировавшиеся под влиянием односторонней информации. Негативные свойства одного или нескольких представителей народа часто переносятся на всю эту группу, причем такая оценка «других» подается как единственно «патриотическая». В этой связи нередко вспоминают знаменитую фразу «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Эта фраза была произнесена англичанином Самуэлем Джонсоном еще в 1775 г. Однако менее известно то, что Джонсон уточнял: он предостерегал против «ложных внешних признаков» патриотизма, сравнивая «ложных патриотов» с фальшивыми монетами, которые блестят, как настоящие, но отличаются по весу [5]. Настоящий патриотизм — это любовь к родине, которая не используется в своекорыстных интересах сохранения власти и для пропаганды ксенофобии и великодержавного шовинизма.

Экстремисты разных мастей зачастую сознательно провоцируют эскалацию напряженности, потому что это — благоприятная среда для их деятельности. Ксенофобия опирается на недемократические ценности — ценности авторитарной личности. Как отмечал еще Теодор Адорно, для такой личности характерен целый набор качеств: кроме неприятия чужих групп это слепое следование авторитетам, механическое подчинение общепринятым ценностям, стереотипность мышления, агрессивность, цинизм, подверженность суевериям, сексуальное ханжество, злобное отношение ко всему гуманному [6].

Особую опасность ксенофобия представляет в таких многонациональных и многоконфессиональных государствах, как Россия. Призывы к монопольному доминированию того или иного этноса или религии фактически подрывают целостность нашего государства, а имперско-агрессивные амбиции наносят огромный ущерб отношениям с соседними странами [7]. Подобная риторика, исходящая подчас и из центра, и из национальных республик, фактически разжигает вражду между живущими в России народами. В последнее время в «информационных войнах» были нанесены удары даже и по тезису о «славянском братстве». Между тем, и в Конституции, и в законодательстве РФ есть прямые запреты на разжигание межнациональной и межэтнической розни, закреплен принцип свободы совести и т.д. Есть и статья 354 Уголовного Кодекса РФ — «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны». На практике, однако, эти запреты нередко либо не применяются, либо применяются не там, где надо.

Для преодоления ксенофобии необходима целая система воспитания не только патриотизма, но и терпимости и уважения к представителям

других народов, к их верованиям и обычаям. Это, в свою очередь, должно касаться и тех мигрантов, которые приезжают в Россию «со своим уставом» и не желают считаться с местными традициями. Тем, кто остается жить и работать в России, нужно осваивать русский язык и культуру. Полезно и развитие диалога между представителями духовенства (прежде всего — христианского и мусульманского), а также «светской» интеллигенции разных народов. Настоящая интеллигентность и ксенофобия несовместимы. Образованные люди, которые используют образование для разжигания межнациональной розни — худшие из интеллектуалов. Однако в последнее время именно они все чаще заполняют своими призывами эфир, а голос интеллигенции все менее слышен. Надо ставить предел радикализму, надо искать то общее, что нас объединяет.

В условиях сокращения населения (особенно в восточных регионах страны) и неизбежного притока мигрантов [см., например: 8, с. 4 и сл.] сохранить Россию как исторически сложившееся многонациональное государство возможно через развитие не ксенофобии, а интеграции и сотрудничества. У людей разных национальностей, проживающих в нашей стране, должны быть общие и близкие цели и ценности, связанные, в том числе, с гражданской и культурной идентичностью. Мы вновь возвращаемся к необходимости адаптации и поиска «согласия в главном». Нужно содействовать формированию надгрупповой идентичности — чтобы представители разных народов, живущие на территории России, осознавали себя как равноправные жители единой страны России — с общей великой историей и культурой.

Литература

1. Отношение к мигрантам // Левада-Центр, 20–24 июня 2013 года. URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam>
2. Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999.
3. Дробижева Л.М. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top
4. Кон И. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия. Мн., 1998.
5. Johnson S. The Patriot // The Works of Samuel Johnson / Published by Pafraets & Company. N. Y., 1913. Vol. 14. P. 81–93. URL: <http://www.samueljohnson.com/thepatriot.html>

6. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Пер. с англ. М., 2001. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/5709/ogl.shtml>

7. Чернышов Ю.Г. Имидж России и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Конференция «Стратегии политического развития России». Москва, 5–6 февраля 2004 г. URL: <http://rapn.ru/?grup=72&doc=137>

8. Мукомель В. И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски // Российский совет по международным делам. Рабочая тетрадь. М., 2013.

Е.М. Шерман

**Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы
коллективного бессознательного**

Характерной чертой российского (и не только российского) политического дискурса последнего десятилетия является трактовка в СМИ мигрантов не как органической части социума, но как потенциально опасного инородного тела, причем подобные интенции перестают быть частью риторики маргинальных политических групп и превращаются в инструмент консолидации правого электората. О серьезности проблемы в РФ свидетельствует выдвижение законопроектов, предлагающих «проведение информационных кампаний, направленных на формирование позитивного образа мигранта и укрепление межнационального согласия в обществе» [1].

Истолкование проблемы иммиграции в современном мире с помощью бинарной оппозиции «свой — чужой», как и анализ самой бинарной оппозиции, неоднократно привлекали внимание российских и зарубежных исследователей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], однако существует ряд вопросов, уровень научной разработки которых явно недостаточен. Среди них — анализ принципов использования архетипа «чужого» как основного средства создания отрицательного стереотипа мигрантов в российском информационном пространстве.

В информационном пространстве России мигранты представлены в первую очередь через посредство этнических стереотипов с негативной эмоциональной окраской. Анализируя технологии репрезентации новых граждан государства в российской периодике, современный исследователь Т.Г. Скребцова выделила ряд составляющих отрицательного

стереотипа мигранта, куда входят неопрятный внешний вид, инфицированность опасными болезнями (туберкулез, ВИЧ), отсутствие образования и профессиональной квалификации, плохое знание русского языка, неуважение правил поведения, обычаев и культуры, обострение криминальной ситуации в городах и селах, а также выполнение любой, даже наиболее тяжелой и грязной работы, которой не хотят заниматься местные жители, за намного меньшую заработную плату, получаемую через «черную» кассу. Среди острых социальных проблем, создаваемых мигрантами, особо выделяются снижение минимальной зарплаты и прибыли местных рабочих, создание сплоченных этнических криминальных группировок, которые занимаются ограблениями, наркоторговлей, контрабандой оружия и терроризмом, а также отток денег в страны СНГ, что наносит финансовый вред России. В целом образ мигрантов основывается на оппозиции «мы и они» — «свои — чужие» [9].

По мнению исследователей, господствующими медиа-стратегиями создания данного отрицательного стереотипа являются формирование образа мигранта с помощью характеристик, вызывающих исключительно негативные эмоции; селективная типизация, то есть упоминание об этнических мигрантах исключительно в пределах двух тематически объединенных блоков: мигранты и неформальная экономика; мигранты и криминальная экономика [8]; гиперболизация проблемы, а также отождествление проблем и их конвергенция: к примеру, незаконная миграция прямо связывается с проблемами терроризма, преступности, наркотиков, то есть читателю, по сути, предлагают образ одной проблемы — миграция + терроризм, миграция + преступность и так далее [5].

Хотя исследователи отрицательного стереотипа мигрантов единодушно отмечают наличие уже упоминавшейся оппозиции «свой — чужой», но на констатации факта ее использования анализ, как правило, и заканчивается. Между тем, данная оппозиция может реализоваться в огромном количестве вариантов, от «человек — зверь» до «цивилизация — варварство». На наш взгляд, в отрицательном стереотипе мигранта задействован один из наиболее архаичных вариантов: «человек — не-человек / хтоническое (демоническое) существо», и именно это обстоятельство обуславливает как степень негативизации стереотипа, так и его составляющие.

Представление о существовании хтонических (демонических) существ идет от архаичной модели мира с ее бинарной организацией пространства. Как отмечает С. Неклюдов, для демонологических представлений чрезвычайно важна идея взаимопроникновения «этого» и «иного» миров, даже скорее двойной природы мироздания и всех населяющих его

живых существ, причем хтонические существа могут уподобиться человеку и проникнуть в мир живых [10].

Демонические существа несут с собой разрушительные силы хаоса и, безусловно, опасны для людей. Несмотря на их способность к маскировке, их можно безошибочно опознать по ряду характерных черт. Примечательно, что каждой из этих черт отвечает одна или несколько составляющих стереотипа мигранта, выделенных Т.Г. Скребцовой.

Первую из них составляют характеристики, объединенные концептом «грязь»: неряшливый внешний вид, статус чернорабочего, способность выполнять грязную работу и получать за нее деньги из «черной кассы». Обусловленные на первый взгляд определенными социальными реалиями, эти составляющие, однако, содержат очевидное мифологическое ядро. Функция определений «грязная работа», «черная касса» и так далее в создании стереотипа раскрывается не через информационный аспект, а в первую очередь через оценочные коннотации прилагательных. Через систему эпитетов объект мифологизации превращается в часть бинарных оппозиций «черное — белое», «чистота — грязь» вплоть до «добро — зло» включительно. Упоминания о «грязи», «черной работе», «неряшливом внешнем виде» направлены не столько на пробуждение интуитивных физиологических реакций, сколько на активизацию архаичных представлений о характерных признаках «чужих».

Упоминание о неряшливом внешнем виде активизирует еще одну важную характеристику чужих: их запах. Поверья о «запахе чужого», распространенные у всех европейских народов, подкрепляются древними представлениями о том, что все представители потустороннего мира имеют свой запах, который отличается от «человеческого» [2]. Смерд, таким образом, может являться не только показателем низкого культурного уровня, но и указывать на демоническое происхождение существа. Соответственно, мотив «плохого запаха» сопровождает описания не только самих мигрантов, но и мест их скопления (напр., характеристика московского общежития китайцев: «грязь и духота — не продохнуть» [11]).

Следующая группа составляющих стереотипа раскрывается, на первый взгляд, через оппозицию «культура — дикость», т. к. мигранты лишены образования, не понимают местную культуру и даже не владеют местным языком. «Языковые проблемы» являются весьма характерным признаком, т. к. хтоническое существо или вообще не способно овладеть человеческим языком, или имеет дефекты речи. Но за обвинениями в нежелании / неспособности приобщиться к «настоящей культуре» стоят значительно более древние представления: «чужие» не знают человеческих

обычаев, и, что важно, не едят человеческую еду. Акцент на нетрадиционных (читай: нечеловеческих) компонентах мигрантского меню присутствует в СМИ в виде достаточно распространенного сюжета о поедании мигрантами домашних животных (собак и котов) [12; 13].

Но, безусловно, самыми важными являются составляющие стереотипа, объединенные концептом «опасность». Мигранты несут опасность в самых разнообразных формах: они являются источником эпидемий, их жилища — рассадники антисанитарии («ужасная грязь, вонь и питомник всяческих болезней — СПИДА, сифилиса, гепатита, туберкулеза» [11]); они совершают всевозможные преступления; проще говоря, они несут с собой смерть. Если одной из главных функций мифологических чудовищ является людоедство [10], то известной склонности к каннибализму не лишены и мигранты, которые тоже выживают за счет чужой жизни и крови — правда, в переносном смысле.

Возникает вопрос: является ли правомерным фактическое отождествление методики создания отрицательного стереотипа мигрантов с активизацией архаического архетипа «чужого»? Нельзя ли предположить, что отрицательный стереотип отражает определенные реалии? Безусловно, изменение этнических пропорций населения страны, как и любой другой сложный социальный процесс, не влечет за собой исключительно положительные последствия. Но никакая этническая и социальная группа не может состоять из одних преступников или же из законопослушных граждан, и мигранты не являются исключением. Анализ технологии создания отрицательного стереотипа мигрантов наглядно демонстрирует его универсальный характер, т. к. коллективное несознательное, к архетипам которого апеллирует ксенофобская риторика, является общим для всех народов. В связи с этим перспективным представляется дальнейший анализ архетипической составляющей данного стереотипа, особенно с учетом того, что любая демонизация мигрантов — путь не к решению проблемы, а к ее углублению. «Страхи» перед мигрантами как перед чужой и враждебной силой, находящие воплощение в отрицательном стереотипе, никогда не возникают спонтанно: это всегда результат целеустремленной деятельности конкретных политических сил.

Литература

1. Власти решили создать в России образ «позитивного мигранта» // «РИА Новости». 11.03.2014. URL: <http://ria.ru/society/20140311/999040907.html#ixzz2vgkehbnHQ>
2. Белова О. Чужие среди своих // Родина. 2001. № 1. С. 56–64.

3. Дейк Т.А., ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Минск, 2000.

4. Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С.104–121.

5. Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48–57.

6. Нетерпимость в России: старые и новые фобии» / Под ред. Г. Витковской и А. Малащенко. М., 1999.

7. Эко У. Священные войны — страсть и разум // La Repubblica. 09 октября 2001 г. URL: <http://www.inosmi.ru/stories/03/03/03/3288/139463.html>

8. Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С.41–50.

9. Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Вып. 3 (23). Екатеринбург, 2007. С. 115–118.

10. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm>

11. Пятилетова Л. Пекинская утка по-московски // Российская газета. 2002. 15 апреля. С. 4

12. Вьетнамские рабочие полакомились бездомными собаками // Московский комсомолец. 12.08.2008. URL: <http://www.mk.ru/old/article/2008/08/12/28066-vetnamskie-rabochie-polakomilis-bezdomnyimi-sobakami.html>

13. «Они что хочешь едят — собак, кошек. Ты что, не веришь?» // Газета.Ру. 05.08.2013. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/08/05/5540877.shtml>

И.Н. Юдина

Экономическая география и трудовая миграция сквозь призму глобализации

В экономической географии XXI в. растет поляризация между различными типами экономической активности. Наукоемкие отрасли (с высоким уровнем человеческого капитала и НИОКР) концентрируются в городских агломерациях-мегаполисах, а рутинная и низкооплачиваемая деятельность

рассеяна в глобальной экономике. Первые становятся доминантами — центрами развития и генерации новых знаний. Технологические экстерналии, связанные с привлечением передовых знаний и инвестиций, наряду с денежными, будут доставаться этим же регионам (согласно основным положениям теории новой экономической географии) [1, р. 879–880; 2]. Результат этих изменений — растущая дивергенция между странами и между регионами не только с точки зрения географического размещения производства, но и моделей роста и инвестиций [3, р. 124–126; 4, р. 367–370].

Для понимания географии изменений в мировой торговле необходимо хорошо представлять роль в этом процессе мультинациональных (транснациональных) компаний («мультик» или ТНК) как основных проводников инвестиций в физический и человеческий капитал и возникающих в разных экономиках агломераций в качестве центров роста (под агломерацией в экономической географии понимается локализация отраслей промышленности или сферы деловых услуг в одном месте).

Экономическая география, определяемая не только в терминах географического расположения страны, но и ее доступа к глобальным рынкам и поставщикам ресурсов, играет ключевую роль в уровне производительности и душевого дохода страны [5, р. 53].

Новая экономическая география и теория торговли основывается на возникновении локальных преимуществ в результате эффектов или т. н. денежных экстерналий (рост эффект масштаба и снижение транспортных издержек); тоже относится к технологическим экстерналиям в результате концентрации человеческого капитала и технологий в одном месте, т. е., наукоемких производств. Стали появляться подтверждения получения социального эффекта от образования, накапливающегося в определенных географических районах мира, что является аргументом в пользу более высокой концентрации экономической активности, а может быть даже именно в пользу создания кластеров рабочей силы.

На первой фазе глобальной трансформации пространства из-за высоких издержек транспортировки во всех странах формируется примерно одинаковый профиль отраслей, поскольку эти издержки можно рассматривать в качестве торговых барьеров [1, р. 876].

На второй фазе, когда издержки по транспортировке на большие расстояния начинают снижаться, растет дивергенция между центром и периферией и появляются депрессивные регионы на периферии. А «мультик» только усиливают тенденцию дивергенции между промышленным центром и сельской периферией; между странами и между регионами внутри одной страны.

Наконец, на третьей фазе, когда эти издержки снижаются до минимума, начинается процесс конвергенции, поэтому производство распространяется в пространстве равномерно [6].

Изменения в последние три десятилетия в информационных и коммуникационных технологиях означают, что информация, товары, услуги могут быстро перемещаться в глобальном масштабе. Стали даже говорить, что география уже утрачивает свою былую роль. Схожие идеи — «конец географии» [7], «смерть расстоянию» [8] и «плоский мир» [6] — высказывались на фоне сближения между городом и селом, когда росло число людей, перемещающихся из больших городов в маленькие городские пригороды и сельские районы.

Однако в современную эру глобализации наблюдается противоположная тенденция — глобализация ведет к более значительной пространственной концентрации деятельности и формированию новой конфигурации глобального экономического пространства. Реакцией на эти изменения стало предположение, что мир становится более однородным или плоским. Бизнес, особенно «мультис», стремятся развивать аутсорсинг и выносить часть операций в офшоры (налоговые гавани) и в страны с низкой оплатой труда. Поэтому география ПЗИ меняется в пользу стран с дешевой рабочей силой. Поэтому должно происходить географически равномерное рассредоточение производства.

В реальности, однако, влияние глобализации на экономическую географию более сложное. Решающим для экономического роста и развития является формирующиеся пространственные границы процессов дисперсии по отраслям, странам и регионам.

И в этом контексте встает еще один вопрос — миграция высококвалифицированной рабочей силы. Высококвалифицированная и образованная рабочая сила сейчас способна лучше находить применение своим знаниям благодаря мобильности. Это обусловлено тем, что институциональные и технологические изменения являются драйверами текущей фазы глобализации, что позволяет высококвалифицированной рабочей силе перемещаться на международном уровне и находить наилучшее применение своим знаниям [9, p. 69–71].

По абсолютным и относительным показателям (на душу населения) ЕС и США все еще превосходят суммарные значения стран БРИКС, тем не менее, процесс конвергенции между этими группами стран наблюдается уже в течении многих десятилетий [10]. Поэтому доступ не только к капиталу, но и к знаниям и технологиям, которые контролируются ТНК, остаются критически важными для развивающихся стран и регионов.

Даже в развитых экономиках очень быстро растет разрыв в доходах между высоко- и низкоквалифицированной рабочей силой [11, р. 19–20].

В России также трансформация регионов происходит достаточно быстро. Кроме сырьевых регионов, экономический рост в России сейчас локализуется в небольшом числе регионах с доминированием г. Москвы и Санкт-Петербурга. За период с 2000 г. по 2008 г. миграционный прирост г. Москвы и Московской области за счет внутренней миграции составил почти 800 тыс. человек. В остальных же областях Центрального федерального округа наблюдается миграционная убыль населения [12, с. 283–285].

В целом по РФ прирост населения в некоторых центральных и южных регионах России происходит в основном за счет притока населения из восточных регионов (Сибири и Дальнего Востока). Сегодня т. н. «магнитами», притягивающими наибольшее число мигрантов, являются крупные экономические центры с диверсифицированными рынками труда, обеспечивающими относительно высокий уровень заработной платы; к тому же крупные центры отличаются более развитой инфраструктурой.

Социальная дифференциация в России наиболее выпукло проявляется на основе пространственного критерия — центр — периферия. В этом случае рассматривается иерархическая система населенных мест: от крупнейших городов к менее крупным, малым и к сельской периферии.

Важнейший критерий разделения — численность населения. Он позволяет, по мнению Н.В. Зубаревич, выделить три «России» внутри страны, с разным уровнем и скоростью социальной модернизации. К «России-1» можно отнести города с населением свыше 0,5 млн чел., к «России-2» — города от 50 до 250 тыс. чел. (города от 250 до 500 тыс. жителей занимают промежуточное положение между первой и второй группами); к «России-3» — малые города, поселки и сельские территории, хотя любые жесткие границы условны. Все три «России» примерно равны по численности и концентрируют около трети населения страны каждая. Доля «России-1» в населении страны неизбежно будет расти, так как миграционные потоки направлены в крупнейшие города. Разница лишь в том, что Московская столичная агломерация и Санкт-Петербург с Ленинградской областью стягивают мигрантов со всей страны, концентрируя соответственно 60 и 20% всей миграции в России. Другие же крупнейшие города притягивают мигрантов в основном из своего региона, в первую очередь молодежь, нацеленную на профессиональное образование [13, с. 139–148].

И хотя различия между регионами — победителями и проигравшими еще существенны, они открывают ряд возможностей перед политиками.

Одни возможности по своей природе относятся к внутрирегиональным, а другие — к межрегиональным.

Для того, чтобы добиться эффективного роста в доминирующих городах-регионах, очень важно, чтобы здесь достаточно эффективно решались вопросы развития инфраструктуры и землепользования, нацеленные на решение проблемы растущей перенаселенности. Особую важность здесь приобретают вопросы качества и эффективности функционирования городского общественного транспорта, его доступности и гибкости, а также урегулирование вопросов землепользования.

Привлечение квалифицированных рабочих требует эффективного решения таких вопросов как транспортные, жилищные, сервисные. И те города, которые могут предоставить лучшее качество услуг, будут привлекать и более квалифицированную рабочую силу.

В развивающихся экономиках доминирующие региональные центры роста являются и источником, и проводником новых технологий, новых рынков и новых каналов сбыта для внутренних регионов. Доминирующие регионы конкурируют на основе своих преимуществ, извлеченных из эффекта агломерации или пространственного размещения, а внутренние регионы имеют свою специализацию — в основном это аграрный сектор и промышленность не наукоемкая и с невысокой добавленной стоимостью.

Итак, процесс глобализации с позиции экономической географии поднимает вопросы организации процесса размещения ресурсов в границах агломераций, передачи знаний и создания инфраструктуры, которые играют основную роль в процессе развития в XXI в.

Литература

1. Krugman P., Venables A.J. Globalisation and the Inequality of Nations // *Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110. Issue 4.
2. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities Regions and International Trade*. Cambridge, 1999.
3. Leamer E. A Flat World, a Level Playing Field, a Small World After All, or None of the Above? // *Journal of Economic Literature*. 2007.
4. McCann P. Globalisation and Economic Geography: The World is Curved, Not Flat // *Cambridge Journal Regions, Economy and Society*. 2008. Vol. 1. Issue 3.
5. Redding S., Venables A.J. Economic Geography and International Inequality // *Journal of International Economics*. 2004. Vol. 62.
6. Friedman T.L. *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. N. Y., 2007.

7. O'Brien R. Global Financial Integration: The End of Geography. N. Y., 1992.
8. Cairncross F. The Death of Distance: How Communications Revolution Will Change Our Lives. L., 1997.
9. Venables A.J. Shifts in Economic Geography and Their Causes // Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review. 2006. Vol. 91. Issue 4.
10. Stiglitz J.E. Making Globalisation Work. L., 2006.
11. Venables A.J. Spatial Disparities in Developing Countries: Cities, Regions and International Trade // Journal of Economic Geography. 2005. Vol. 5. Issue 1.
12. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2011.
13. Зубаревич Н.В. Социальная дифференциация регионов и городов России // Pro et Contra. Т. 16. Июль — октябрь 2012 г.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Е.А. Анохина

Иностранцы в Китае:

новые вызовы миграционной политики

В настоящее время Китай является наиболее динамично растущим участником международных миграционных процессов. Традиционно Китай принято воспринимать как страну-донора мигрантов. Однако начиная с 1978 г., стало расти число иностранцев, прибывающих в Китай. Согласно данным официальной статистики, в 1980 г. в Китай въехало 520 тыс. иностранцев, эта цифра выросла до 1,3 млн. человек к 1985 г. и до 5 млн. к 1995 г. [1]. Особенно активно объемы миграции растут на протяжении последних 10 лет. С начала 2000-х гг. ежегодный темп роста численности иностранцев, въезжающих в Китай, составляет 10% [2]. Так, в 2000 г. в Китай въехало 10 млн. иностранцев (без учета соотечественников из Гонконга и Тайваня), в 2009 г. — 21 млн. и в 2011 г. — 27 млн., причем 10% из них с целью работы в Китае, а еще 30% с деловыми целями [1]. По данным Государственного управления по делам иностранных экспертов, в 2013 г. в Китай прибыло 613 тыс. иностранных специалистов, из них 60% планировали остаться в Китае и заключить долгосрочные контракты [3]. Кроме того, не стоит забывать и о значительных объемах нелегальной миграции в Китай из сопредельных стран, в первую очередь Северной Кореи и Вьетнама. Все это создает стабильную прослойку иностранцев в китайском обществе и даже приводит к формированию локальных иммигрантских сообществ в китайских городах (например, большой японский анклав в г. Шанхай, африканский район в г. Гуанчжоу и т. д.).

Согласно переписи населения 2010 г., в Китае проживало 593 тыс. иностранных граждан и 170 тыс. граждан Тайваня [4]. Однако очевидно, что данные цифры не отражают реальной ситуации. Одной из проблем является отсутствие адекватной статистики по количеству иностранцев, проживающих в Китае. Во многом это связано с режимом пребывания в Китае и труднодоступностью так называемых «зеленых карт». Значительное количество иностранцев, проживающих в Китае, имеет краткосрочную визу и вынуждено регулярно выезжать за пределы Китая для ее продления. Кроме того, нередко проблемы с оценкой численности связаны с самой трактовкой иностранцев в Китае, которая является многоуровневой, а к различным категориям иностранцев применяются

различные режимы. В частности, в число иностранных граждан в Китае входят иностранцы некитайской национальности, этнические китайцы — граждане других стран, граждане Тайваня, граждане Гонконга и Макао (хотя последние являются административными единицами КНР).

Иностранцы, проживавшие в Китае в 1980-е гг., в основном были либо иностранными студентами, дипломатами и иностранными журналистами, либо приглашенными иностранными специалистами. В этот период въезд и пребывание в Китае жестко контролировались со стороны государства. Однако с ростом китайской экономики в 1990-е и особенно 2000-е гг. и постепенной либерализацией режима въезда в страну появились предпосылки для роста численности иностранцев, проживающих в Китае, и диверсификации их социальной и профессиональной принадлежности.

В настоящее время иностранные граждане в Китае представлены иностранными студентами, сотрудниками иностранных компаний, иностранными специалистами, приехавшими в рамках специальных программ, бизнесменами, иностранными рабочими из Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии и Африки, женами, привезенными из близлежащих стран Юго-Восточной Азии, нелегальными мигрантами из Северной Кореи, стран Юго-Восточной и Южной Азии, Африки.

В то же время инструменты регулирования иммиграционных потоков в Китае находятся только в стадии формирования. На протяжении 1980–2000-х гг. въезд/выезд и пребывание иностранных граждан в Китае регулировались «Законом о въезде и выезде иностранцев из КНР» 1985 г. Однако уже в начале 2000-х гг. стало очевидно, что данный закон устарел. В 2012 г. ему на смену был принят новый закон.

В настоящее время пребывание иностранных граждан в Китае регулируется следующими основными законодательными актами: «Закон о въезде и выезде из КНР» 2012 г., «Правила регулирования въезда и выезда иностранных граждан из КНР» 2012 г., «Методы управления постоянным проживанием иностранцев в Китае» 2004 г. и «Положением о регулировании трудоустройства иностранцев в Китае» 1996 г.

В последние годы упорядочивание миграционного режима идет по пути усиления контроля за выполнением миграционного законодательства и ужесточения требований к длительному пребыванию в стране. В частности, новый «Закон о въезде и выезде из КНР» предусматривает ряд изменений в миграционной политике. Прежде всего, речь идет об ужесточении мер борьбы и наказаний за нелегальную миграцию. Нелегальные мигранты, т. е. те, кто нелегально въехал, нелегально проживает и нелегально работает в Китае, стали серьезной проблемой для Китая. Согласно официальным

данным, количество официально зафиксированных случаев нелегального пребывания в Китае в 2011 г. составило 20 тыс., однако очевидно, что реальная численность нелегальных иммигрантов в Китае значительно выше [5]. Новый закон предусмотрел систему наказаний за нелегальную миграцию в форме штрафов до 10 тыс. юаней, заключения под стражу на срок до 15 суток, временной депортации и запрета на въезд от 1 до 5 лет.

В 2004 г. были приняты «Методы управления постоянным проживанием иностранцев в Китае», которые ввели систему вида на жительство по модели американской системы «зеленой карты». Тем не менее процесс выдачи видов на жительство идет очень медленно. С 2004 по 2011 гг. в Китае выдано всего 4752 вида на жительство для иностранцев [6]. Требования для его получения очень высоки, его могут получить бизнесмены, вложившие в экономику Китая не менее 500 тыс. долл. США, топ-менеджеры и высококвалифицированные специалисты, прожившие в Китае не менее 4-х лет, супруги граждан Китая, прожившие в стране не менее 5 лет [7]. Получить вид на жительство в Китае для иностранного гражданина достаточно трудно, в основном данная мера направлена на этнических китайцев с иностранным гражданством с целью привлечения их на историческую родину. Вид на жительство в Китае для иностранных граждан не китайской национальности в настоящее время является скорее исключением из правил, чем полноценным элементом миграционной системы Китая.

Большинство иностранцев, проживающих в Китае на долгосрочной основе, имеют визу на несколько лет, а многие вынуждены покидать территорию Китая каждые несколько месяцев, чтобы продлить действие визы, что в свою очередь приводит к тому, что многие предпочитают оставаться и работать в Китае без оформления и продления соответствующих документов, т. е. нелегально. Это привело к расцвету «черного рынка» визовых документов и разрешений на работу.

Получить разрешение на работу в Китае также достаточно трудно, особенно для иностранцев, занимающихся предпринимательской деятельностью в Китае и не работающих на китайские, иностранные или совместные компании. Текущее «Положение о регулировании трудоустройства иностранцев в Китае», принятое еще в 1996 г., не соответствует не только требованиям времени, но и приоритетам китайской политики. В соответствии с указанным Положением иностранцы могут трудоустроиваться в Китае только на те места, которые не могут быть заполнены гражданами страны. Кроме того, малым частным компаниям и индивидуальным предпринимателям запрещается нанимать иностранных работников.

Найм иностранных граждан могут осуществлять только государственные и крупные частные компании или иностранные фирмы.

Основная функция контроля над соблюдением миграционного режима иностранными гражданами на территории Китая возложена на Управление въезда и выезда из страны Министерства общественной безопасности. На местном уровне контроль над соблюдением миграционного режима иностранцами возложен на соответствующие управления общественной безопасности, однако это является одной из многочисленных и далеко не приоритетной их функцией. Даже в крупных городах не во всех районах в управлениях общественной безопасности выделены отдельные структуры, отвечающие за взаимодействие с иностранцами.

Многие эксперты отмечают чрезмерную бюрократизированность миграционной системы Китая, что мешает ей эффективно функционировать. В целом вся система по работе с иностранными гражданами отличается излишней многоуровневостью и сложностью. За работу с иностранцами отвечают каждый в пределах своей компетенции, но зачастую с дублированием функций, Министерство общественной безопасности, Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения, Управление по делам иностранных экспертов, Министерство образования, Министерство коммерции, Министерство иностранных дел. Так, например, разрешение на работу в Китае выдают сразу два органа — Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения и Управление по делам иностранных экспертов. Все это приводит зачастую к необходимости подачи массы документов в различные инстанции и усложняет процесс получения разрешений.

Значительная часть иностранцев в Китае проживают в небольшом количестве крупных городов. Согласно официальной статистике, в провинции Гуандун и городах Шанхай и Пекин проживает более 50% всех иностранных граждан в стране. В этих местах иностранцы стали значимой частью городской жизни. Таким образом, в крупных городах формируются международные районы, которые позволяют местным властям более эффективно контролировать иностранцев, взаимодействуя с компаниями, владеющими и обслуживающими данные районы. В некоторых из данных районов созданы специальные офисы обслуживания иностранцев, которые упрощают не только решение бытовых вопросов для иностранцев, но и процесс регистрации.

Закрытость иммиграционной политики Китая объясняется многими факторами, и не только политическими. Прежде всего, речь идет о возможной дестабилизации общественного порядка в случае массового

наплыва иностранцев в страну, особенно, на фоне высокого уровня безработицы в стране и ограничений по рождаемости. Вопросы пребывания иностранцев в Китае становятся все более чувствительным вопросом в китайском обществе.

С другой стороны, перед Китаем в настоящее время встает вопрос о необходимости интегрировать иностранные сообщества, зачастую проживающие достаточно анклавно, в экономическую, культурную и социальную жизнь страны.

Литература

1. Zhongguo tongji nianjian 1996–2012 (Статистические ежегодники Китая 1996–2012 г.). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds>
2. Xin shiji yila waiguo ren ru jing ren shu mei nian zengjia 10% (В начале 21 века ежегодный рост численности иностранцев, въезжающих в Китай, составил 10%). URL: http://www.npc.gov.cn/huiyi/cwh/1126/2012-04/26/content_1719377.htm
3. Китай упрощает процедуру получения виз для иностранных специалистов. URL: <http://china24news.com/politics/1164-kitaj-uproshchaet-protseduru-polucheniya-viz-dlya-inostrannykh-spetsialistov>
4. 2010 nian di lu ci liu ci quaguo renkou pucha zhuyao shuju baogao (Краткий отчет 6-й всекитайской переписи населения 2010 г.). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/201104/t20110429_30329.html
5. Pieke F. Immigrant China// Modern China. 2012. #38. P. 54.
6. 721 foreigners get "green cards" in Beijing. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/china/2012-05/28/content_15405071.htm
7. Waiguo ren zai Zhongguo yongjiu juliu shenpi guanli banfa (Методы управления постоянным проживанием иностранцев в Китае) URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/fw/lswf/fgzl/t267618.htm>

А.М. Бетмакаев

Иммиграционная политика и социальная интеграция иностранцев в ГДР (1949–90 гг.)

В сравнении с ФРГ, где в 1989 г. проживало более 4,8 млн иностранцев (7,8% всего населения) [1, S. 17], ГДР была страной с низкой долей мигрантов. Накануне объединения двух Германий общее число иностранцев в ГДР достигло наивысшего показателя, составив 191190 чел.

(более 1,2 процента всего населения). Из них вьетнамцы насчитывали 60 067 чел. (31,4%), поляки — 51 743, граждане Мозамбика — 15 483, советские граждане — 14 885, венгры — 13 424, кубинцы — 7 999, болгары — 4 939 и граждане Чехословакии — 3 218. Вид на жительство имели 43 100 иностранцев, и 147 300 получили разрешения на временное пребывание [2, S. 185–186].

Отметим, что из предмета нашего исследования были исключены более 400 тыс. военнослужащих Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и члены их семей. Они не попадали под законодательство для иностранцев, их проживание контролировалось советской стороной. Советские граждане вне ГСВГ привлекались для работы на восточногерманских предприятиях в исключительных случаях. Хотя примерно 10 млн граждан Советского Союза и его преемницы РФ в 1945–1994 гг. были включены в повседневную жизнь восточных немцев, но, в отличие от других, значительно меньших групп мигрантов, представляли «истинных иностранцев» [3, S. 123].

Очень малой группой (несколько тысяч человек) среди мигрантов были иностранцы, которым правительство ГДР предоставляло политическое убежище в соответствии с Конституцией ГДР, если «они подвергаются преследованиям за политическую, научную или культурную деятельность в защиту мира, демократии, интересов трудового народа или за свое участие в борьбе за социальное и национальное освобождение» [4]. Первыми убежище в июне 1950 г. получили более тысячи детей греческих коммунистов. В 1954 г. приехала группа членов Народной партии («Туде») из Ирана. Они предлагали руководству ГДР позволить им, исходя из конспирации, «раствориться» среди населения. И хотя это предложение соответствовало представлениям власти и населения об интеграции иностранцев как об их ассимиляции, все же был взят курс на изоляцию мигрантов от восточных немцев [5, S. 224, 241–245]. В дальнейшем в ГДР бежали активисты и их семьи из Алжира, Южной Африки, Чили (после военного переворота 1973 г.) и других стран.

Появление иностранцев инициировало изменения в законодательстве ГДР. До 1954 г. полиция действовала на основе Положения об иностранцах, которое было принято нацистами в 1938 г. с целью централизации и стандартизации полицейского контроля. И после отмены положения жестко централизованная система сохранилась [6, S. 126]. Первый закон об иностранцах был принят в 1956 г., включив в себя не только условия предоставления политического убежища, но и правила приглашения иностранных рабочих, которые появились в ГДР в 1960-е гг.

Закон предусматривал регистрацию и правила депортации иностранцев [7, Bd. 8, S. 656].

В официальной пропаганде политэмигранты позиционировались как союзники правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Особое символическое значение придавалось политэмигрантам из республиканской Испании, которые почти идеально воплощали представление о «хорошем иностранце» — борце за свободу и антифашисте. Но демократизация Испании в середине 1970-х гг. привела к тому, что испанская эмиграция потеряла свое значение для пропаганды СЕПГ [8].

В отличие от ФРГ, где прием беженцев из-за рубежа был частью демократизации политической культуры общества, в котором конституция признавалась стоявшей выше других инструкций и политических соображений, в ГДР решение о предоставлении убежища принималось на уровне политбюро или секретариата ЦК СЕПГ. По мнению немецкого историка П. Путруса, отношение к политэмигрантам может рассматриваться как продолжение националистической миграционной политики с целью создания гомогенного населения [9, p. 132–133].

Другой группой мигрантов были иностранные студенты. Власти ГДР считали их обучение выражением социалистической солидарности и пролетарского интернационализма, но оно также служило дипломатическим и политическим задачам. Руководство СЕПГ в декабре 1949 г. решило, что студенты из-за границы смогут учиться только при условии, что существует разрешение ЦК братской партии и подтверждение секретариата СЕПГ. До 1967 г., когда был создан Комитет по делам иностранных студентов (КИС), отсутствовала центральная координация обучения студентов-иностранцев. Почти 10 государственных министерств, отделений партии и массовых организаций было занято делами иностранных студентов [10, S. 177–178].

Сильная заинтересованность в международном признании ГДР привела к увеличению приема студентов из Индии и арабских стран в конце 1950-х гг., а в 1960-е гг. — из «молодых национальных государств» Азии и Африки [11, S. 170–179]. ГДР и ФРГ использовали фактически одну стратегию расширения влияния в развивающихся странах: они стремились привлечь как можно больше гостей из Азии и Африки, предоставляя сотни стипендий квалифицированным рабочим и студентам для повышения квалификации и образования [12, p. 116].

В 1951–1989 гг. студентов из более 125 государств насчитывалось от 64 до 78,4 тыс. человек, что составляло около 3% всех выпускников вузов ГДР. С 1960-х гг. доля студентов среди всех иностранцев достигла

почти 7% [10, S. 175]. Как и восточные немцы, иностранцы не платили за обучение и получали ежемесячную стипендию. Иностранные выпускники вузов должны были вернуться на родину. Общение между иностранными и восточногерманскими студентами, как правило, находилось под контролем КИС и службы безопасности (штази). Хотя иностранные студенты имели отношения с гражданами ГДР, официальная политика исключала межнациональные браки. Это разрушало не только браки с иностранцами, но и положительные примеры межкультурного сотрудничества, а также эффект закрепления положительного образа ГДР у граждан несоциалистических стран. В архивах найдено множество сообщений о трудностях иностранных студентов, которые увидели разрыв между образом и реалиями восточногерманского социализма. Они жили в общежитиях, которые не соответствовали даже стандартам ГДР. Хотя сегрегация иностранных и восточногерманских студентов в ГДР не была объявленной политикой, но она развивалась по различным причинам: иностранные студенты не хотели жить в комнатах вместе немцами, считая их стукачами, а немецкие студенты испытывали отвращение к перенаселенным общежитиям иностранцев. Иностранцы критиковали низкое качество блюд в меню столовых и неуважение их религиозных традиций питания [10, S. 181–187].

К третьей группе относились трудовые мигранты, которые приехали работать в качестве специалистов иностранных компаний, которые в основном строили промышленные предприятия в ГДР. Продолжительность пребывания контрактных рабочих (*Kontraktarbeiter*) была ограничена трудовым соглашением. Они временно проживали в стране и получали зарплату в марках ГДР [13, S. 273].

Самой значительной была численность четвертой группы мигрантов — трудящихся, работающих в соответствии с договорами ГДР с иностранными государствами (*ausländische Vertragsarbeiter*). Число иностранных рабочих к концу 1989 г. достигло 90 591 чел. Из них 59 тыс. были из Вьетнама, 15 100 — из Мозамбика, 8 300 — из Кубы, 1 300 — из Анголы, 900 — из Китая и около 7 тыс. из Польши [2, S.185]. Появление договорных рабочих было связано с необходимостью восполнять бегство рабочих и специалистов из ГДР в ФРГ до установления Берлинской стены в 1961 г. Советский лидер Н.С. Хрущев даже предлагал направить в ГДР донецких шахтеров [14, С. 53–55]. Но только в 1969 г. страны СЭВ согласились развивать соглашения о трудовой миграции. Задержку в переходе к активной иммиграционной политики обычно видят, во-первых, в опасении руководства ГДР, что страны Восточной Европы не забыли нацистскую

политику насильственного «импорта» рабочих рук; во-вторых, в проведении реформы с целью создания эффективной «новой экономической системы»; в-третьих, в дополнительных расходах на обустройство иностранцев [7, Bd. 9, S. 654–655].

В официальной пропаганде пребывание иностранных рабочих интерпретировалось как «кооперация рабочих рук» в рамках «социалистической экономической интеграции» [15, p. 67–69]. Они размещались в тесных общежитиях и жестко контролировались: ночлег вне общежитий пресекался, проводились ночные облавы. Иностранные рабочие трудились в коллективах, изолированных от общения с немцами, делая тяжелую работу, на которую не соглашались граждане ГДР. Конфликты вне производства были связаны с покупкой иностранцами высококачественных дефицитных товаров с целью перепродажи на родине. Органы власти препятствовали иностранцам оформлять браки с гражданами ГДР. До 1987 г. женщины-иностранки, которые становились беременными, должны были либо делать аборт, либо возвращаться к себе на родину [3, S. 129–132].

Сопротивление, с которым органы власти ГДР не хотели допустить неконтролируемые межнациональные отношения, по мнению ирландского историка Д. Мак Кон Улада, было признаком расистских и ксенофобских представлений в обществе. Но режим категорически отвергал существование расистских убеждений у населения, хотя в отчетах полиции и штази зафиксировано немало случаев вербальных и физических нападений, как правило, пьяных немцев на африканцев. Немцы критиковали даже самые невинные проступки иностранцев [10, p. 208–214].

Расистские предубеждения слишком долго удерживались внутри «закрытого» общества. Неудивительно, что после объединения Германии отмечался резкий рост ксенофобии в новых немецких землях. Исследователи назвали три фактора этого роста, которые были «родом из ГДР»: 1) восточные немцы соотносили иностранцев с «режимом СЕПГ», превращая иностранцев в удобную мишень для демонстрации нелояльности, 2) власти пытались построить гомогенную социалистическую нацию, 3) социальная толерантность не могла развиваться, учитывая отсутствие «культуры конфликта» в восточногерманском обществе [16, S. 327–333]. Иммиграционная политика в ГДР не стала предметом общественного обсуждения, поскольку была под полным контролем СЕПГ, которая руководствовалась, в первую очередь, идеологическими соображениями.

Литература

1. Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung, Statistische Übersichten zur Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band West. Bonn, 1999.
2. Frerich J., Frey M. Handbuch der Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Bd. 2. Münch., 1993.
3. Poutrus P.G. Die DDR, ein anderer deutscher Weg? Zum Umgang mit Ausländern im SED-Staat // Zuwanderungsland Deutschland. Migrationen 1500–2005. B., 2005.
4. Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968. URL: <http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr1968.html>
5. Poutrus P.G. «Teure Genossen». Die «politischen Emigranten» als «Fremde» im Alltag der DDR-Gesellschaft // Ankunft — Alltag — Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
6. Herbert U. Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Flüchtlinge, Münch., 2001.
7. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. In 11 Bde. Baden-Baden, 2004–2007.
8. Uhl M. Mythos Spanien. Das Erbe der Internationalen Brigaden in der DDR. Bonn, 2004.
9. Poutrus P.G. Asylum in Postwar Germany: Refugee Admission Policies and Their Practical Implementation in the Federal Republic and the GDR Between the Late 1940s and the Mid-1970s // Journal of Contemporary History. Vol. 49 (1). January 2014.
10. Mac Con Uladh D. Studium bei Freunden? Ausländische Studierende in der DDR bis 1970 // Ankunft — Alltag — Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
11. Wentker H. Außenpolitik in engen Grenzen: Die DDR im internationalen System, 1949–1989. Münch., 2007.
12. Gray W.G. Germany's Cold War: The Global Campaign to Isolate East Germany, 1949–1969. Chapel Hill, 2003.
13. Jajesniak-Quast D. «Proletarische Internationalität» ohne Gleichheit. Ausländische Arbeitskräfte in ausgewählten sozialistischen Großbetrieben // Ankunft — Alltag — Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
14. Как принималось решение о возведении Берлинской стены // Новая и новейшая история. 1999. № 2.
15. Our Socialist Friends: Foreigners in East Germany // Germany in Transit: Nation and Migration, 1955–2005. Berk., 2007.

16. Behrends J.C., Kuck D., Poutrus P.G. Historische Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in den Neuen Bundesländern // Fremd und Fremd-Sein in der DDR. B., 2003.

А.В. Веретевская
Опыт западных стран в решении проблемы
политической интеграции поликультурного общества:
какой подход лучше?

В конце XX — начале XXI века возросшая вследствие высокого уровня иммиграции степень культурной гетерогенности западных демократий переросла в одну из главных политических проблем современности — проблему политической интеграции различных культурных групп в едином государстве или «проблему поликультурности».

Проблему поликультурности можно определить как свойственное гетерогенному в культурном плане (поликультурному) обществу усложнение процесса определения общего блага из-за множественности и потенциальной разнонаправленности культурных установок различных этнокультурных групп населения.

Поликультурному обществу для сохранения политического единства необходимы дополнительные усилия по созданию единства из много- и разнообразия. Не будет преувеличением сказать, что эффективность таких усилий, то есть эффективность решения проблемы поликультурности — вопрос политической выживаемости для государств, имеющих культурно гетерогенное (поликультурное) общество.

Мировая практика на сегодняшний день включает три основных подхода к решению проблемы поликультурности на государственном уровне: ассимиляцию, сегрегацию и культурный плюрализм. Отдельного внимания заслуживает не поддающаяся (в теоретическом ее воплощении) точной классификации американская модель «плавильного котла».

Политика ассимиляции, с исторической точки зрения, — наиболее распространенный способ решения проблемы поликультурности.

Любая теория ассимиляции в социологии или психологии в той или иной степени может объяснить широкое распространение ассимиляционных моделей с универалистских позиций. С точки зрения кросс-культурной психологии, например, такое стремление синонимично борьбе за выживание социума [1, с. 25]. Культурные отличия отдельных

людей в таком случае воспринимаются не просто как «странность» или «причудливость». Заключающие в себе альтернативное, обусловленное иными условиями жизни, представление о правильном решении наиболее важных жизненных проблем и, собственно, об общем благе, эти культурные отличия могут восприниматься как угроза сложившейся в данном обществе системе ориентиров, а значит подсознательно, — как угроза выживанию. Ассимиляция на уровне общества предстает как преодоление этих культурных отличий, то есть как механизм сохранения проверенной системы ориентиров.

Действительно эффективное проведение политики ассимиляции в государстве возможно при соблюдении двух условий: общество должно допускать, что носители инородной культуры в принципе могут ассимилироваться, а носители инородной культуры, в свою очередь, должны испытывать такое желание. На практике одновременное соблюдение этих условий случается редко. Если соблюдается только первое условие, то мы получаем модель ассимиляции по принуждению. В абсолютном большинстве случаев под политикой ассимиляции в конечном счете имеется в виду разновидность такой модели.

Теоретическое основание для принудительной ассимиляции удачно подводит так называемая классическая теория ассимиляции [см., например 2].

Официально такую политику в отношении части своего населения до середины XX века проводили иммигрантские государства (Австралия, Канада, США и Новая Зеландия) [3].

Неофициально модель принудительной ассимиляции встречается в абсолютном большинстве государств и сегодня. Фактически — везде, где государство не проводит специальной культурно-чувствительной политики. Сегодня, правда, этот процесс больше соответствует так называемой новой теории ассимиляции, которая рассматривает ассимиляцию не как «окультуривание», а как «включение» или «допущение» представителей культурно инородных меньшинств в различные сферы жизни общества при сохранении ряда их культурных особенностей [см., например 4]. В отличие от классической, новая теория не оправдывает принуждения к ассимиляции прямо, но скорее подчеркивает ее естественный характер, считая, однако, процесс ассимиляции полезным и положительным для общества в целом.

Решение проблемы поликультурности посредством проведения политики ассимиляции в техническом плане представляет собой физическое включение культурно (и этнически) инородных групп общества в процесс

определения общего блага на условии их отказа от своей «инородности». Фактически представители этнокультурных меньшинств получают возможность стать частью большинства, определяющего общее благо, однако свои «инородные» культурные запросы они должны оставить. Общее благо в данном случае будет отражать только культурные запросы большинства.

Модель сегрегации исторически — более редкое явление, чем модель ассимиляции, хотя есть очень яркие примеры. Так, например, все те же США, Австралия и Канада, из европейских стран наиболее яркий пример — Германия [5], из азиатских — Япония [6], на определенных этапах своей истории использовали модель сегрегации для поддержания политического единства. Классическим примером может послужить ЮАР. Во всех случаях в основе соответствующей модели решения проблемы поликультурности лежала идея о постоянстве принадлежности к определенной этнокультурной (расовой или национальной) группе и принцип закрытости сообществ.

Сегрегационная модель обеспечивает единство в вопросе определения общего блага за счет физического исключения из участия в общественной жизни «инородных» элементов. Эти элементы оказываются выключенными из процесса «формулирования» общего блага: их личное или групповое влияние на этот процесс сводится к нулю. Как и в случае с государством, использующим для преодоления проблемы поликультурности модель ассимиляции, государство, обратившееся к политике сегрегации, решает свою проблему поликультурности через «преодоление» собственно поликультурности. И хотя в случае сегрегации, государство может официально не позиционировать себя как монокультурное и даже наоборот (хороший пример здесь — принцип «равенства» доктрин в США 1960-х гг. [подробно см. 7]), и в том, и в другом случае де факто поликультурное государство в плане определения своих главных целей (общего блага) функционирует как монокультурное.

Как значится выше, американский вариант решения проблемы поликультурности трудно отнести к одной из выше описанных моделей (модели ассимиляции или модели сегрегации). Основным провозглашенным принципом модели плавильного котла стал новый принцип (не свойственный ни ассимиляционной, ни сегрегационной моделям) — принцип «плавления», принцип создания новой «общей» идентичности на основе старых. В теории использующее такой принцип государство уже перестает быть строго монокультурным, так как предполагается, что общая идентичность будет включать в себя элементы разных культур (т. е. в теории представление об общем благе будет носить на себе

следы разных культур). На практике, впрочем, американцы использовали свой инновационный принцип только для того, чтобы создать новое «большинство», которое впоследствии вполне традиционным способом (при помощи сочетания принципов ассимиляции и сегрегации) на долгие годы монополизировало процесс определения общего блага.

Наиболее новая, с исторической точки зрения, модель решения проблемы поликультурности — это модель культурного плюрализма.

Главное предложение по решению проблемы поликультурности приверженцев культурного плюрализма заключается в призыве к полноценному включению всех культурных групп в общественную жизнь политически единого общества/государства на условиях равноправия¹, в том числе — обеспечение каналов доступа к процессу определения общего блага.

Этот подход к решению проблемы поликультурности теоретически строится на осознании важности (но не абсолютности²) культурной составляющей в социальной и политической жизни личности и общества; реальном включении представителей всех культурных групп общества³ в общественную⁴ жизнь общества (то есть обеспечение доступа к участию в определении общего блага); необходимости частичной добровольной культурной трансформации (в том числе и идентичностной)⁵ ради достижения политического консенсуса по поводу общего блага — культурно-политического компромисса; восприятие широкого полиформатного поликультурного диалога (полилога) как наилучшего способа достичь легитимного культурно-политического компромисса.

Главная цель политики, в основе которой лежит этот подход, — обеспечение длительно бесконфликтного существования поликультурного общества в политически стабильном государстве на основе добровольной и полноценной (т. е. предполагающей реальное участие в процессе определения общего блага) политической интеграции всех культурных групп общества.

¹ Степень этого «равноправия» у разных авторов разная, однако как общий принцип принцип равноправия большинством авторов упоминается.

² Абсолютности — в ограничительном смысле, то есть в смысле неизменности.

³ У разных авторов правом на это равенство обладают разные категории культурных групп и в неравной степени.

⁴ У многих ученых (Т. Модуда [8], Б. Парека [9], Ч. Тейлора [10] и др.) включение не ограничивается только политической сферой, но затрагивает также и экономическую, социальную, культурную и все другие сферы жизни общества.

⁵ Мера (и обоюдность) такой трансформации, как и конкретные ее сферы, явно требуют дальнейшего уточнения, но она никак не означает полной трансформации (какой требует политика ассимиляции, например).

Обозначенный подход достаточно успешно применяется сегодня в ряде переселенческих государств: в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Однако в ряде европейских стран (Великобритания [11], Германия [12], Франция [13], Швеция [14], Нидерланды [15] и др.) инициативы прямо или косвенно ассоциирующиеся с культурным плюрализмом (европейский «мультикультурализм» [16]) не имели задачи максимально полноценно включить все культурные группы в процесс определения общего блага и интегрировать общество вокруг этого компромиссного блага, определенного посредством широкого полиформатного диалога. В отношении иммигрантских сообществ в этих странах «мультикультурализм» представлял собой разного рода «уступки» им, призванные снизить остроту протеста их представителей против отсутствия у них реальной возможности участвовать в определении общего блага.

Из вышеизложенного следует, что ответ на вопрос о том, какой подход к решению проблемы поликультурности оптимален для конкретного государства, зависит от истинных целей, которые это государство (в лице политически значимого большинства и его политической элиты) ставит перед собой.

Если речь идет о необходимости политически «нейтрализовать» поликультурность, т. е. не допустить представителей некоторых культурных групп до влияния на определение общего блага, то стратегический выбор должен быть сделан между политикой ассимиляции и политикой сегрегации.

Европейская практика показывает, что при условии существования хотя бы избирательно работающих социальных лифтов для второго поколения иммигрантов политика ассимиляции в принципе может успешно обеспечивать политическую стабильность в поликультурном государстве. Серьезные проблемы возникают, в основном, тогда, когда экономическая система государства оказывается в кризисе, что приводит к сбоям в механизме социальных лифтов.

Официально проводимую политику сегрегации в развитом демократическом государстве представить сегодня сложно. Чаще сегрегационная модель скрывается за иным, более «цивилизованным», фасадом, например, — фасадом культурного плюрализма, как это было в ведущих европейских странах с середины XX — начале XXI века. Отрицательный опыт Европы подтвердил то, что уже известно из опыта других стран, где когда-то использовалась эта модель: политика сегрегации вызывает у тех, на кого она направлена, очень сильный (часто — насильственный) протест против государства, в котором они живут.

Единственный подход, направленный на «отражение» фактической поликультурности своего общества на политическом уровне — это культурный плюрализм.

Культурный плюрализм либерален по своей природе и хорошо соотносится с либерально-демократическими ценностями западных обществ. Его политическая эффективность подтверждается длительным опытом его применения в целом ряде западных государств. Будучи реализуемой последовательно, основанная на этом подходе модель решения проблемы поликультурности в отличие от других известных подходов демонстрирует также устойчивость достигаемых результатов. Главным условием эффективного его применения для решения проблемы поликультурности в западноевропейских государствах, как и везде, будет существенное соблюдение принципов подхода и, самое главное, — разделение целей.

Однако следует понимать, что удачное практическое применение данного подхода наблюдается в государствах, где хотя бы одна недоминирующая культурная группа политический или экономический вес, по ряду параметров сопоставимый с доминирующей культурной группой.

Литература

1. Лебедева Н. М, Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
2. Gordon M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. N. Y., 1964.
3. Веретевская А.В. Канадский мультикультурализм: исторический аспект // Вестник РГГУ. 2012. № 19. С. 147–159.
4. Alba R.D., Nee V. Remaking the American mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA, 2005.
5. Веретевская А.В. Проблемы европейского мультикультурализма // Сравнительная политика. № 3. М., 2011. С. 114–122.
6. Lie J. Multiethnic Japan. Cambridge, MA, 2001. P. 138–139.
7. Massey D., Denton N. American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass. Cambridge, MA, 1993.
8. Modood T. Multiculturalism. A Civic Idea. Cambridge, 2007.
9. Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. N. Y., 2006.
10. Taylor C. The Politics of Recognition / C. Taylor., K.A. Appiah, J. Habermas, S.C. Rockefeller, M. Walzer, S. Wolf, A. Gutmann // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. — Princeton: Princeton University Press, 1992.

11. Кондратьева Т.С. Великобритания: провал политики мультикультурализма. // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. № 4. М., 2011. С. 35–79. С. 53

12. Löffler B. Integration in Deutschland. Zwischen Assimilation und Multikulturalismus. München, 2011.

13. Веретевская А.В. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели // Вестник МГИМО. № 5. 2012. С. 98–102.

14. Веретевская А.В. Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса // Портал «Перспективы» Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/srez/etnos/musulmane_v_shvecii-obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm

15. Веретевская А.В. Политика интеграции мусульман в современных Нидерландах: эволюция парадигмы // Политическая наука. 2013. № 2. С. 216–231.

В.А. Гайкин

Корейская диаспора в Японии после аннексии Кореи (1910–1931)

В 1904 г. из 15497 иностранцев, проживавших в Японии, только 227 были корейцами [1, с. 9]. До 1910 г. корейцы в Японии это в основном дипломаты, студенты, политические эмигранты, которые (до аннексии Кореи Японией), как и граждане других стран, считались иностранцами. Один из первых правовых актов, регулировавших въезд иностранных рабочих в Японию — «гайкокудзин родося нюкоку сэйгэнхо» (закон, ограничивающий въезд иностранных рабочих), был принят в июне 1899 г. и прямо запрещал труд иностранцев на японских предприятиях. В отношении корейцев он перестал действовать с августа 1910 г. (аннексия Кореи).

Начальный этап иммиграции корейцев (1910–1920 гг.)

Исчезновение Кореи с политической карты мира в 1910 г. в результате аннексии и включение ее в состав Японии не дало корейцам автоматически в полной мере всех прав японского гражданина. Как отметил американский исследователь Э. Вагнер, «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан [1, с. 9].

Только с 1925 г. корейские иммигранты получили формальное право голоса на выборах в представительные органы Японии, но реализация этого права обставлялась различными регламентациями, такими

как неучастие в выборах лиц, получающих пособия от государства, либо работающих в рамках каких-либо государственных программ (например, общественные работы для безработных), каковых среди корейцев всегда было предостаточно. «Корейцы не имели права переводить в Японию свой юридический адрес, что означало ущемление их гражданских прав и прав как субъекта коммерческой деятельности» [1, с. 20].

Тем не менее, право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров» они получили, поэтому аннексия Кореи (1910 г.) стала точкой отсчета создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры. В 1911 г. в Японии насчитывалось 2527 корейских иммигрантов [2, с. 58] Первым опытом целевого найма корейцев и последующего ввоза в Японию можно считать их вербовку в 1911 г. для работы в г. Осака на текстильных фабриках компании «Сэтцу босэки кабусики кайся». Перед началом Первой мировой войны (в 1913 г.) в Японии насчитывалось 3600 корейцев [2, с. 54].

Во время Первой мировой войны военные заказы, которые размещали в невоюющей Японии ее воюющие союзники, вызвали быстрый рост военного производства и потребность в рабочей силе. У японцев появилась возможность переложить на ввезенных из Кореи «гастарбайтеров» работу по известной формуле «3 Д» — dirty, dangerous, difficult (грязная, опасная, тяжелая). Основная часть корейских иммигрантов направлялась на самый большой и промышленно развитый остров Японии Хонсю. Осака становился центром корейской диаспоры в Японии. Газета «Осака майнити симбун» 26 декабря 1917 г. писала: «Во всей префектуре Осака около 2000 рабочих корейцев, три четверти из них фабричные рабочие и грузчики. В самом городе Осака 1500 корейских рабочих. Около 90% корейцев — мужчины, женщин 150–160 чел., которые в основном работают на ткацких фабриках» [2, с. 56, 57].

В некоторых секторах экономики уже к началу 20-х гг. корейский труд доминировал. В Токио — в дорожном строительстве, в префектуре Осака — на строительстве дамб и водных сооружений [3, с. 57]. В быстро индустриализировавшейся Японии росла потребность в угле и, как следствие численность шахтеров. Значительную часть новых рабочих мест на шахтах стали занимать корейские иммигранты. К концу Первой мировой войны в 1918 г. число корейцев-шахтеров в Японии достигло 2480 чел., что составляло 11,1% численности корейцев в Японии (22411 чел.)

Если в 1916 г. численность корейской диаспоры составляла 5624 чел., то к 1920 году она возросла почти в 6 раз, до 31720 чел [2, с. 58]. В 1915 г. рабочие составляли 55,8% корейских иммигрантов, к 1920 г. их доля выросла

до 83,7%. Почти в 3 раза с 11,8% до 4% падает доля студентов. В 1920 г. исчезает графа «торговцы»: это связано с усилившейся конкуренцией на рынке труда в Японии и вытеснением дискриминируемых корейских торговцев из этой ниши. В 1920 г. безработица среди корейских иммигрантов составляет уже 4,1%. В 1920 г. из 28229 работавших корейцев в промышленности было занято 7801 чел., на шахтах и рудниках трудились 6511, разнорабочие — 6153 чел., землекопы — 4920 чел., строители — 807 чел [2, с. 59].

Специфический менталитет японцев, иерархичность их мировидения отразились на отношении к рабочим — иммигрантам. По мнению авторов выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.», «японцы рассматривали корейцев как низшую расу. Корейцы всегда чувствовали себя в Японии чужими». Как сам собой разумеющийся воспринимался тот факт, что зарплата корейцев была всегда гораздо ниже оплаты труда японца, выполнявшего ту же самую работу в том же самом объеме. Так, в 1917 г. в префектуре Фукуока на стекольном заводе «Осато» средняя зарплата рабочих японцев составляла 35 сэн, корейцев — 25 сэн. В порту г. Осака японцы-докеры зарабатывали в месяц 1 иену 20 сэн — 1 иену 30 сэн, корейцы — 90 сэн [2, с. 61].

Корейские трудовые мигранты как фактор индустриального развития Японии (1921–1931 гг.)

С 1915 по 1930 гг. население Кореи увеличилось на 30% [3, р. 28]. Промышленный потенциал Кореи рос не так быстро, что привело к диспаритету между спросом и предложением рабочей силы. Не находящая применения на родине масса неквалифицированных безработных корейцев хлынула в Японию. По оценке Международной организации труда, с 1917 г. по 1929 г. в Японию въехало 1186310 корейцев, за тот же период вернулось в Корею 847777 человек [3, с. 13]. Такой большой отток объясняется разными причинами: здесь и незнание языка и непривычные традиции, сложность для бывшего земледельца приспособиться к монотонному фабричному много часовому труду, дискриминационное поведение японцев, сильная конкуренция в 20-х гг. на рынке труда Японии, трудности с жильем и др.

20-е годы — это период быстрого роста численности корейской диаспоры, которая за десятилетие увеличилась в 10 раз — с 31720 чел. в 1920 г. до 298091 чел. в 1930 г., по другим данным до 419000 чел. [2, с. 88]. Менялось территориальное распределение корейской диаспоры, что было связано с развитием экономики Японии, возникновением новых промышленных центров (Айти, Киото), активным строительством в столице страны Токио предприятий, офисов, дорог, городской инфраструктуры,

железнодорожной сети, что требовало большого количества неквалифицированной рабочей силы — строителей, землекопов.

Как отметил японский исследователь Исии Рёити, «в 1929 г. больше половины корейских иммигрантов были сконцентрированы в пяти префектурах, в которых находились основные индустриальные центры (города) Японии» [4, с. 254]. Большинство корейских трудовых иммигрантов оседали на самом большом и промышленно развитом острове Японии Хонсю. В 20-х годах на первое место по численности корейского населения среди префектур и городов Японии уверенно вышел Осака, который с тех пор и до настоящего времени является своеобразной корейской столицей Японии. В июне 1923 г. в Осака из 6500 работающих корейцев строительных рабочих было 3000, металлистов — 1000, текстильщиков — 800 чел., электриков — 500 чел., судостроителей и цементников — 300 чел [2, с. 97].

После резкого увеличения численности корейских иммигрантов в Японии в 20-х гг., роста конкуренции на рынке труда и безработицы оплата труда корейских рабочих стала дискриминационно низкой. Разрыв между уровнем оплаты рабочих-японцев и корейцев увеличился по сравнению с периодом 1910–1920 гг. За один и тот же труд при одинаковой квалификации рабочий-кореец стал получать как минимум вдвое меньше, чем его коллега японец. В префектуре Сага в 1928 г. дневной заработок землекопа-японца составлял 2 иены 34 сэн, у корейца — 1 иену 1 сэн; грузчика-японца — 2 иены 65 сэн, корейца — 1 иен 39 сэн [2, с. 101].

Низкая стоимость корейской рабочей силы позволяла японским капиталистам устанавливать демпинговую цену на товары, что давало им «фору» для конкуренции на внутреннем и зарубежном рынках. Японские профсоюзы, понимая, что согласие корейских иммигрантов работать за «полставки» понижательно влияет и на зарплату японских рабочих, требовали установить пятипроцентную квоту для корейцев на предприятиях Японии [3, с. 43].

Рынок труда Японии 1920-х годов формировался в значительной степени под влиянием корейской трудовой миграции. Развитие японской экономики требовало значительных трудовых ресурсов, которые пополнялись пришлым корейским населением, главным образом мужчинами (в 1925 г. женщин-кореенок в Японии было только 21450, чуть больше 15% диаспоры) [3, с.30]. Иммигранты были востребованы в тех сегментах японской экономики, работа в которых полностью или частично игнорировалась аборигенным населением, получившим возможность избирательного поведения на рынке рабочей силы. В 1925 г. из 103000 корейских «гастарбайтеров» в Японии 54,5% составляли строительные рабочие;

28% — фабричные рабочие; 8,3% — шахтеры; 6,7% — слуги, домработницы; 1,8% — докеры [3, с. 97].

Социально-психологическая специфика японского этноса, которому была «привита» идея о его исключительности, позволяла с самого начала безболезненно устанавливать низкую стоимость рабочей силы корейских иммигрантов, которая составляла в среднем около половины стоимости рабочей силы японца. В то же время низкая заработная плата корейских «гастарбайтеров» объективно стала фактором, препятствующим повышению уровня зарплаты японских рабочих из-за постоянного наличия трудового резерва, готового трудиться за «полставки».

Низкая составляющая стоимости труда в себестоимости японских товаров позволяла японской продукции, продаваемой по демпинговым ценам, успешно конкурировать на зарубежных рынках, что способствовало японской товарной экспансии. Дешевый труд корейских рабочих в значительной степени обеспечивал развитие таких отраслей экономики Японии, как угольная, прядильно-ткацкая, ремонтно-строительная, дорожное и железнодорожное строительство, металлургия.

Литература

1. Wagner E.W. The Korean Minority in Japan 1904–1950. N. Y., 1951.
2. Пак Кэн сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио, 1979.
3. Mitchell R.H. The Korean Minority in Japan. Berkeley & Los Angeles, 1967.
4. Isii Ryoichi. Population Pressure and Economic Life in Japan. L., 1937.

Э.Т.М. Дикко **Миграционные процессы в Западной Африке** **на примере Мали**

Границы государств в Западной Африке в подавляющем большинстве случаев являются наследием колониальной эпохи и не совпадают с историческими пространствами проживания социокультурных групп, населяющих современную территорию названного региона. Сложившуюся с границами ситуацию многие исследователи оценивают как негативную. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении вопросов, связанных с миграцией населения в рамках интересующего нас региона, мы можем

констатировать, что из-за исторического социокультурного и лингвистического единства населения, разделенного государственными границами, трансграничная миграция является своеобразной формой сохранения социокультурной общности, разорванной установленными государственными границами [1]. Мигрант пересекает государственную границу и, кроме отметки в паспорте (а, возможно, и без нее, так как при наличии национального удостоверения личности одной из стран УЕМОА предъявление паспорта при пересечении границы требуется только в случае отсутствия национального удостоверения личности) и смс сообщении о подключении к сети местного мобильного оператора, ничто не меняется в социокультурном плане. Это отличительная черта трансграничной миграции в Западной Африке.

Условным географическим центром Западной Африки является современное государство Мали, территорию которого населяют социокультурные группы, встречающиеся в большинстве стран региона. У социокультурных групп региона существуют давние традиции миграции. В настоящее время не менее 4 млн. малийцев проживает за границей. Около трех с половиной миллионов из этого количества проживают в африканских странах. Мали на протяжении веков являлось перекрестком цивилизаций, местом встречи различных культур. Путешествие носит особый смысл в некоторых культурах Мали. К примеру, у сараколе, основавших империю Гана, тяга к путешествиям — неотрывная черта [2]. Есть старый малийский анекдот, повествующий о том, что, когда американцы высадились на Луну, их там встречали сараколе.

Если совсем недавно Мали являлось в основном экспортером мигрантов, то сейчас ситуация быстро меняется. Оставаясь экспортером рабочей силы и мигрантов, страна становится и реципиентом. Подобное стало возможным благодаря процессам, происходящим в регионе, и в Мали в частности. Миграционная мозаика в рассматриваемом регионе очень подвижна в силу наличия множества факторов: политическая нестабильность, нерешенные конфликты, быстрый рост добывающего сектора. Очень явно просматривается фактор слабости государственных институтов.

В силу эмбрионального состояния государственной власти, неразвитости политических систем, слабости силовых структур, отсутствия отчетливой демаркации границ на местности и ряда других обстоятельств маятниковые экономические или иные миграции, потоки беженцев и вынужденных переселенцев «размывают» население многих африканских стран, препятствуют институализации единых государственных и формированию национальных (гражданских) идентичностей [3].

Например, мы можем наблюдать сотни тысяч беженцев из северных регионов Мали, которые нашли приют в Мавритании, Буркина Фасо, Сенегале и Нигере. Большое количество беженцев и репатриантов вернулось в Мали после падения режима полковника Каддафи. В то же время, большое количество трудовых мигрантов из Буркина Фасо, Гвинеи, Кот-д'Ивуара и Нигерии буквально хлынули в районы, где находятся золотые прииски. Картина миграции усложняется в связи с ужесточением иммиграционных законодательств в странах, традиционно привлекавших малийцев. Меняются направления миграции. К примеру, малийские мигранты стали активно осваивать новые страны-реципиенты, среди которых Китай и Канада. Сама миграция становится более динамичной. Малийским мигрантам приходится учитывать множественные факторы. На субрегиональном уровне это события в Северной Африке, кризис в Кот-д'Ивуаре, ливийский конфликт и конфликт на севере Мали. Мировой экономический кризис также ограничивает перспективы для мигрантов, выбравших развитые страны [4, p. 217].

Литература

1. Bossard L. Développement local et intégration régionale. URL: <http://www.oecd.org/fr/csao/publications/38415548.pdf>
2. Communication de la section malienne «La problematique de la migration en Afrique: le cas du Mali». URL: http://afrique.apffrancophonie.org/IMG/pdf/2008_afrique_mali.pdf
3. Филиппов В.Р. Трансграничные миграции на Черном континенте. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2558>
4. La tragédie malienne. P., 2013.

О.Ю. Курныкин

Проблема идентичности иммигрантов-мусульман в странах ЕС

На рубеже XX — XXI вв. миграционные потоки приобрели такие масштабы, что дают основание говорить о начавшемся новом «переселении народов», в результате которого прежняя этнодемографическая картина мира будет существенно видоизменяться, а процессы межэтнической диффузии и обособления приобретают качественно новые характеристики. В современных миграционных процессах ежегодно участвуют примерно

2–3% мирового населения [1, с. 3], т. е. сотни миллионов человек. При этом определяющие позиции в демографических процессах перешли к народам Азии и Африки, дающим основной прирост населения Земли. При этом одним из притягательных центров для миграции остается Европа, на долю которой приходится 20% мировых миграционных потоков. Вместе с тем развернувшаяся в последние десятилетия волна миграции, обусловленная потребностями глобализирующейся экономики, отличается несомненным своеобразием, отражающим современный этап развития общества.

С исторической точки зрения, современную миграционную проблематику трудно рассматривать в отрыве от имперского феномена, ибо после крушения великих империй на протяжении XX столетия имперскость, понимаемая и как субъективные устремления к воссозданию имперской территориально-пространственной и институциональной организации государства, и как объективные следствия многовековых взаимосвязей в рамках имперской структуры, как оказалось, не стала лишь достоянием прошлого. Имперскость в современных условиях напомнила о себе новыми, подчас неожиданными проявлениями, в частности, в сфере миграционных процессов. После нескольких столетий исхода европейских народов из своего исторического ареала на новые территории (прежде всего, на Американский континент, в Австралию, Южную Африку), миграционные потоки приобрели обратную направленность. Прежние колониальные империи как бы «схлопнулись вовнутрь», когда представители титульного (имперского) этноса вынужденно покидали прежние колониальные владения после обретения последними независимости, и вместе с тем под напором мигрантов из бывших колониальных окраин возникает угроза этно-культурного размывания прежнего имперского ядра. Рубежом в миграционных процессах для стран Западной Европы стала середина 1950-х гг., когда число иммигрантов превысило количество эмигрантов.

Проблема трудовой миграции из менее благополучных стран мира в страны с более высоким уровнем жизни и социальной защиты находится в центре внимания экспертного сообщества на протяжении последних нескольких десятилетий. Вначале подход к ней был преимущественно утилитарным, когда приток трудовых мигрантов рассматривался как способ снижения издержек за счет относительно дешевой рабочей силы. Действительно, мигранты дали дополнительный импульс европейской экономике, но вскоре проблема мигрантов из разряда экономической переместилась в сферу социально-политическую, обернувшись новыми, подчас неожиданными гранями. Прежде гомогенное в цивилизационном отношении европейское общество по мере ширившегося притока иммигрантов

стало осознавать (на ментальном и бытовом уровнях) различие ценностных ориентаций и образа жизни, обусловленное историческими и культурно-религиозными факторами; все более значимыми становятся поиски механизмов адаптации мигрантов в странах пребывания, адекватное реагирование на процессы самоорганизации и обособления общин мигрантов и т. д. Первоначальная самоуверенность европейцев, полагавшихся на естественные процессы ассимиляции и аккультурации возрастающего потока мигрантов (ибо прочность культурного и политико-правового фундамента европейской цивилизации казалась незыблемой и исторически доказанной), вскоре была поколеблена. Постепенно выявлялась малая результативность прежних стратегий и практик интеграции мигрантов, прежде всего, из мусульманских стран.

Мигрантам из бывших колониальных владений не было чуждо несколько идеализированное представление о метрополии, однако реальность не совпадала с ожиданиями. К проблеме взаимоотношений принимающего общества и иммигрантов пытался привлечь внимание Салман Рушди в своем эссе «Новая империя в Британии», опубликованном в 1982 г. По оценке С. Рушди (намеренно обостренной, но не лишенной оснований), в связи с миграционной проблемой «Британия испытывает критическую фазу в своем постколониальном периоде, и этот кризис не является экономическим или политическим. Это кризис всей культуры, кризис общественного самосознания» [2]. «Новой империей», но теперь уже внутри Британии, он называл неуклонно множасьщую общину иммигрантов из азиатских и африканских владений бывшей Британской империи.

Первоначальный импульс к добровольной ассимиляции и аккультурации, предполагающий конформистскую модель поведения, гасился социально-культурными и психологическими барьерами, негласно возводимыми вокруг иммиграционных общин со стороны принимающего общества. Ассимиляция, характеризующаяся полным восприятием со стороны приезжих системы ценностей и образа жизни принимающего общества, являлась приемлемой перспективой для значительной части трудовых мигрантов. Как отмечалось М. Боммесом, до конца 1980-х гг. высокому показателю миграционных движений в европейские страны соответствовал высокий уровень социальной интеграции мигрантов, при этом «первоначальная интеграция мигрантов протекала как бы сама собой, была политически непреднамеренной» [3]. Социальное государство в его европейском исполнении обладало тогда достаточными ресурсами для предоставления иммигрантам доступа к социальным и экономическим институтам.

Однако по мере роста численности иммигрантских общин, их социально-территориальной локализации выявились объективные и субъективные ограничители и пределы интеграции, связанные с социально-психологическими, культурно-религиозными и иными факторами, определяющими идентичность как коренного населения, так и инокультурных иммигрантских сообществ. Признание права на культурную «инаковость» мигрантов нашло отражение в концепции мультикультурализма, признающей позитивную ценность этнокультурных различий постольку, поскольку это не противоречит базисным ценностям доминирующего (титульного) большинства населения. При этом признание права на культурные различия предполагало равенство в социальной сфере. В рамках политики мультикультурализма государство выделяло значительные средства на языковые курсы для иммигрантов, социальные и образовательные программы, рассчитанные на их интеграцию в принимающее общество. Предусматривались также определенные льготы для иммигрантов при устройстве на работу и поступлении в вузы. Предпринимались меры (законодательного и организационного характера) для формирования толерантных межэтнических отношений. Однако вскоре выяснилось, что политика мультикультурализма предоставляя значительные бонусы этническим меньшинствам, особенно «видимым», т. е. неевропейским, способствовала их консолидации и обособлению. Модель мультикультурного общества оказалась недостаточно устойчивой в условиях продолжающегося притока мигрантов, в немалой степени способствовала возникновению замкнутых сообществ в иммигрантской среде.

Осознание себя частью локального сообщества на основе этно-культурной, религиозной или иной общности давало иммигрантам чувство психологической защищенности. Пребывание в инокультурной среде неизбежно актуализирует потребность в самоидентификации. Однако реализуется эта потребность в разных формах и проявлениях в зависимости от уровня образования, материальной обеспеченности, жизненных ориентиров, индивидуальных качеств, этно-культурной принадлежности. При этом стремление отстоять право на культурно-религиозную самобытность может принимать демонстративные формы и подчас вступает в противоречие с ценностями и образом жизни коренного населения, примером чему служит резонансная история с принятием в 2004 г. закона о запрете на ношение хиджабов в учебных заведениях Франции.

Реакцией на попытки ассимиляции иммигрантов стала отмеченная С. Хантингтоном «индигенизация второго поколения», т. е. культурное обособление на основе признания ценности культурной традиции

своих предков. Речь идет о том, что если первое поколение иммигрантов было ориентировано в основном на усвоение культуры, языка, бытовых и поведенческих норм принимающего общества, то их дети и внуки, для которых социальная и языковая среда страны рождения стала естественным фоном, стали проявлять интерес к подзабытым обрядам, обычаям, языку своих родителей и дедов. В свою очередь, представители старшего поколения, при возможности, стараются отправлять своих детей к родственникам или в ознакомительные поездки в страны, откуда они в свое время перебрались в Европу. Показательно, что эти поездки, обогащая представления «новых европейцев» из иммигрантской среды о культурной традиции своей исторической родины, не подрывали лояльного отношения к стране, гражданами которой они являлись. Закономерным стало возникновение феномена «двойственной (множественной) идентичности» иммигрантов, предполагающей осознанное стремление стать гражданином страны пребывания при сохранении и даже актуализации этно-культурной самоидентификации. Кристаллизуются новые идентичности, артикулируемые в этнических, региональных или локальных категориях [3]. Таким образом, возникает ситуация пересекающихся, сложно структурированных идентичностей, что порождает для иммигрантов состояние внутреннего дискомфорта.

Второе и третье поколение в семьях иммигрантов характеризуется более высоким уровнем притязаний при сохранении более низкого и даже маргинального статуса по сравнению с коренным населением. В значительной мере это обусловлено недостаточным уровнем образования и профессиональной подготовки, впрочем, как и скрытой или явной дискриминацией при найме на работу. Волнения среди молодых французов арабо-африканского происхождения в пригородах Парижа в 2005 г. вызвали подъем антиисламских и антииммигрантских настроений во французском обществе, многие усмотрели в этих событиях крах политики мультикультурализма и подтверждение тезиса о несовместимости исламской доктрины с европейскими базовыми ценностями. Однако, как ни парадоксально, беспорядки в городах Франции в 2005 и 2007 гг. свидетельствуют о своеобразной «негативной включенности» во французское общество мигрантов арабо-африканского происхождения второго и третьего поколения. Мотивация и формы молодежных бунтов не дают основания характеризовать их как проявления архаики или традиционализма, выпадающие из европейской политической культуры. Они не имели религиозной подоплеки (согласно исследованиям французских социологов, лишь 14% «исламской молодежи» посещают мечеть и придерживаются

норм ислама [4]) и, скорее, демонстрировали неэффективность механизмов регуляции социального государства. Остается открытым вопрос о том, удастся ли эту «негативную включенность» в практику и институты социального государства трансформировать в позитивную. Во многих европейских странах есть понимание этой проблемы, реализуются программы поддержки различных групп, структур, объединений иммигрантов через систему грантов, бюджетное финансирование, образовательные программы. Однако это не исключает проявлений и даже усиления ксенофобии и исламофобии среди коренного населения.

Таким образом, реальность и социальная практика притягательных для мигрантов европейских стран подталкивает иммигрантов — представителей иных цивилизационных традиций — к формированию многослойной, сложносоставной конфигурации идентичности, охватывающей сферы гражданственности, языка, мифологии и обычаев, семейных традиций, поведенческих стереотипов и т. д. Это неизбежно порождает для иммигрантов состояние ментальной и социальной дисгармонии, которую можно ослабить лишь совместными усилиями со стороны государственных и общественных институтов и иммигрантских общин.

Литература

1. Юрин А.В. Миграционные потоки в странах ЕС и пути их регулирования. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. М., 2011.
2. Rushdie S. The New Empire within Britain. URL: http://public.wsu.edu/~hegglund/courses/389/rushdie_new_empire.htm
3. Боммес М. Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах // Центр независимых социологических исследований. URL: http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Bommес.pdf
4. Тарасов А. Протест молодежи во Франции и ответ властей: версия 2007. URL: http://scepsis.net/library/id_1886.html

Н.С. Малышева **Иммиграционная политика Великобритании** **в 1940–60-е гг.**

В дискуссиях о современных геокультурных (цивилизационных) Период с 1946 до середины 1970-х гг. вошел в историю стран Западной Европы

как «славное тридцатилетие», охарактеризовавшееся бурным подъемом промышленности, модернизацией средств производства и ростом товарооборота. В основе послевоенного экономического подъема лежали необходимость реконструкции промышленности и сельского хозяйства, энтузиазм населения и американская финансовая помощь. Нехватка рабочей силы в отдельных странах Западной Европы восполнялась за счет притока трудовых мигрантов, поощряемого как правительствами, так и частными агентствами. Таким образом, окончание Второй мировой войны повлекло за собой перемещение миллионов граждан европейских государств и их бывших колоний, впервые приобретавшее массовый характер.

Великобритания, как и ряд других стран Западной Европы, относилась к государствам «новой» миграции. Несмотря на то, что эта страна начала принимать мигрантов довольно рано — с XVI–XVII вв., их приток никогда не носил массовый характер [1, с. 21]. После войны, как бывшее государство-метрополия (наряду с Францией, Нидерландами, Бельгией), Великобритания была в состоянии обеспечить себя неквалифицированной рабочей силой за счет своих бывших колоний. Экономический подъем и низкий уровень безработицы делали бывшую метрополию привлекательной в глазах мигрантов, и с 1948 по 1962 гг. в Великобританию прибыло около 500 тысяч иммигрантов [4, р. 4].

Трудовая миграция совпала с появлением еще одной социально-экономической тенденции. Еще в годы Второй мировой войны в Великобритании возникла концепция государства всеобщего благоденствия (*welfare state*), со временем ставшая основой социально-экономической политики ряда стран Западной Европы. В соответствии с ней, от государства требовалось обеспечение всех своих граждан социальной защитой, и именно полной занятости населения, бесплатной системы здравоохранения и образования. Государство всеобщего благоденствия оказалось притягательным для трудовых мигрантов не только в связи с более высоким доходом, который они могли бы получить, но и в связи с социальными гарантиями.

В отличие от Франции и ФРГ, где в 1950-х — 1960-х гг. правительства приветствовали приток иностранной рабочей силы, иммиграция в Великобританию не поощрялась на правительственном уровне. Впрочем, необходимо сделать уточнение: лейбористское правительство К. Эттли (1945–1951 гг.) противостояло привлечению именно небелых иммигрантов, в то время как выходцы из стран Европы были желанными гостями в Великобритании. Тем не менее, в течение почти пятнадцати послевоенных лет британское законодательство не препятствовало въезду в страну выходцев из Индии, Пакистана, стран Африки и других бывших

британских колоний. В 1948 году лейбористское правительство К. Эттли приняло закон, по которому все жители британских колоний получали статус граждан Великобритании. Как граждане, они получали право свободного въезда в страну и поселения [2]. Чем был вызвано появление этого либерального закона?

Во-первых, закон 1948 года наделял равными правами жителей Британской империи, когда еще невозможно было предвидеть масштабы иммиграции. Лейбористское правительство не предполагало возможности массовой иммиграции «цветных» и появления в стране значительного числа выходцев из Вест-Индии, Пакистана и Африки. Во-вторых, вопреки расхожему мнению, в центре иммиграционной политики британского правительства находились не бывшие колонии-страны «третьего мира», а бывшие колонии «старого Содружества» — Канада, Австралия и Новая Зеландия. Эти страны играли ключевую роль в торговле, способствовали распространению английского языка и культуры. Закон 1948 г. должен был упрочить связь между метрополией и доминионами и привлечь в Великобританию «белую» иммиграцию.

Быстрый рост «цветной» иммиграции в Великобританию привел к обострению существующих социально-политических проблем. Данные первого социологического опроса, проведенного в 1958 г., свидетельствовали о преимущественно негативном отношении британских граждан к черным и цветным иммигрантам; большинство выступало за введение ограничений на въезд в страну. Действия правительства подверглись острой критике как со стороны либерально настроенной общественности, так и со стороны правых популистских сил. Как первые, так и вторые упрекали лейбористов в отсутствии продуманной иммиграционной политики.

Отличительной чертой иммиграционной политики Великобритании в данный период являлось то, что ни работодатели, ни профсоюзы не оказывали на нее значительного влияния. Отношение профсоюзов к трудовым мигрантам было неоднозначно. Так, в 1955 г. Конгресс трейд-юнионов заявил о поддержке трудовой миграции из стран нового Содружества в страну. В то же время, в неофициальных беседах с министром труда У. Монктоном представители профсоюзов высказывались за введение миграционного контроля [3, р. 7]. Позже, в связи с погромами в индийских и пакистанских кварталах, вслед за лейбористами Конгресс осудил погромы в 1958 г. и выступил против введения ограничений на миграцию.

Попытки ввести иммиграционный контроль обсуждались и на правительственном уровне. Основными участниками этой дискуссии стали Министерство труда, высказывавшееся за ограничение иммиграции,

и Министерство колоний, считавшее необходимым сохранить право свободного въезда в страну. Вплоть до начала 1960-х гг. правительство поддерживало точку зрения Министерства колоний, не желая ухудшать отношения со странами Содружества и признавая ответственность за судьбу выходцев из британских колоний. Право свободного въезда как способ сохранения влияния в Содружестве признавала и Консервативная партия.

Стремительный рост небелой иммиграции, нежелание ряда новых независимых стран следовать курсу Великобритании привели к постепенному отходу от либеральной иммиграционной политики. Право свободного въезда в Великобританию все больше противоречило ухудшающейся экономической ситуации и росту безработицы. В 1962 г. Консервативным правительством был принят закон, направленный на ограничение иммиграции из стран Содружества (Commonwealth Immigrants Act), автором которого стал министр внутренних дел Р. Батлер. В соответствии с ним в страну был разрешен въезд только тем иммигрантам, которые получили ваучеры на трудоустройство, выпущенные Министерством труда. Ваучеры выдавались квалифицированным работникам — в основном, с медицинским образованием. В последующие годы правительство сокращало количество выдаваемых ваучеров. Право на въезд также было предоставлено прямым родственникам иммигранта, уже проживающего в Великобритании.

Несмотря на принятые меры, проблема иммиграции «цветного» населения не была решена. Начиная с 1967 г., в Великобританию хлынула вторая волна индийцев и шри-ланкийцев, — на этот раз, из Кении и Уганды. После предоставления двум странам независимости в 1963 г., «некенийцы» столкнулись с дискриминацией со стороны африканского правительства. При этом, обладая британскими паспортами и приезжая с территории стран Содружества, эти иммигранты не попадали под действие Закона 1962 г. Настойчивые требования со стороны консерваторов ужесточить контроль над прибывающими в страну встретили поддержку в лице правящей Лейбористской партии. Очередной Закон об иммиграции 1968 г. разрешал право въезда лишь тем гражданам, которые родились в странах Содружества или же имели одного из родителей, родившихся там. Примечательно, что этот был поддержан 79% опрошенных граждан Великобритании [4, p.14].

Таким образом, с 1948 по 1962 гг. Великобритания проводила одну из самых либеральных миграционных политик в мире. Предоставление гражданства миллионам жителей стран Содружества было политическим решением и данью колониальному прошлому. Стремительный рост «цветного»

населения в послевоенной Великобритании, происходивший на фоне распада колониальной империи, предопределил весь комплекс межнациональных проблем, существующий и в настоящее время.

Литература

1. Манцеров К.А. Политико-правовые модели регулирования иммиграции Великобритании и Германии: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2011. № 4.
2. British Nationality Act 1948. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted>
3. Freeman G. Migration and the Political Economy of the Welfare State // Annals of the American Academy of Political and Social Science. May, 1986, Vol. 485. Pp. 51–63. URL: <http://www.jstor.org/stable/1045440>
4. Hansen R. Citizenship and Immigration in Postwar Britain. New York, 2000. Oxford University Press.

В.В. Серов

«Миграционная политика» в Византии

На протяжении своей длительной истории Византийская империя никогда не была национальным государством с этнически однородным населением. Она, как и ее предшественница, Римская империя, состояла из земель, населенных народами различных культурных традиций и расовой принадлежности. Даже официальный язык Империи — вначале латинский, потом греческий — не был в состоянии создать прочную основу для этнической унификации. В связи с этим, возможно, византийское правительство прибегало к более сложным способам воздействия на этно-демографическую ситуацию. К таковым следует отнести и так называемую миграционную политику, точнее — целенаправленное перемещение различных этнических групп из одних областей государства в другие.

Появление такого подхода при урегулировании внутривизантийских проблем относится к глубокой древности. В ранней Византии переселение варварских народов практиковал, например, Юстиниан I (527–565 гг.). После победы над вандалами он переместил часть их из Африки в Малую Азию; для успешного противодействия натиску гуннских народов этот император расселял некоторых из них на федератском праве в балканских провинциях. Несколько позже, после Готских войн, в Вифинии

были размещены плененные готы, остававшиеся там, судя по сообщению Феофана, вплоть до VIII в. Наконец, император Юстиниан практиковал переселение армян с их родины в разные части империи.

К практике переселения народов обращались и преемники Юстиниана. Так, в 578 г., в правление Тиберия Константина, 10000 армян были отправлены из мест своего обитания на остров Кипр. Еще более масштабные мероприятия были проведены при императоре Маврикии (582–602 гг.), который, вероятно, имел планы коренных этнических изменений в Армении.

Наибольшие этнические перемены в раннесредневековой Византии были связаны с вторжениями и расселением на ее территории славянских племен. Поселения славян покрыли значительную часть Балканского полуострова. Избежала славянской оккупации лишь Фракия, но даже там славяне сумели создать этнические анклавы. Современная наука практически не располагает информацией относительно усилий, предпринимавшихся Византией по приведению славян под свою юрисдикцию [1, с. 5–13].

Массовое переселение славян с Балканского полуострова в Малую Азию осуществлял и Юстиниан II (685–695, 698–705 гг.). Он совершал и другие мероприятия по переселению народов [2, р. 25–27]. В 688 г. он удалил мардаитов — христиан неизвестного этнического происхождения — из горной страны Аман и поселил их в другом месте империи. Мы обнаруживаем их в X в. в Памфилии, на Пелопоннесе, на острове Кефалиния и в Эпире служащими государству в качестве моряков. В 691 г. Юстиниан переселил в область Кизика киприотов вместе с их архиепископом и другими священнослужителями; новое поселение получило название Юстинианополиса. Вскоре, однако, те киприоты возвратились на родину, а император озабочился размещением в восточной Македонии каких-то «скифов». Термин «скифы» использовался тогда византийцами для обозначения различных народов тюркского происхождения, но иногда этим словом именовались и славяне — союзники тюрок. Упомянутые здесь Феофаном скифы должны были быть скорее тюркским народом, поскольку внешняя политика Юстиниана II была направлена не на усиление, а на ослабление славян в Македонии.

В VIII столетии количество акций по переселению этнических групп заметно увеличилось. В правление Константина V (741–775 гг.) тысячи армян и сирийцев-монофизитов были захвачены византийской армией во время рейдов по областям, некогда принадлежавшим Византии, но потом оккупированным арабами, и переселены во Фракию. Этот же император в 775 г. переселил немалое количество обитателей материковой

и островной Греции в обезлюдивший из-за чумных поветрий Константинополь. Наиболее же значительным его мероприятием был перевод славян с Балканского полуострова в Малую Азию. Количество переселенных славян, согласно хронике Никифора Константинопольского, составило 208000 человек. Они были размещены в долине Артана — притока Сангариса, который впадает в Черное море недалеко от Босфора. В эти места миграции совершались и при Льве IV (775–780 гг.), но вместо славян насильственному перемещению тогда подверглись сирийские яковиты, плененные византийцами в ходе военных операций в Киликии и Сирии [3, S. 128–130]. Согласно Феофану Исповеднику, почерпнувшему данные у какого-то восточного автора, число переселенных достигало 150000; часть их попала во Фракию. Несколько лет спустя, в 792 г., около тысячи воинов, вероятно, армяне, участвовавшие в мятеже, были удалены из фемы Армениак и направлены на Сицилию и другие острова.

Основной источник по истории Византии во второй половине VII — начале VIII в., Феофан, описывая правление Никифора I (802–811 гг.), говорит о десяти репрессивных мероприятиях этого императора. Первым из них был приказ переселить в Склавинии, в то время уже подчиненные Империи, христиан из каждой византийской области. Переселение в области, населенные преимущественно славянами, предполагало уравнивание количественного соотношения их с «коренными» византийцами. Феофан не называет местонахождение тех областей, но мы знаем из другого источника, что одной из них был Западный Пелопоннес.

Весьма разнообразен был этнический состав вовлеченных в миграционный процесс при императоре Михаиле I (811–813 гг.). Большинство переселяемых им подданных являлись представителями различных еретических сект и движений вроде павликиан, и император, объявивший о необходимости покончить с ересями, лучшим средством для этого признавал переселение еретиков на большие расстояния и обязательно в насыщенную православием культурную среду. По этой причине этническая принадлежность переселенцев не принималась во внимание. Немало жителей Фригии и Ликаонии, уличенных в принадлежности к павликианству, оказались в европейских областях империи, а некоторые из них обнаруживаются на острове Эгина. Известно также, что часть павликиан попала в Южную Италию, где продолжила свою еретическую пропаганду [4, p. 203].

Большинство павликиан были армянами; таким образом, императоры средневековой Византии своей миграционной деятельностью способствовали расселению армян по всему Средиземноморью. Подобная политика в отношении армян продолжалась и после подавления павликианского

движения, — в X в. В 961 г. какие-то армяне мигрировали по императорскому указу на остров Крит после его отвоевания у арабов, в 988 г. Василий II (976–1025 гг.) вывел «многих армян» из восточных областей и расселил их в Македонии. О причинах этих переселений можно лишь догадываться, но они явно были не религиозными.

Византийская аннексия Армении, завершившаяся к середине XI столетия, привела к новым переселениям армян в старые и недавно приобретенные (неармянские) области Империи. Благодаря этому армяне заселили ряд пустынных земель вдоль восточной границы, подготовив создание новой фемы Ликандос. Армянские стратиоты успешно сражались с арабскими войсками, расширяя византийские владения. Общее количество перемещенных в X — первой половине XI в. из родных мест армян приближалось, по словам армянских источников, к полумиллиону [5, р. 19].

В этот же период и другие народы перемещались в различные области Византийского государства. Например, в 834 г. несколько тысяч (по оценкам разных источников, от семи до тридцати) персов под командованием Бабека и Насра переметнулись на сторону императора и присоединились к его армии, приняв крещение. В 838 г. император Феофил (829–842 гг.) распределил их по нескольким восточным фемам.

В начале X в. некий тюркский народ, впоследствии известный как вардариоты, был посажен возле реки Вардар где-то недалеко от Фессалоники. Другие турки издавна населяли местности возле озера Охрид в Родопских горах, хотя время и обстоятельства их поселения там не известны. Еще одно тюркское поселение существовало во Фракии с начала XI в.

В 941 г. целое арабское племя, недовольное политикой своего правительства, мигрировало из области Нисибиса в Месопотамии и обосновалось в Византии. Вновь прибывшие насчитывали 12000 всадников с их семьями, пожитками, рабами и прочим движимым имуществом. Оказавшись на византийской территории, они приняли христианство, получив взамен подобной верности земли, животных и даже предметы роскоши [6, с. 55].

В свою очередь, болгары также оказались в числе перемещаемых в Византию. Особенно известна история массового насильственного перевода болгар императором Василием II после разгрома им Первого Болгарского царства в 1025 г. Тогда тысячи болгар были расселены по византийским владениям на Балканах, причем впоследствии они часто перемещались с одного места на другое. Мы знаем, например, о болгарях, которые сначала были поселены в крепостях Фессалии, а позднее переведены в Западную Фракию. Других же перевели из Западной Македонии

на Нижний Дунай, где население представляло собой невообразимую смесь народов, включая, например, печенегов. В том же XI в. пленных болгар размещали и в Малой Азии.

Вообще, Малая Азия представляется территорией наиболее масштабных миграций в раннем средневековье и включением в процесс самых экзотических народов. Примечателен факт создания в X в. на юго-западе Малоазийского полуострова колонии из представителей африканского народа мерое, враждебное отношение которых по отношению к местному населению выдавало принудительный характер их расселения. Неизвестно, что это были за мерое, но цель их поселения именно на побережье очевидна: они должны были служить в византийском флоте.

Переселение народов засвидетельствовано источниками и в более позднее время, когда Империя заметно уменьшилась в размерах, утратив важнейшие из своих владений, и потеряла значение самого важного звена международных отношений в Восточном Средиземноморье. Так, в XII в. в Македонию перемещались печенеги, сербы переселялись в Вифинию, а киликийские армяне — в Никомедию. В XIII в. правители Никейской империи приглашали для поселения неких куманов как в своих европейских, так и в азиатских владениях, — очевидно, для восполнения численности населения государства. Никейский полководец Михаил Палеолог, ставший первым императором восстановленной Византийской империи, переводил из Малой Азии в Добруджу побежденных им турок-сельджуков. Эти турки, возможно, являются прародителями современных гагаузов [7]. Примеры подобного рода можно умножить. Кроме тюркских народов, в миграциях поздневизантийского времени участвовали албанцы и «латиняне», — оставшиеся на Балканах после 1261 г. европейцы.

Таким образом, Византийское государство на всем протяжении своего существования осуществляло политику по перемещению из одного региона в другой разных народов с определенными целями. В первую очередь, миграции предназначались для поддержания или усиления боеспособности вооруженных сил империи. Переселявшиеся с этой целью племена и этносы приносили свои вооружение и тактические приемы, обогащая опыт византийцев и помогая им противостоять новому врагу. С помощью привлеченных на службу народов Империя оказалась в состоянии преодолеть тяжелейшие времена VII–VIII вв., отразить нападения на всех фронтах и переходить в наступление.

Кроме того, миграции осуществлялись по экономическим причинам. При этом экономические соображения и военные потребности государства нередко соединялись. Переселенцы не только восстанавливали

слабую оборону участка имперской границы, но и способствовали процветанию прилежавшего к нему региона.

Миграции преследовали и религиозные цели. Самой непосредственной из них была цель христианизации варваров, оказавшихся по соседству с Империей или даже на территории Империи (наиболее известный пример — со славянами, колонизировавшими Балканы). Другой причиной переселения могла стать борьба с ересями, когда против еретиков, враждебных официальному православию, направлялись «чужаки» из-за рубежа или из другого региона. Так поступал, например, Никифор I, размещавший в Греции славян для борьбы с афенганами и павликианами. Не всегда такая политика приносила желаемые плоды, однако она решала проблему нехватки сил и ресурсов при проведении крупномасштабных государственных мероприятий.

Итак, Византийская империя, всегда на протяжении своей истории остававшаяся многонациональным государством, стремилась поддерживать эту свою характерную черту, делавшую ее более сильной и устойчивой на международной арене. Одним из главных обстоятельств, которые способствовали этому, были переселения народов как внутри государства, так и извне в него. При осуществлении «миграционной политики» Империя стремилась ассимилировать переселяемый народ и руководствовалась тремя объединительными факторами: православием, греческим языком и имперской традицией. Переселяемые и переселявшиеся народы должны были так или иначе принимать их и, таким образом, подчиняться византийскому правительству.

Литература

1. Денисова И.В. «Византийская Склавиния»: славяне в Греции и Малой Азии (VI–X вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2012.
2. Charanis P. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers*. № 13. 1959. P. 25–44.
3. Hönigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Brussel, 1935.
4. Obolensky D. The Bogomiles: A Study in Balkan Neo-Manichaeism. Cambridge, 1948.
5. Tournebize Fr. Histoire politique et religieuse de l'Arménie. P., 1900.
6. Васильев А.А. Византия и арабы. СПб., 1900.
7. Hoppe E.M. Die türkischen Gagauzen-Christen // *Oriens Christianus*. Vol. 41. 1957. S. 125–137.

Х.М. Турьинская
Миграции и динамика политической системы
на Занзибаре

Миграции, как внутри государств, так и трансграничные, неизбежно меняют демографическую, экономическую, культурную ситуацию, и, в конечном итоге, воздействуют на политическую систему в социуме. В качестве объекта исследования рассматривается архипелаг Занзибар (острова Унгуджа, Пемба, Тумбату), полвека назад объединенный с материковой частью — Танганьикой и имеющий статус автономии в составе Танзании. Миграции в значительной мере определяли социально-политическую историю архипелага. Находившееся в постоянном движении и смешении население Занзибара создавало разнообразные политические конфигурации в различных исторических обстоятельствах. В исследовании может быть применим антропологический подход, позволяющий проанализировать, как социально-политическая система реагирует на изменения субъектов и как эти процессы взаимодействуют.

В случае с миграциями речь может идти о подвижности не только физической, но и ментальной. Имеются в виду как перемещения в пространстве людей и групп, так и изменения их идентификации и самоидентификации в зависимости от контекста. Занзибарские реалии также иллюстрируют относительность понятий «коренной» и «некоренной», которые часто используются в дебатах о политике и экономике.

Непостоянное население было весьма многочисленным на островах. Оно состояло из временных сезонных рабочих, которые прибывали с мейнленда на период сбора урожая. Существовал также феномен маятниковых миграций из Аравии и Индии: с муссонными ветрами («trade winds») торговцы на парусниках доу приплывали на Занзибар и через несколько месяцев отплывали на родину [1, с. 163]. К середине XIX в. Занзибар превратился в ключевой коммерческий и политический центр Восточной Африки, через который поддерживались торгово-экономические связи с Востоком, Европой, Америкой, а также с внутренними районами материковой части Африканского континента.

В течение веков люди из разных регионов прибывали и оседали на архипелаге в качестве постоянного населения. Африканская община архипелага стала результатом миграций: складываясь постепенно, в течение длительного времени, она происходит от соседних племен материковых банту. В настоящее время составляющие большинство населения архипелага африкано-занзибарцы делятся на тех, чьи предки поселились здесь относительно давно («ширази» — племена вапемба, ватумбату и вахадиму)

и тех, кто считается потомками рабов или недавно прибывших трудовых мигрантов с континента. Ширази называют себя коренными жителями Занзибара, подчеркивая этим свой особый статус первоначальных собственников земли на островах. Сохраняя приверженность исламу, они и по религиозному признаку отделяют себя от недавних поселенцев с материка — в основном христиан [2, с. 3–5].

История заселения Занзибара свидетельствует о том, что сами ширази — это потомки иммигрантов — материковых африканцев. При этом часть ширази ведет свою родословную от выходцев из региона Персидского залива. Это позволяет сообществу ширази доказывать свое благородное, по сравнению с континентальными африканцами, происхождение. Что, в свою очередь, выражается в поддержании культурной дистанции между общинами. При этом ширази представляются, по выражению Мухаммеда Али Бакари, «наиболее аморфной этнической группой на Занзибаре», а истоки их идентичности служат предметом споров среди ученых [3, с. 69–70]. Подобный «дрейф» самосознания демонстрировали и другие группы населения региона. Так, баджун (вагунья), восточноафриканское население побережья от Сомали до Танзании и близлежащих островов, включая Пембу, Мафию, — это африканцы, испытывавшие влияние выходцев с Востока и «ставшие арабами». Они претендовали на «персидское» происхождение [4, с. 39; 5, с. 11, 13], что было более престижно, чем считаться африканцем.

Арабские мигранты прибывали на восточноафриканское побережье и на Занзибар также в течение длительного времени, значительно меняя экономическую ситуацию и социокультурный облик региона. Вытеснив португальцев, арабы установили политический контроль на побережье и близлежащих островах к началу XVIII в. Особенно возрос приток арабов на Занзибар в XIX в. Здесь возник султанат во главе с оманской династией. Сам город Занзибар, столица султаната, был основан арабами в IX в. Арабская элита стала на островах доминирующей экономической и политической силой, которую поддерживали британцы в период существования протектората на Занзибаре. В руках арабов была сосредоточена торговля (в том числе работорговля, вплоть до ее официального запрета в конце XIX — начале XX в.) и плантационное хозяйство.

Мигрировавшие в течение нескольких веков на территорию Занзибара «азиаты», главным образом «индийцы», торговцы и финансисты, были заметны скорее в сфере экономики, нежели в политике. Впрочем, в тот момент, когда индийцы испытывали давление на свой бизнес со стороны арабов и стоявших за ними британцев, они прибегали

к политическим инструментам борьбы за свои права. Так произошло в случае с конфликтом по поводу торговли гвоздикой: в 1937–38 гг. занзибарские индийцы добились от Индийского национального конгресса проведения бойкота экспорта гвоздики с Занзибара в Индию, что сказалось неблагоприятным образом на экономическом положении архипелага [6, с. 156].

Политическая активность занзибарцев в период протектората определялась социально-экономической средой и находилась под контролем британской администрации. Колонизаторы в рамках системы косвенного управления разработали на Занзибаре особую социальную иерархию, разделив население на группы по расовому и религиозному признаку. Во многом эти категории совпадали с различными по культурным характеристикам и социальной организации сообществами, которые складывались на архипелаге как результат миграционных потоков. На верхнюю ступень «лестницы» британцы поставили арабов, на вторую — индийцев, на две нижние — африканцев, причем на предпоследней ступени находились ширази, на последней — недавние выходцы с материка.

Африканцы были допущены к политической деятельности лишь в середине XX в. Вслед за арабами и индийцами, но на 20 лет позже, в конце 1940-х годов африканцы получили, с согласия британского резидента, два места в составе Законодательного совета. Оба места заняли ширази, что явилось поводом для недовольства материковых африканцев. Дискриминационной была вся система управления архипелагом при британцах. В Заксовете одно место было закреплено за европейцами, три за арабами, два за индийцами, но все эти группы вместе взятые составляли численное меньшинство на Занзибаре. Африканцы же, представляя большинство, находились в бесправном положении, на «социальной обочине» и были фактически исключены из политической жизни.

Те же классификации на Занзибаре легли в основу созданных с санкции британцев организаций, поначалу направленных на отстаивание экономических интересов соответствующих групп, а впоследствии послуживших базой для образования политических партий. Занзибарцы африканского происхождения вновь оказались в арьергарде политического процесса: их ассоциации появились лишь к середине 1930-х годов, гораздо позднее по сравнению с арабскими и индийскими объединениями, возникшими в первое десятилетие XX в. Верные правилу «разделяй и властвуй», британцы и здесь добились раскола Ассоциации африканцев и выхода из нее ширази, пытаясь использовать трения и закрепить границу между «коренными» и «некоренными» африкано-занзибарцами.

Культурно-расовые деления оказались весьма живучи и воспроизводились в политической практике Занзибара и после обретения независимости. Произошла перегруппировка сил, стали создаваться коалиции из представителей различных сообществ для достижения определенных целей. Созданная на базе Ассоциации арабов в 1955 г. Националистическая партия Занзибара боролась за расширение избирательных прав жителей архипелага, но лишь «настоящих занзибарцев». В их число включались арабы и ширази, а исключались индийцы и материковые африканцы. Образованная на основе Ассоциации африканцев Занзибара и Ассоциации ширази в 1957 г. Партия Афро-Ширази отстаивала интересы ширази и континентальных африканцев на архипелаге. Накануне революции 1964 г. на Занзибаре в поддержку НПЗ выступали арабы, часть ватумбату и вапемба, а также индийцы-мусульмане; за ПАШ — вахадиму, африканцы с материка, индийцы-индуисты.

Революция привела к свержению султана, ликвидации арабского доминирования во власти и к объединению Занзибара с Танганьикой в союзное государство, чего добивалась Партия Афро-Ширази. В связи с динамикой политической ситуации менялась индивидуальная и коллективная идентичность жителей островов: немало занзибарцев, потомков смешанных браков, прежде именовавших себя арабами, после революции стали считать себя африканцами. Многие ключевые фигуры и активные участники вооруженного восстания на архипелаге были иммигрантами или происходили из семей недавних иммигрантов и действовали под лозунгами защиты прав африканцев. Так, один из лидеров восстания выходец из Уганды Джон Окелло — африканец, последовательно отстаивавший интересы всех африканцев, независимо от места их происхождения. Он видел в революции шаг к panaфриканскому единству и путь избавления Занзибара от власти султана, вместе с арабским «белым меньшинством» угнетавшего африканское большинство [7, с. 195–197]. Родившийся на Занзибаре в арабско-коморской семье идеолог революции Абдул Рахман Мохаммед Бабу от симпатий к программе НПЗ, с ее проарабской и антиафриканской позицией, перешел к сотрудничеству с ПАШ. После победы революции и объединения архипелага с Танганьикой (1964 г.) в занзибарском руководстве большинство составляли «люди с материка». Из семьи континентальных африканцев, по некоторым данным из Конго и Ньясаленда, происходил первый президент Занзибара Абейд Аamani Каруме [8, с. 846, 856].

Волны миграции закрепились в виде социальных групп и коалиций, что выразилось в создании и функционировании политических организаций. В целом, такое положение дел существует и на сегодняшний день.

Оппозиционный, регионалистски и сепаратистски ориентированный Гражданский объединенный фронт (Civic United Front) на Занзибаре противостоит правящей Революционной партии (Chama cha Mapinduzi), которая возникла в результате слияния ПАШ и материкового Африканского национального союза Танганьики (TANU).

Проблема регулирования иммиграции с материка на острова получает политическую окраску и становится одним из главных спорных моментов между ССМ и CUF [9, с. 58]. ССМ поощряет иммиграцию с континента, поскольку африканцы-выходцы из материковой части Танзании выступают в качестве социальной базы правящей партии и поддерживают политику правящей партии и центрального правительства, направленную на сохранение единого союзного государства и против обособления Занзибара. В свою очередь оппозиция, ссылаясь на перенаселение, растущую безработицу и нехватку земли на островах, требует ограничить въезд «материковых» танзанийцев («mainlanders») на Занзибар [10].

Социальная история Занзибара рельефно отображает последовательность: появление групп — африканцы, арабы, европейцы, африканцы — на определенной территории, их превращение в политическую силу, доминирование в рамках политики, смена политического порядка и режима. В настоящее время идет борьба между центробежными и центростремительными тенденциями на архипелаге и в целом в Танзании, а управляемая миграция используется правящей элитой в качестве механизма, стабилизирующего существующую политическую систему.

Литература

1. D'Souza B.R. Harnessing the Trade Winds: The Story of the Centuries-old Indian Trade with East Africa, Using the Monsoon Winds. Nairobi, 2008.
2. Zanzibar: Central Office of Information Reference Pamphlet, 60. L., 1963.
3. Bakari M.A. The Democratization Process in Zanzibar: A Retarded Transition. Hamburg, 2001.
4. Eliot C. The East Africa Protectorate. L., 1905.
5. Prins A.H. J. The Swahili-speaking Peoples of Zanzibar and the East African Coast (Arabs, Shirazi and Swahili): Ethnographic Survey of Africa: East Central Africa. Part XII. L., 1967.
6. Овчинников В.Е. История Танзании в новое и новейшее время. М., 1986.
7. Okello J. Revolution in Zanzibar. Nairobi, 1973.
8. Тетерин О.И. Абейд Аmani Каруме // История Африки в биографиях. М., 2012.

9. Loimeier R. Between Social Skills and Marketable Skills: The Politics of Islamic Education in 20th Century Zanzibar. Leiden, Boston, 2009.

10. Tanzania: High Population Growth Threatens MDGs in Zanzibar. URL: <http://www.irinnews.org/report/73175/tanzania-high-population-growth-threatens-mdgs-in-zanzibar>

В.Р. Филиппов

Трансграничные миграции на Черном континенте

К 2010 г. общее число международных мигрантов, т.е. лиц, проживающих за пределами страны происхождения, превысило 200 млн человек (это около 3% населения планеты). Около 33 млн мигрантов — африканцы. Ежегодно их число увеличивается на 4 млн человек [1]. В настоящее время Африка обеспечивает одну пятую часть прироста мировых трудовых ресурсов [2]. Страны-реципиенты — это наиболее урбанизированные государства, имеющие горнорудную, нефтяную, лесную и другие экспортные отрасли. Среди них — ЮАР, Кот-д'Ивуар, Намибия, Ботсвана, Нигерия, Кения, Танзания, Габон, Республика Конго (Браззавиль), Камерун, Демократическая Республика Конго, Замбия. Западноафриканские страны — Бенин, Мали, Буркина-Фасо, Того — в основном поставляют дешевую рабочую силу. Гана, Камерун, Кения, Нигерия, Сенегал, Уганда, Ангола и ряд других стран являются одновременно реципиентами и экспортерами рабочей силы. Численность маятниковых мигрантов на континенте ежегодно составляет в среднем более 13 млн человек [3]. Миграционные процессы в Африке в последние десятилетия стали предметом серьезных исследований отечественных политологов, демографов, экономистов. При этом немногие специалисты обращают внимание на социокультурный аспект глобальных перемещений африканского населения.

Стало банальностью утверждение, согласно которому страшным злом для Черного континента было политическое (государственное) расчленение территорий между колониальными державами без учета «этнического» состава населения колонизируемых территорий. Игнорирование «этнокультурной» сложности населения в ходе демаркации государственных рубежей африканских государств, получивших суверенитет в начале 60-х годов прошлого столетия, считается одним из наиболее конфликтогенных факторов, по сей день дестабилизирующих ситуацию в Африке и провоцирующих массовые перемещения населения.

Но, даже если не принимать во внимание неопределенность понятия «этнос» и производных от него понятий («этническая общность», «этническая группа» и проч.) [3], все равно аксиоматичность суждения о пагубности расчленения африканских «этнических общностей» политическими границами не представляется столь уж бесспорной.

Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что лингвистическая, культурная, конфессиональная и проч. мозаичность населения суверенных государств, так же, как и проживание представителей этих общностей на сопредельных территориях различных государств, отнюдь не является имманентной характеристикой Черного континента. (Очевидность этого факта не нуждается в специальном обосновании; достаточно взглянуть на карту нашего Отечества.) Социокультурная однородность населения той или иной страны — это редчайшее исключение, а вовсе не правило. Даже в тех странах, где давно сформировались гражданские нации, продолжают сохраняться культурно-отличные и, прежде всего, — языковые сообщества, как сохраняются и соответствующие им идентичности различных групп населения этих стран. В состав французской нации (граждан Франции) входят корсиканцы, говорящие на языке, близком к итальянскому, баски, говорящие на особом, ни на какой другой не похожем языке, бретонцы, говорящие на двух языках романской и кельтской групп, каталонцы, чей язык близок к испанскому и т. д. [см. подробно: 4]. При этом калейдоскоп языковых, культурных, конфессиональных идентичностей провоцирует конфликты лишь в определенных ситуациях, в частности, в ситуации обострения социальной конкуренции. Или в ситуации, при которой конфликт провоцируется некой «третьей силой», заинтересованной в дестабилизации ситуации в регионе. (Как это было, например, совсем недавно в Ливии, Кот-д'Ивуаре, Мали, Центральноафриканской республике. Сети «Франсафрик» провоцировали острые вооруженные конфликты между различными конфессиональными, родо-племенными, языковыми и проч. группами населения этих стран.)

Социокультурная сложность населения африканского континента не может однозначно трактоваться как исключительно негативный или исключительно позитивный фактор развития молодых африканских государств. Миграционная активность африканского населения в значительной степени обусловлена влиянием именно этого фактора. Очевидно, что сам факт проживания на территории соседнего государства культурно близкого населения (особенно важна языковая гомогенность населения территорий, разделенных государственными границами)

в значительной степени упрощает массовые миграции населения, обусловленные различными «выталкивающими» факторами. Таким образом, влияние природно-климатических катаклизмов (засух, неурожаев, массового падежа скота и проч.), а также экономических и социально-политических потрясений (войн, путчей, родоплеменных конфликтов, религиозных войн и проч.) в известной степени нивелируется свободой передвижения беженцев. Культурная однородность населения сопредельных территорий и прозрачность межгосударственных границ выступают в данном случае как «смягчающие» факторы.

Есть еще один важный геополитический аспект трансграничных миграций на африканском континенте. К сожалению, большинство африканских сообществ пока не смогли создать эффективную государственность. (Этот прискорбный факт объясняется во многом деструктивным влиянием западных держав, стремящихся сохранить, или завоевать монопольное право эксплуатировать природные богатства квазигосударств, бывших в недавнем прошлом их колониями.) В силу эмбрионального состояния государственной власти, неразвитости политических систем, слабости силовых структур, отсутствия отчетливой демаркации границ на местности и ряда других обстоятельств маятниковые экономические или иные (военно-криминальные, например) миграции, потоки беженцев и вынужденных переселенцев «размывают» население многих африканских стран, препятствуют институализации единых государств-наций и формированию национальных (гражданских) идентичностей. В ряде случаев, трансграничные миграции на территориях, лишь условно разделенных эфемерными межгосударственными границами, способствуют формированию квазигосударственных сообществ и провоцируют сепаратизм. Типичный пример тому — недавние события в Мали. Война на севере этого государства привела к политическому самоопределению туарегов. Область расселения кочевых бербероязычных племен распространяется на Алжир, Ливию, Мали, Мавританию, Нигер, Чад, и Буркина-Фасо [см.: 5]. Значительные фрагменты территории этих государств и вошли в состав самопровозглашенного государства Азавад. Военная интервенция Франции в Мали лишь усугубила эту проблему.

Стоит обратить внимание на еще один слабо отраженный экспертным сообществом аспект трансграничных миграций из африканских стран в Европу. Речь идет о влиянии массовых миграций на социально-политический климат в европейских, преимущественно, странах. Нарастающая волна миграций уже сейчас привела к культурному шоку населения ряда европейских стран и, прежде всего, — Франции. Культурная,

экономическая, статусная дистанция между автохтонным и аллохтонным населением провоцирует массовые фобии и уже сейчас приводит к серьезным социальным конфликтам, ошибочно интерпретируемым порой в качестве «межэтнических» или «межрасовых». В качестве яркого примера такого социального взрыва можно привести события 2005 г. в пригородах Парижа [6]. Подобные конфликты приводят к фрустрации аборигенного населения и росту популярности правых партий. Лучшее свидетельство тому — результаты муниципальных выборов, состоявшиеся во Франции 30 марта с. г. На этих выборах убедительную победу одержал крайне правый «Национальный фронт», который по итогам выборов вошел в тройку самых влиятельных политических партий Франции [см. подробно: 7]. (Впрочем, нельзя сводить многофакторную детерминацию роста влияния правых идей во Франции лишь к нарастанию миграционной активности населения бывших французских колоний).

Литература

1. Косухин Н. Африка на игле миграции. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=56#top
2. Абрамова И.О. Ресурсный потенциал Африки в мировой экономике XXI века (Эндогенные детерминанты участия африканских стран в новой экономической модели мира). Автореферат дисс. ... доктора экон. наук. М., 2011.
3. Африка // Энциклопедия. Т. 1. М., 2010.
4. Филиппов В.Р. «Советская теория этноса». Историографический очерк. М., 2010.
5. Zeldin Th. Les Français. Paris, 1983.
6. Bernus E. Etre Touareg. URL: <http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/047023.pdf>
7. Филиппова Е.И. Влияние научного дискурса на процессы идентификации и самоидентификации населения (по поводу событий осени 2005 года во Франции и их освещения во французской и российской печати) // Этнический фактор в многонациональном приграничном регионе. Оренбург, 2007.
7. Willsher K., Penketh A. French Front National Eyes Real Power after Startling Gains in Local Elections. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/30/front-national-marine-le-pen-french-local-elections>

3. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.А. Аршинцева

Трудовая миграция в Россию: вызовы и особенности

Миграционные процессы являются одним из мегатрендов глобализации. В силу масштабов, разнообразия форм и нового качества они привлекают возрастающее внимание представителей самых разных групп общества, вызывая столкновение точек зрения, а чаще прямой конфликт интересов. По ряду причин наиболее конфликтные проявления миграционной проблемы связаны с процессом взаимодействия принимающего общества и приезжих. Для современной России миграционные сюжеты давно переместились в практическую сферу, так что актуальность темы не нуждается в дополнительных аргументах. Предлагаемые тезисы сформулированы в жанре постановки проблемы, учитывая как научно-практическую актуальность миграционных сюжетов, так и ее академический аспект — в рамках преподавания курса «Мировая политика». В силу глубоко функционального характера текста и при наличии огромного количества публикаций по миграционной тематике основными источниками информации стали публикации, осуществляемые Российским советом по международным делам в рамках проекта «Международные миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы».

Современные миграции, по мнению авторитетных экспертов, качественно отличаются от исторически предшествующих форм миграции. На протяжении сравнительно долгого перехода западного общества от традиционного состояния к модерному внутренняя и внешняя миграция была органичной составляющей процесса модернизации. Оставляя в стороне дискуссии на довольно популярную (в узких кругах) тему соотношения модернизации и глобализации, отметим, что в этой сфере существует определенная историческая преемственность — особенно в части мотивов миграции. Схожи стремления вынужденных или добровольных мигрантов в своей стране или за ее пределами улучшить материальные и социальные условия существования, используя сложившуюся разницу в уровнях развития регионов и стран. История двух предыдущих столетий дает множество примеров того, как неравномерность социально-экономического развития влияла на демографические и миграционные процессы. Следует подчеркнуть, что в классическом понимании миграция — это перемещения людей, связанные с переселением на постоянное

место жительства в другой регион или страну [1, с.125]. Как известно, исторические миграции приобретали волнообразный характер.

Сегодня, в отличие от исторических предшествующих форм, миграционные процессы: 1) имеют глобальный характер; 2) значительны по объемам, измеряемым численно от сотен тысяч до миллионов; 3) очень разнообразны по формам и видам; 4) опосредованы качественно новым уровнем транснационализации мировой экономики и финансовой системы, инфраструктуры, криминальных сетей и т. д.; 5) оказывают значительное, но противоречивое влияние на внутреннюю ситуацию в принимающей стране. Для характеристики механизмов взаимодействия мигрантов и принимающего общества чаще всего используют понятие «интеграция», раскрывая его содержание в т. н. индикаторах интеграции. Принято выделять четыре основные группы: социально-экономические, политико-правовые, социо-культурные и социально-психологические индикаторы. В русле интеграционного подхода сформулирован и соответствующий раздел официальной Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая была разработана в 2010 г. В нем говорится о девяти направлениях деятельности российской стороны в области содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом [2]. Насколько реалистична заявленная программа, что необходимо для ее осуществления — ответ на эти и другие аналогичные вопросы зависит, не в последнюю очередь, от оценки миграционной ситуации в стране.

Проецируя на Россию упомянутые глобальные тенденции, следует подчеркнуть, что ее случай не уникальный, но очень своеобразный — практически во всех отношениях. Она соединяет признаки всех основных типов стран по их статусу в миграционных процессах — 1) страны-донора, 2) транзитной и 3) принимающей страны. В третьем качестве Россия имеет дело, главным образом, с трудовой миграцией, сочетающей постоянный и временный ее варианты. Широкомасштабный приезд иностранных рабочих в Россию начался в 1990-е гг. В это десятилетие XX в. трудовая миграция носила преимущественно временный характер. В последние 10–15 лет все больше мигрантов прибывает в Россию на постоянное место жительства. Таким образом, «гастарбайтеры» все меньше гости, а де-факто и де-юре являются постоянными жителями. Перед лицом одного из самых серьезных вызовов — демографического, который выражается в т. н. депопуляции (уровень рождаемости ниже уровня смертности при относительном старении населения), создается потенциал

для миграции, которая выполняет в таком случае замещающую функцию на рынке труда. Это явление характерно для большинства развитых стран — для наглядности чаще всего ссылаются на пример Европейского Союза, тем более что его миграционная практика довольно хорошо изучена. Очевидно, что по уровню развития и степени привлекательности Россия не составляет конкуренции странам ЕС, но имеет «собственный Юг» — бывшие советские республики Центральной Азии — один из основных источников трудовой миграции, что, в свою очередь, определяет численный, этнический, квалификационный, гендерный, возрастной и пр. состав миграционных потоков.

По экспертным оценкам масштабов внешней миграции, которые в основном совпадают с официальной статистикой, в современной России около 9,5 млн. иностранных граждан, из которых 1,3 млн. работают на законных основаниях, из оставшихся 4,5 млн. человек 3,2 млн. находятся в стране на протяжении более трех месяцев, что означает реальную возможность работать. Таким образом, общая трудовая миграция — легальная и нелегальная — может составлять до 4,5 млн. человек. Колебания в численности обеих групп трудовых мигрантов и соотношении между ними, наблюдаемые в последние 5–6 лет, исследователи объясняют несколькими факторами. Среди них — изменения в миграционном законодательстве 2007 г., что в результате упростило процедуру регистрации и получение разрешения на работу, и, как следствие, сдвинуло планку в пользу легальной группы. С другой стороны, неблагоприятная ситуации на рынке труда в условиях экономического кризиса оказала противоположное воздействие, отодвинув часть трудовых мигрантов «в тень».

Более заметные изменения произошли в соотношении удельного веса стран-доноров. С 2007 г. основной приток трудовых мигрантов — до 75% — осуществляется из стран СНГ, причем на первое место вышел Узбекистан (30%), оттеснив Украину по сравнению с 2000 г. на 3–4 место, которое она делит с Китаем; на втором месте — Таджикистан с долей в 16%; и на пятом месте — Киргизия, выходцы из которой составили около 7% [3].

Опираясь на статистические данные, можно составить примерный коллективный портрет трудового мигранта. Среди иностранных рабочих преобладают мужчины, в группе легальных мигрантов — до 85%, среди нелегалов — до 70% (без оформления на работу женский труд легче использовать). Почти половина (40%) из всех — молодые люди до 29 лет. Такова доля и тех, кто не имеет профессионального образования. При этом 20–30% плохо владеют русским языком, испытывают трудности

с общением на работе, в быту, при заполнении документов. 50% всех выходцев из стран Центральной Азии — представители соответствующих титульных национальностей. Как правило, большинство приезжих — это выходцы из сельской местности и небольших городов. Около половины трудовых мигрантов приезжает с одним членом семьи (супругом), около четверти — еще и с детьми. Статистика также подтверждает тенденцию формирования т. н. долгосрочной миграционной стратегии — ее придерживаются 60% трудовых мигрантов, продлевая сроки пребывания в стране. 25% из них практически не выезжают домой [3]. Официальная позиция РФ заметно меняется в указанном направлении: буквально в момент завершения работы над текстом прозвучало официальное заявление президента В. Путина о том, мигранты из Таджикистана будут получать разрешение на работу сроком на 3 года — вместо прежнего срока в 1 год.

Переходя к заключительному разделу, позволим довольно банальное замечание: обобщенный портрет мигрантов в известной степени отражает состояние принимающего российского общества, это и его портрет. Что касается процесса взаимодействия, то в него включены не статистические группы или тенденции, а люди, поэтому социально-психологические аспекты проблемы требуют специального обсуждения.

Итак, вот некоторые выводы, которые сформулированы скорее как предложения в повестку дискуссии.

— Произошло фактическое сближение официальной позиции и экспертных оценок роли миграции: признана необходимость трудовой миграции для развития российской экономики. Практически во всех последних выступлениях главы ФМС РФ К. Ромодановского настойчиво звучит: трудовой миграции нет альтернативы. В основе это позиции — признание серьезного демографического вызова экономике, неуклонного сокращения российского населения в трудоспособном возрасте. К 2030 г. оно уменьшится на 11 млн., миграция — один из источников восполнения дефицита, хотя даже она сможет восполнить только наполовину. При этом снижение качественного уровня миграционного потока за короткий период свидетельствует о том, что потенциал профессиональной миграции в странах СНГ в основном исчерпан [4].

— Дискуссионным остается вопрос, сколько и каких мигрантов потребуется России в среднесрочной перспективе. По некоторым оценкам, учитывая, что доля трудоспособных среди мигрантов составляет около 70%, потребность в мигрантах к 2030 г. достигнет 12 млн. В сопоставлении с сегодняшней численностью трудовых мигрантов рост весьма умеренный, и Россия сможет их принять. Однако этот миграционный приток вряд ли

сможет обеспечить трудовыми ресурсами все регионы равномерно, преимущественно по-прежнему сохранять регионы с потенциалом экономического роста, а значит, региональные диспропорции станут еще заметнее. В частности, эксперты полагают, что Сибирь и Дальний Восток в ближайшее десятилетие могут рассчитывать на уменьшение миграционного потока.

— Более серьезный миграционный вызов связан не столько с количественными параметрами миграции, сколько с ее качеством. С возрастанием среднеазиатской компоненты уровень образования мигрантов заметно снизился. При всех внутренних проблемах в целом, для России характерна противоположная тенденция. Таким образом, уже к концу 2000-х гг. между мигрантами и россиянами образовался значительный разрыв в уровне профессионального образования и, как следствие, культуры, что объективно способствует росту ксенофобии. Образование — одна из многих причин, по которым миграция становится для России все более культурно-далекой. Само российское общество становится все более социально поляризованным, а социальное недовольство также является питательной средой для ксенофобских настроений. При этом эксперты отмечают высокую степень политизации миграционных проблем. Вопрос о применимости зарубежного опыта в России остается открытым.

Литература

1. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации. URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/868/details/53252>
3. Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в Россию. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top
4. Зайончковская Ж.А. Миграция в современной России. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#top

О.В. Вольтер

Интеграция мигрантов как предмет государственной политики в современной России

Этнические миграционные процессы в их массовых проявлениях стали новым серьезным вызовом современности, превратились в существенный фактор, влияющий на социальное состояние и развитие современной

России. Интеграция мигрантов как предмет государственной политики является относительно новым вопросом для современной России, хотя определенный исторический опыт в этой сфере имеется.

XX век стал для России веком интенсивных миграционных перемещений населения, вызванных к жизни совокупностью традиционных и очень специфических причин: войнами, индустриализацией и урбанизацией; освоением слабозаселенных территорий; мобилизационным характером экономической системы; авторитарным типом политической власти, проводившей массовые депортации людей по социальному и этническому признакам

В советское время миграция населения была почти исключительно внутренней миграцией. В условиях многонациональной страны она сопровождалась «перемешиванием народов», и этот процесс происходил относительно безболезненно. Одним из важных направлений государственной политики было воспитание интернационализма: понятие «советский народ» было наполнено реальным смыслом, который обеспечивался общностью языка, едиными программами школьного образования по всей стране, равенством прав и условий жизни для всех граждан. При всей жесткости советской политической системы государством обеспечивались условия для социально-экономической интеграции мигрантов в местах вселения: обеспечение работой, жильем, возможностью получения образования самими мигрантами и их детьми и т. д.

После распада Советского Союза ситуация кардинально переменялась. Политика в области внутренней миграции населения в России была свернута, а политика в области международной миграции концентрировалась на создании принципиально нового законодательства и институциональной структуры и понималась достаточно узко — как административно-правовое регулирование миграционных процессов.

Миграционные процессы в современной России при их новом масштабе, направленности, характере и содержании занимают весьма значимое место в процессах социальной трансформации российского общества. В 90-е годы XX века — начале XXI веков во внутренние и внешние миграции была вовлечена огромная, более чем 50-миллионная масса людей. Межреспубликанские перемещения внутри бывшего СССР приобрели статус межгосударственных (международных) миграций на пространстве стран СНГ и Балтии. Россия превратилась в крупнейший международный иммиграционный и эмиграционный центр. Появились и развились новые или ранее не распространенные виды миграций: вынужденная миграция и миграция беженцев, трудовая миграция, нелегальная миграция,

транзитная миграция, трэффик мигрантов и др. Совершенно новым содержанием наполнились этнические миграции. Коренным образом изменились направленность и характер миграционного движения. Традиционное для России центробежное движение русского и других коренных этносов сменилось явно и очень масштабно выраженным центростремительным, в определенной степени, возвратным миграционным движением [1, с 96].

Миграционные потоки в современной России приобрели новые этнодемографические и социально-профессиональные характеристики. На первом этапе в составе, в основном, вынужденных иммигрантов, представителей русского и русскоязычного населения из бывших союзных республик СССР, преобладали квалифицированные специалисты. Затем они сменились преимущественно нелегальными этническими мигрантами, прибывающими в поисках работы из стран «ближнего зарубежья» и, прежде всего, из Украины, Средней Азии и Закавказья. Среди них много неквалифицированных рабочих с крайне низким уровнем образования и очень плохим знанием русского языка и культуры. В эмиграционных же потоках, напротив, стало очень заметным представительство ученых и высококвалифицированных специалистов, что привело к так называемой «утечке умов».

Если при советской системе государственного устройства миграции населения носили планируемый, регулируемый и управляемый характер, то на постсоветском пространстве они стали стихийными, слабо регулирующими законодательством и административными актами.

В 1990-х годах, несмотря на масштабный приток мигрантов из бывших советских республик, политика интеграции мигрантов фактически не проводилась. В государственных документах об интеграции мигрантов, переселяющихся в Россию, вопрос тогда не стоял. Этому были причины. Первоначально миграционный приток в Россию (достигавший в отдельные годы 1 млн. чел. в год) состоял из этнических русских и представителей других коренных этносов России, которые проживали к моменту распада СССР на территории других советских республик. Считалось, что близкие в этническом отношении мигранты не нуждаются в предоставлении им специальных условий для социально-психологической адаптации (изучение русского языка, знакомство с русской культурой, историей и т.д.); а условия для социально-экономической интеграции мигрантов (прежде всего обеспечение работой и жильем) были крайне ограничены из-за глубокого экономического кризиса в России 90-х гг. XX века. Даже когда в начале 2000-х годов значительную долю в миграционных потоках, направленных на Россию, стали занимать представители

титულных наций стран СНГ, политика интеграции мигрантов не стала частью миграционной политики. Об этом свидетельствует, в частности, Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, утвержденная в 2003 г., в которой вопросы интеграции мигрантов не упоминаются вовсе [2].

Игнорирование политики интеграции мигрантов обернулось в результате снижением уровня толерантности в обществе, ростом межэтнической напряженности, отчуждением мигрантов со стороны российского общества, их самоизоляции, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением. Стало совершенно очевидно, что в условиях массового притока мигрантов, даже из исторически близких государств «нового зарубежья», политика их интеграции должна быть неотъемлемым элементом миграционной политики. Это признано и в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, утвержденной в июне 2012 года. Перед Федеральной миграционной службой России поставлена задача разработки и апробации конкретных программ в области обеспечения интеграции мигрантов в российское общество; в структуре ФМС создано Управление по содействию интеграции мигрантов, к 2016 году должна быть создана «инфраструктура для интеграции и адаптации трудовых мигрантов» [2].

Важно подчеркнуть, что интеграция мигрантов — это двусторонний процесс, направленный на ассимиляцию и приживаемость мигрантов в принимающем обществе, что может способствовать как экономическому, так и демографическому развитию самого этого общества. Речь идет не только об отношении принимающего общества к мигрантам, но и о желании мигрантов интегрироваться в это общество. Нарушение этой двусторонности делает невозможной полную интеграцию мигрантов в принимающее общество [3, с. 34].

Наибольшее число мигрантов — это временные мигранты, прибывающие в Россию с целью трудоустройства. В недавно опубликованном Докладе Генерального секретаря ООН для специальной 46-ой сессии Комиссии по народонаселению и развитию, России было отдано 2-е место (12,3 млн чел.) после США (42,8 млн чел.) по численности международных мигрантов. Необходимо уточнить, что под «международными мигрантами» здесь понимаются лица иностранного происхождения. То есть применительно к России это граждане СНГ.

Общность прошлого, историческая целостность пространства, отношение к России как к «старшему брату», большая разность демографического

потенциала и социально-экономического положения — все это формирует существующие миграционные потоки трудовой миграции внутри стран СНГ.

Глава ФМС РФ Константин Ромодановский в своем интервью для журнала «Вести. Экономика» от 02.11.2012 заявил: «Динамичное на фоне других государств СНГ экономическое развитие России, относительно высокие заработки стимулируют приток временных трудовых мигрантов, численность которых примерно одинакова. В принципе, можно говорить, что потоки устоялись. От 11 до 14 млн — такое количество к нам въезжает»[4], — отметил Ромодановский. Это примерно 9–10% от всего населения страны. Проблема заключается в том, что уже на этапе легализации значительная часть прибывающих в Россию трудовых мигрантов выпадает из правового поля, не узаконив свое пребывание в стране. По оценкам, 70–80% трудовых мигрантов работают в России нелегально, не получая разрешение на работу и не оформляя трудовых отношений с работодателем.

Из-за нерешенных миграционных проблем снижается наша экономическая мощь, размываются наши исконные культурные ценности, возрастают криминальная напряженность и террористические риски. На территорию России проникают запрещенные воинствующие организации, идеология радикального ислама, миллионы чуждых российским традициям, ценностям и правилам поведения представителей иной религии, потоки наркотиков, — все это пересекает границу РФ и оседает на нашей территории. Таким образом, подрывается национальная безопасность России. По опыту многих европейских стран — в частности, Франции, Германии, Великобритании — можно сделать вывод, что подавляющее большинство мигрантов не желает ассимилироваться. Это приводит к конфликтам и столкновениям с местными жителями, правоохранительными органами, к неконтролируемому росту преступности, напряженности, агрессии, а экономический кризис только усугубляет сложившуюся ситуацию. Увеличится количество безработных, многие слои населения значительно обеднеют, а это неминуемо приведет к значительному обострению межнационального противостояния. Единственный способ притормозить этот процесс, по мнению В. Рашкина, — это установить визовый режим [5, с. 7]. А в перспективе ужесточить въезд трудовых мигрантов.

Однако, кроме внешней миграции, важным фактором развития и трансформации современного Российского общества является внутренняя трудовая миграция. По прогнозам специалистов, к 2016 году

численность трудоспособного населения России сократится на 4 миллиона человек — с 86,6 до 82,6 млн. Безработных, зарегистрированных в органах службы занятости, в 2013 г. было около 1 млн. Но при этом число вакансий, которое могут предоставить предприятия, в 1,7 раз больше числа безработных. Но почему при дефиците рабочих рук безработица растет? Ответ прост — рабочие руки и рабочие места находятся в разных частях России. Нужно создавать условия для того, чтобы рабочий имел возможность переехать туда, где вакансий много, на постоянное место жительства, или предоставить условия для работы вахтовым способом. В начале 2014 года Минтруд презентовал программу переселения для жителей моногородов, которые особенно страдают от сокращений на производстве. Основное предложение — выделение переселенцам крупных разовых сумм — от 200 до 800 тыс. рублей. Если эта программа заработает, может быть, понятие «безработица» уйдет из нашей жизни.

Таким образом, необходимо ограничить потоки внешней трудовой миграции, особенно из стран Центральной Азии, которые в таком количестве и таком качестве подрывают национальную безопасность России на современном этапе ее развития. В то же время необходимо развивать и стимулировать внутреннюю миграцию, которая может решить ряд важнейших проблем в экономике в среднесрочной и долгосрочной перспективе и во многом способствовать консолидации населения, межэтнической интеграции и созданию гражданского общества в России. Но для этого необходимо обратиться к опыту советской миграционной модели. Важно, чтобы одним из важнейших направлений государственной политики вновь стало воспитание интернационализма и патриотизма, чтобы понятие «российский народ» стало наполнено реальным смыслом. Этот смысл должен обеспечиваться общностью языка (при соблюдении уважительного отношения и сохранения культур и языков народов нашей страны), едиными программами школьного образования по всей стране, равенством прав и, хотя бы относительным, равенством условий жизни для всех граждан России. В условиях многонациональной страны внутренняя миграция может и должна сопровождаться «перемешиванием народов», и этот процесс может происходить относительно безболезненно при условии грамотной миграционной политики, направленной на социально-экономическую интеграцию мигрантов в местах вселения: а именно, обеспечение работой, жильем, возможностью получения образования и самими мигрантами, и их детьми. Таким образом, это способствовало бы созданию интегрированного и консолидированного гражданского общества в современной России.

Литература

1. Петров В.Н. Этнические миграционные процессы как фактор социальных взаимодействий в регионе: Теоретико-методологический и эмпирический анализ. М., 2004.
2. Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России // CARIM-East RR 2013/12.
3. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.
4. ФМС: каждый год в Россию прибывают 14 млн. мигрантов. Интервью руководителя ФМС К. Ромодановского. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/19262>
5. Визы против терактов // Аргументы и факты. 2014. № 7.

М. Т. Гаджимурадов

История формирования русского населения Дагестана и современные миграционные процессы

История формирования русского населения Дагестана насчитывает почти пять столетий, а начало ее восходит к XVI в., периоду царствования Ивана Грозного.

В 1556 г. правительство России обратило свой взор на Западный Прикаспий, где в устье Терека была заложена пограничная крепость Терки (Терский городок) [1, с. XVII]. Терки стал быстро разрастаться благодаря постоянному притоку беглых крестьян из внутренних районов Российского государства и представителей местных народов, принимавших христианство [2, с. 38–87, 291–323].

Следующая волна миграции русского населения из Российского государства на Северный Кавказ началась в середине XVII в. Терский городок превращается в крупный населенный пункт, южный форпост России. Здесь постоянно находилось десяти тысячное русское войско [3, с. 116].

Во второй половине XVII в. церковная реформа Никона и последовавшие гонения против старообрядцев вызвали стихийную миграцию на юг раскольников. Миграция усилилась и вследствие жестких мер закрепощения. Старообрядцы и беглые крепостные начинают оседать в казачьих городках, увеличивая численность военно-служилой знати.

В первой четверти XVIII в. Петр I приступил к реализации проекта по утверждению российской власти в Западном Прикаспии. Во время

военного похода в регион в 1722 г. вдоль Каспия были заложены опорные пункты и укрепления, а на берегу реки Сулак построена крепость Святой Крест. Все они заселялись донскими казаками [4, с. 118].

Со второй четверти XVIII в. (1735 г.) основной русской крепостью на Северном Кавказе стал Кизляр. В целях усиления своего присутствия в регионе правительство России стало способствовать миграции на Терек русского населения из центральных районов, а также христианского населения Южного Кавказа — армян и грузин. Колонисты по левому берегу Терека образовали станицы Бороздиновская, Дубовская и Каргалинская и др. [5, с. 156].

В конце XVIII в. миграция русского населения в Северный Прикаспий усилилась, что было связано с образованием Кавказской губернии (1775 г.) и всесторонней поддержкой колонистов со стороны правительства Екатерины II. Руководство Российской империи было крайне заинтересовано в колонистах в связи с начавшимся строительством Кавказской укрепленной линии, протянувшейся от Черного до Каспийского моря [6, с. 45–46].

В начале XIX в. начался новый еще более интенсивный этап формирования русского населения в Дагестане. Назначенный в 1816 г. главноуправляющим Кавказским краем генерал Ермолов приступил к строительству крепостей на стратегически важных участках между Каспийским морем и горами. На месте некоторых укреплений выросли русские поселения, основное население которых составляли отставные военные и гражданские чиновники. Русскими поселенцами были образованы дагестанские города Кизляр, Порт-Петровск (ныне Махачкала), Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакс).

В конце XIX в. миграция русского крестьянского из центральных районов империи на Северный Кавказ усилилась. Причиной тому явилась целенаправленная переселенческая политика правительства, которая была заинтересована в экономическом освоении региона. Переселенцам оказывалась разносторонняя помощь — ссудная, агрономическая, ветеринарная, медицинская и т. д. [7, д. 103]. Вместе с русскими колонистами из Таврической губернии в Прикаспийские степи охотно переселялись также немцы и украинцы [8, л. 150].

Строительство Петровской ветки Владикавказской железной дороги на рубеже веков также способствовало притоку русского населения на территорию Дагестана. Колонисты оседали на многочисленных станциях и разъездах: Порт-Петровск, Хасавюрт, Шамхал, Манас, Каякент, Дербент, Белиджи и другие. Администрации предписывалось благосклонно относиться к переселенцам [9, с. 18–19].

Одним из источников увеличения русского населения Дагестана стала Столыпинская аграрная реформа, начавшаяся в 1906 г. Правительство России стало всячески способствовать выходу крестьян из общины и переселению их на окраины империи, в том числе на Северный Кавказ. Переселенцы принесли в край навыки гидромелиорации и полеводства, которые перенимались у них местным населением [10, с. 31].

Русские мигранты на рубеже XIX–XX вв. заложили основы виноградарства и садоводства Дагестанской области, а также консервной промышленности, построили бумагопрядильные и ткацкие фабрики, рыбоконсервные, винокуренные, маслобойные и другие заводы. Благодаря этому край стал втягиваться в общероссийский рынок [11, с. 17]. Для работы на этих предприятиях квалифицированную рабочую силу, за отсутствием таковой на месте, набирали во внутренних губерниях России. Так, на Порт-Петровской ветке железной дороге в начале XX в. работало 1575 этнических русских, а представителей коренных народов степей Дагестана — лишь 25 рабочих [10, с. 77].

Накануне революционного 1917 г. в пределах границ современного Дагестана русских насчитывалось до 100 тыс. человек (в это число входят и военные). Население городов Порт-Петровск, Кизляр и Темир-Хан-Шура составляли преимущественно русские [12, с. 39–40]. Однако в годы Гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1922 гг. произошел отток русского населения из пострадавших во время боев городов [13, с. 63–64]. К тому же вследствие войны и засухи в 1921 г. в Дагестане разразился голод [14, л. 17].

Очередная миграция русского населения на Северный Кавказ началась в период Новой экономической политики и в годы индустриализации 30-х гг. Москва стала оказывать целенаправленную помощь Дагестану, испытывающему острый дефицит в квалифицированных кадрах. В регион направлялись преимущественно инженеры, врачи, учителя. С 1928 по 1933 гг. в Дагестан было направлено почти 40 тыс. специалистов, в результате численность русского населения в городах Дагестана составила 69, 4 тыс. человек [15, с. 2–26]. К 1939 г. численность русского населения Дагестана достигло 195,3 тыс. человек или 19,1% от общей численности населения республики [16, л. 11]. По сравнению 1926 г. оно увеличилось в 2 раза. Доля русских в городском населении Дагестана составляла около 70% [17, с. 172].

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период наблюдались высокие темпы притока русского населения в Дагестан, что было связано с быстрым развитием в республике предприятий

военно-промышленного комплекса, а также начавшимися масштабными работами по развитию системы образования в горных районах. К концу 1950-х годов численность русского населения Дагестана достигло 213,8 тыс. человек или 20,1% всего населения республики [18].

С середины 1960-х гг. начался отток русского населения из Дагестана. В 1970 году численность русского населения в Дагестане составила 209,6 тыс. человек, что на 4184 чел. меньше, чем пятью годами раньше [19]. Отток был связан с тем, что к этому времени экстенсивные формы развития военно-промышленного комплекса в республике исчерпали себя. Выполнив задачи по повышению уровня грамотности среди местного населения, из Дагестана стали уезжать и учителя.

На протяжении 70-х годов наблюдался значительный отток русского населения из Дагестана. К 1980 г. их численность в республике составила 189,5 тыс. человек [20] (11,7% населения), что на 24 тыс. человек меньше по сравнению с десятью годами ранее.

Такие же тенденции сохранялись и в 80-годы. Численность русского населения в Дагестане к 1990 году сократилась по сравнению с 1980 годом на 23,5 тыс. и составила 165,9 тыс. человек (9,2% населения) [21]. Причины отъезда русского населения из Дагестана были те же, что и в предыдущий период.

Наибольший отток русского населения из Дагестана наблюдался в сложные 1990-е годы. По официальным данным с 1991 по 2002 гг. республику покинуло 45 тыс. русских или 27%, и таким образом их численность сократилось до 120,9 тыс. человек или 4,7% населения Дагестана [22].

Причин оттока русского населения из Дагестана стало ухудшение экономического положения в республике, а также резкое ухудшение криминальной обстановки в регионе.

В начале XXI века отток русского населения из республики продолжается достаточно высокими темпами, хотя следует отметить и тот факт, что значительный отток наблюдается и представителей коренных горских народов. Согласно последним официальным данным численность русских в Дагестане с 2002 по 2010 годы сократилась на 16,9 тыс. и составила 104 тыс. человек или 3,6% населения республики [23].

Литература

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.
2. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.

3. Эвляе Челеби. Книга путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М., 1979. Вып. 2.
4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII — нач. XIX в. Книга I. Махачкала, 1999.
5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1922 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I.
6. Потто В.А. Кавказская война: от древнейших времен до Ермолова. Т. I. М., 2006.
7. Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 103.
8. ЦГА РД. Ф. 59. Оп. 1. Д. 274.
9. Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX — начало XX в.). Махачкала, 1994.
10. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 1996.
11. Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964.
12. Милованов Г.И. Рабочий класс Дагестана. Историко-экономический очерк. Махачкала, 1991.
13. Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1982. С. 63–64
14. ЦГА РД. Ф. 117. Оп. 6. Д. 42.
15. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Дагестанской АССР. Махачкала, 1927. Вып. 1.
16. ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 22. Д. 56.
17. Проблемы развития экономики Дагестана. Вып. XII. Махачкала, 1972.
18. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 597–598. 5–18 мая 2014. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php
19. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 597–598. 5–18 мая 2014. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php
20. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 597–598. 5–18 мая 2014. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php
21. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 597–598. 5–18 мая 2014. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php
22. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

23. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Н.П. Гончарова, Д.А. Омельченко
Поведенческие стратегии адаптации
трансграничных мигрантов
в принимающем сообществе*

Миграционные процессы в нашей стране являются объектом пристального внимания исследователей на протяжении уже двух десятилетий. Помимо чисто научного интереса это стало важным фактором воздействия на формирование общественного мнения и общественных настроений. В дальнейшем потоки внешней миграции могут заметно изменить этносоциальную структуру многих регионов с трудно предсказуемыми последствиями. Стремительное появление нового элемента в культурной, этнической, социальной структуре неизбежно нарушает прежние равновесия, формирует почву для появления новых проблем и новых конфликтов. Вот почему к ключевым вопросам стабилизации современного общества относятся проблемы социальной адаптации мигрантов [1]. Чем выше уровень адаптации мигрантов к новым условиям жизни, тем значительно меньше экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов, и наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации мигрантов, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряженность в обществе.

Как следствие, и принимающее общество, и мигранты в процессе взаимной адаптации сталкиваются с такими социокультурными задачами, как взаимное уважение культурных ценностей, отказ от которых будет восприниматься каждой из сторон как угроза ее идентичности; выработка толерантных форм взаимодействия, что предполагает устранение из практики общения взаимоисключающих норм поведения; признание принимающим обществом используемых мигрантами

* Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

и диаспорами в процессе экономической активности социальных практик, не противоречащих нормам закона, и усвоение и соблюдение этих норм мигрантами и диаспорами [1].

Согласно результатам многочисленных опросов населения, иллюстрирующих социальные представления о мигрантах и способах урегулирования миграционных проблем, для большинства населения России характерно двойственное отношение к трудовым мигрантам, приезжающим на заработки из других стран. С одной стороны, они воспринимаются как агрессивная сила, стремящаяся получить контроль над рынком труда путем демпинга и согласия работать с нарушением трудового законодательства, с другой, мигранты, особенно мигранты-нелегалы, являются в массовом сознании людьми «второго сорта», достойными находиться лишь на самой низшей ступени социальной лестницы. Такое отношение, опосредованное проблемами собственной национальной идентичности, ксено- и мигрантофобией, присущими большинству россиян, приводит к тому, что в обществе находят одобрение и принятие лишь репрессивные способы регулирования миграции [2].

Стоит отметить, что данные количественных опросов позволяют фиксировать самые общие тенденции и закономерности, тогда как реальное поведение не вписывается в очерченные рамки и гораздо более вариативно. Применение качественной методологии позволяет глубже исследовать типичные индивидуальные стратегии мигрантов, как это было сделано, например, специалистами Центра независимых социологических исследований. В ходе анализа глубинных интервью с трудовыми мигрантами из Узбекистана и Казахстана было выделено пять типов поведенческих стратегий, различающихся миграционными намерениями, желанием мигранта адаптироваться и интегрироваться в принимающее сообщество, типами неформальных сетей, спецификой условий и оплаты и роли посреднических структур [3]:

— пассивная краткосрочная стратегия, нацеленная только на заработок для обеспечения семьи (женильба детей, постройка/ремонт дома и т. п.). Для этой стратегии характерно отсутствие у мигранта стремления к интеграции в местное сообщество принимающего региона, интенсивный график работы, ограниченные закрытой сетью социальные связи и минимальное взаимодействие с «внешним» миром, компенсируемое посредником (как правило, бригадиром), на которого возлагаются все действия по налаживанию контактов с работодателем, обсуждение условий оплаты и проживания, отправкой заработанных денег домой и т. д. По окончании работы или сезона мигрант возвращается домой и, если поездка была вызвана

необходимостью обеспечить какое-либо предприятие (свадьбу, покупку или ремонт дома, например), и позволила его осуществить, то следующая поездка может и не планироваться;

— *активная и долгосрочная, нацеленная* не только на обеспечение семьи, но и на образование детей, возможность открыть какое-либо дело на родине. Для этой стратегии характерны активное освоение мигрантом социального пространства и культуры, приобретение новых профессиональных навыков, наличие широких (открытых) социальных сетей. По возвращении на родину такие мигранты могут использовать приобретенный опыт для трудоустройства, пересматривать и подвергать критике некоторые обычаи традиционного общества;

— *активная и долгосрочная, нацеленная на открытие бизнеса или выстраивание карьеры за пределами родины*. Эта стратегия обязательно предполагает и открытые широкие сети, и активный процесс интеграции в местное сообщество (между тем как предыдущая может все же осуществляться и в узких или относительно узких сетях и при слабой интеграции). Семейные мигранты могут выезжать сначала в одиночку, и позже перевозить семью;

— *молодежная стратегия*, которую также можно назвать стратегией «без цели заработать капитал» (или стратегией, «нацеленной на получение удовольствия» и т. п.), когда тяга к развлечениям и юношеское любопытство к окружающему миру стремятся пересилить долг перед семьей. В «чистом виде» такая стратегия встречается довольно редко, однако некоторые респонденты отмечали, что придерживались ее какое-то время. Известны случаи, когда таким образом вели себя вполне взрослые мужчины, уехавшие на заработки и разорвавшие связи с семьей и родными на родине. Появление такой стратегии наглядно показывает, как принимающая культура воздействует на ценности, уклад жизни и культурные традиции страны исхода. Попадая в среду со свободными правилами и отсутствием жестких моральных требований и патриархальных устоев, характерных для большинства стран Средней Азии, мигранты постепенно меняют собственное мировоззрение, отвергая социальные нормы, долгое время незыблемо определявшие рамки поведения;

— *женская стратегия*. Хотя стратегии женщин мигрантов практически ничем не отличаются от мужских, исследователи выделяют стратегии разведенных, или «неправильных» женщин, для которых миграция — это не только способ получить материальную независимость и финансовую возможность «поднять» детей, но и путь преодоления маргинальности своего положения. Поскольку в России отношение к разведенной

женщине (да и к женщине вообще) иное, нежели в Узбекистане, многие из мигранток выбирают стратегию «невозвращения» [4].

Отмеченные выше тенденции подтверждаются и результатами региональных исследований, проведенных в Алтайском крае в 2012–2013 гг. Социально-экономические, экологические, политические характеристики, параметры общественной безопасности или иные характеристики региона не являются определяющими при выборе территории осуществления трудовой деятельности.

Ключевыми факторами, сформировавшими выбор страны пребывания, оказались диаспоральные или родственные связи мигрантов. Тенденция к консолидации с соплеменниками отличает, прежде всего, выходцев из Средней Азии и республик Северного Кавказа. Со «своими» *«отношения легче, и помогают они, а россияне — нет»* (НТМИ 16 Бийск, с. 1–2). При этом практически все мигранты указали, что, если не Алтайский край, выбор пал бы какой-нибудь другой регион Российской Федерации, где есть знакомые или родственники. Однако предисторией мигрантской жизни у каждого стали либо положительные отзывы о жизни и работе в крае друзей и родных, либо ознакомительная поездка к ним. В итоге, *«получается, что держит (в Алтайском крае) только одно»* — родственные и дружеские связи (НТМИ 24 Жилино, с. 4). Наличие знакомых и родственников в регионе вселения еще больше увеличивает адаптационные возможности мигранта.

Нельзя сказать, что жизнь трудового мигранта полностью удовлетворяет или вызывает безусловно положительные эмоции опрошенных. Оценочные характеристики всех опрошенных носят преимущественно нейтральный характер. Опрошенные указывают на то, что удовлетворенность предложенными условиями — не главное, регион, дающий им работу, нужен только в качестве донора рабочего места и гарантии стабильности спроса на труд мигрантов. Если эти два условия выполняются — трудового мигранта все устраивает, и интеграция в принимающее сообщество происходит успешнее. Место временного проживания чаще всего не вызывает эмоциональной привязанности, это просто временные условия, дающие возможность обеспечивать себе и своей семье минимальные гарантии материальной обеспеченности.

Оценивая свои взаимоотношения с местным населением, опрошенные мигранты дают неоднозначные характеристики: в целом отношения нормальные, со стороны мигрантов есть стремление не взаимодействовать с местными без особой на то нужды, не провоцировать конфликты, а при их возникновении — избегать. Основной принцип

межличностных контактов с местным населением: «я ни с кем не ссорюсь, ссориться не буду, пойду на свою дорожку, никому не мешаю, а мне не мешают люди» (ЛТМИ 03 Барнаул, с. 7–8).

Со стороны местных отмечается настороженное отношение, которое зачастую переливается в открытое неприятие под воздействием алкоголя. Практически все опрошенные отметили, что состояние алкогольного опьянения усиливает недоброжелательное отношение местных жителей по отношению к приезжим. При этом характерно, что негатив во взаимоотношениях опрошенными не связывается исключительно с их мигрантским статусом или этнической принадлежностью. Как отмечают респонденты, националистические высказывания спровоцированы конкуренцией за рабочее место, тем, что мигрант *«работу отбирает»* (НТМИ 23 Бийск, с. 1) [5].

В целом в большинстве исследований подчеркивается важность родственных связей, землячеств и общины для адаптации мигрантов в новой социокультурной среде. При этом, как правило, выделяются два альтернативных сценария адаптации — интеграционный и анклавный. Интеграционный сценарий предполагает выбор мигрантами в качестве предпочтительных ценности и стандарты жизни принимающего сообщества и готовность соответствующим образом менять свои традиционные житейские навыки. Особенность анклавного сценария состоит в том, что мигранты рассматривают принимающую среду преимущественно как социально-экономический ресурс более комфортного существования в рамках своей культурной традиции, при этом происходит сегрегация этнического сообщества, снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости. Следовательно, для адекватной интеграции мигрантов в принимающее сообщество необходимо наличие сильной организованной диаспоры на территории вселения, способной оказать сильную помощь прибывшему и заинтересованной в этом.

Литература

1. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
2. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005.
3. Абашин С., Чикадзе Е. Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения

и типов социальных связей. URL: http://www.cisr.ru/files/otchet_econom_mogranty.pdf

4. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.

5. Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Авдеева Г.С. Миграционные процессы и социальная безопасность рынка труда приграничных регионов России // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 1. С. 50–60.

А.А. Еремин, А.В. Кротов
Роль внешней миграции в развитии
демографической ситуации в Алтайском крае

Миграционное движение населения в качестве компонента региональной демографической динамики на протяжении всей истории Алтайского края играло существенную роль в формировании и перераспределении населения региона [1–3]. В начале современного этапа в связи с радикальным социально-экономическим и общественно-политическим реформированием всего советского, а затем постсоветского пространства миграционные потоки количественно и качественно изменились. Одной из главных трансформаций для Алтайского края стала смена его геополитического статуса с внутристранового региона на приграничный [4].

С точки зрения динамики миграционного прироста населения Алтайского края в постсоветское время можно выделить три периода [5]. Первый период (1990–1994 гг.) характеризовался тем, что число прибывающих в регион значительно превышало число выбывающих, а величина чистой миграции нарастала. Во второй половине десятилетия (1995–2000 гг.) миграционный прирост значительно снизился, но еще оставался положительным. Однако в XXI в. край вступил с отрицательными результатами миграционного движения, и с тех пор его население испытывает постоянную миграционную убыль. Среднее значение сальдо миграции за период 2001–2012 гг. составило — 5,8 тыс. чел.

Стоит отметить, что в данной работе мы оперируем официальными статистическими данными Росстата и Алтайкрайстата, которые демонстрируют показатели *регистрируемой миграции*, а ее объемы во многом зависят от правил и практики регистрации, которые меняются со временем. Последним значимым изменением стало то, что, начиная с 2011 г., в статистический учет долгосрочной миграции населения стали включать

лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Ранее такой временной границей выступал 1 год [6]. Таким образом, абсолютные числа мигрантов, фиксируемых текущей статистикой, с 2011 г. существенно выросли. Подобные изменения, к сожалению, заметно снижают возможности анализа тенденций миграционного движения населения, т. к. делают новые данные малоприменимыми для сопоставления с предшествующими.

В структуре миграционного оборота населения края международная миграция никогда не имела определяющего, доминирующего характера. Но в последнем десятилетии XX в. привычная картина заметно изменилась (рис.1). Сейчас международные миграционные процессы оказывают слабое влияние на динамику численности населения региона. Однако большое значение внешней миграции с точки зрения трансформации половозрастного, этнического, квалификационного состава населения края, воздействия на региональный рынок труда и социокультурную обстановку не подлежит сомнению.

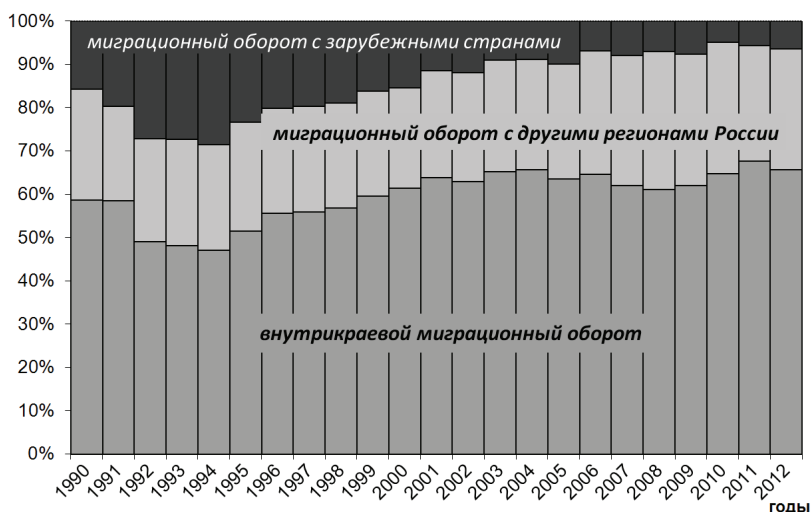

Рис.1. Структура миграционного оборота населения Алтайского края в 1990–2012 гг. (Источник: данные Алтайкрайстата. URL: <http://akstat.gks.ru>)

Рассмотрим внешние миграции региона за последние 20 лет (рис. 2). В первой половине 1990-х гг. Алтайский край испытывал небывалый миграционный приток населения. В основном он был обеспечен большими

масштабами возвратной и семейной миграции из стран Центральной Азии, в первую очередь, из Казахстана. Подавляющее большинство приезжающих в край в начале 1990-х гг. были русскими, после распада СССР решившими вернуться на родину, откуда они, либо их старшие родственники уехали в 1950–1970-е гг. [7–8]. Именно тогда регион получил довольно солидное вливание профессионалов и состоявшихся людей, в большинстве своем оказавшихся востребованными, несмотря на кризисные явления в экономике.

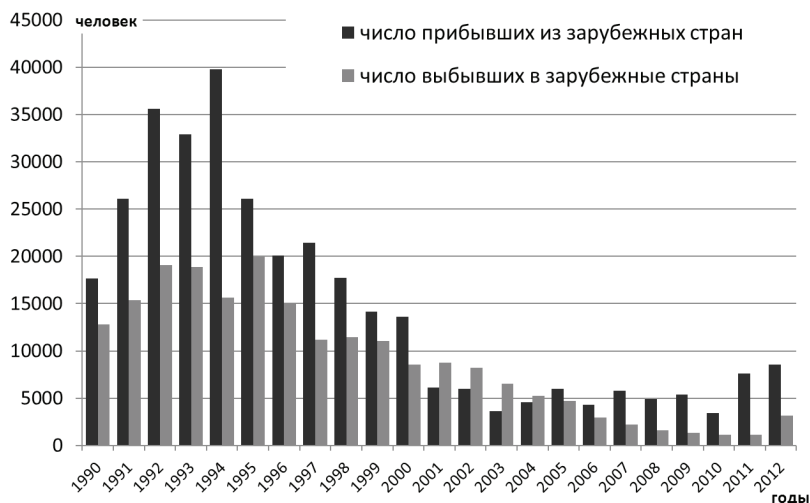

Рис. 2 Внешняя миграция в Алтайском крае в 1990–2012 гг.
(Источник: данные Алтайкрайстата)

Число прибывших из зарубежных стран выросло за период 1990–1994 г. с 17,6 до 39,8 тыс. чел., однако во второй половине 1990-х гг. оно стало неуклонно сокращаться, стабилизировавшись на уровне около 5 тыс. чел. Числа выезжающих с территории края в зарубежные страны в целом имели схожую динамику. Эмиграция жителей края в настоящее время слабо выражена. К сожалению, статистика не фиксирует, кто покидает наш регион. Нет данных о возрасте и тем более квалификации и талантах выезжающих. Наша экспертная оценка показывает, что среди покидающих регион есть потенциальные лидеры в своих областях. Основная масса эмигрантов еще полностью не раскрылась в профессиональном смысле. Намечается тенденция, когда сначала происходит внутренняя миграция, а уже после осуществляется выезд за границу.

Разница чисел иммигрантов и эмигрантов результируется в показателе миграционного прироста. Миграционная убыль в международном обмене фиксировалась в Алтайском крае лишь в первой половине 2000-х гг., на что в огромной степени повлияли изменения миграционного законодательства того времени. Так, резкое сокращение числа прибывших (а, соответственно, и миграционного прироста) в 2001 г. было обусловлено введенными ограничениями приема граждан стран СНГ и Балтии. Такая ситуация привела к искусственному сокращению потоков учитываемых иммигрантов, численность которых в 2003 г. стала наименьшей за очень длительный период времени. Однако с начала 2007 г. правила вновь изменились — произошла либерализация миграционного законодательства, и в статистический учет стали попадать иностранные граждане и лица без гражданства, впервые получившие разрешение на временное проживание [6]. В результате число иммигрантов выросло, а вместе с ним увеличился и показатель миграционного прироста. Среднее значение сальдо миграции за период 2005–2012 гг. составило 3,5 тыс. чел., в то время как соответствующий показатель для периода 1990–2000 гг. превышал 9,5 тыс. чел.

В 1990-е гг. более 95% всех *прибывающих* на территорию края из зарубежных стран приходилось на страны СНГ. В отдельные годы эта цифра приближалась к 99%, соответственно, доля иммигрантов из дальнего зарубежья колебалась в пределах 1–2% (200–300 человек). В этот период около 70–80% всех зарегистрированных иммигрантов составляли жители Казахстана, заметная доля также принадлежала жителям Киргизии (3–5%), Узбекистана (4–8%), Украины (4–5%). В начале XXI в. ситуация стала заметно меняться. Основной тенденцией стало снижение доли жителей стран СНГ в общем объеме иммигрантов, и появились заметные трансформации в соотношении показателей для отдельных стран. Так, доля Казахстана стала сокращаться, и в настоящее время она составляет немногим более 30%. В то же время значимо выросла доля Таджикистана (около 20% в 2012 г.), Узбекистана (16%), Киргизии (9%), Армении (6%). Из-за пределов СНГ в настоящее время в регион приезжает около 1/10 всех иммигрантов.

Структура потока *выбывающих* за рубеж жителей края и в прошлом, и в настоящее время имела существенные особенности. В первой половине 1990-х гг. доля эмигрантов в дальнее зарубежье выросла с 27 до 58%, затем продолжила рост вплоть до 2002 г., когда она достигла максимума и превысила $\frac{3}{4}$ всех выбывших. Однако тренд изменился, и с тех пор эта доля сокращается. В результате за десятилетие удельный вес эмигрантов в дальнее

зарубежье снизился в 4 раза и в 2012 г. составил 19%. Среди стран СНГ основной поток эмигрантов из края приходился на Казахстан, однако его доля в общем числе выбывающих колебалась в течение последних двух десятилетий в очень широких пределах — от 17 до 58%. В настоящее время среди других стран СНГ, притягивающих население края, стоит указать Узбекистан, Таджикистан, Киргизию и Армению.

Говоря о показателе *сальдо миграции* населения края в международном обмене, заметим, что в конце XX — начале XXI в. регион испытывал высокую миграционную убыль во взаимодействии со странами дальнего зарубежья. Среднее значение показателя за период 1995–2000 гг. составило около — 7,5 тыс. чел. Однако в начале нового тысячелетия эти показатели пошли на спад, и в результате неуклонного сокращения отрицательного сальдо миграции к 2010 г. миграционный баланс стал нулевым. А 2011–2012 гг. демонстрируют небольшой положительный миграционный прирост в обмене со странами дальнего зарубежья. В обмене со странами СНГ Алтайский край неизменно приобретал население на протяжении всего постсоветского времени. В абсолютных цифрах наибольший миграционный прирост в настоящее время наблюдается в обмене с Казахстаном (около 2 тыс. чел. в 2012 г.), Таджикистаном (1 тыс. чел.) и Узбекистаном (0,8 тыс. чел.).

В крае с 2014 г. на постоянной основе осуществляется мониторинг ситуации, связанной с миграцией граждан Украины. Создана рабочая группа по учету и содействию в трудоустройстве лиц, вынужденно покинувших территорию Украины. По состоянию на 01.07.2014 на территорию Алтайского края въехало 575 граждан Украины, в том числе 59 детей до 18 лет [9]. В последние 2 года региональные вузы становятся все более популярными у иностранцев. Конечно, еще далеко до полноценной иммиграционной стратегии, столь лелеемой авторами [10], но есть шанс воспользоваться талантами извне в оптимальном для экономики возрасте. Лимитирующим фактором здесь является прежде всего депрессивно-инерционное состояние хозяйства края.

Таким образом, значение внешней миграции для Алтайского края можно считать достаточно неоднозначным. На протяжении последних двух десятилетий ее объемы и направления претерпели существенные изменения, и в настоящее время, несмотря на относительно небольшие количественные показатели, международная миграция продолжает оказывать заметное влияние на демографические процессы региона.

Литература

1. Григоричев К.В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: середина 1940-х — конец 1980 х годов: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.
2. Мочалов В.М., Давыдова А.И., Шадрина Н.Ф. Население Алтайского края и перспективы экономического развития территории: ретроспектива, состояние, тенденции. Барнаул, 2007.
3. Сазонов Т.А. Население // Энциклопедия Алтайского края: В двух томах. Барнаул, 1997. Т.1. С. 175–182.
4. Нагайцева Е.А. Миграционные процессы в приграничном агропромышленном регионе России в годы реформ: тенденции, механизмы и проблемы регулирования (опыт социологического анализа в Алтайском крае в 1990–2002 гг.): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2004.
5. Еремин А.А. Миграция населения в Алтайском крае на современном этапе: динамические и пространственные аспекты // География и природопользование Сибири: Сборник статей / Под ред. Г.Я. Барышникова. Барнаул, 2012. Вып.14. С.47–56.
6. Щербакова Е. Демографические итоги 2011 года (часть III) // Демоскоп Weekly. № 501–502. 5–18 марта 2012.
7. Григоричев К.В. Миграция в Алтайском крае в конце 1980 х — 1990-е годы // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии: Материалы международного научно-практического семинара. Новосибирск, 2002. С. 107–111.
8. Родионова Л.В. Современные миграционные тенденции // Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / Науч. ред. А.Я. Троцкий. Новосибирск, 2001. С. 204–221.
9. Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Алтайскому краю по реализации государственной политики в сфере миграции в Алтайском крае за 6 месяцев 2014 года. URL: http://fms-altay.ru/uploads/OAPiC/reports/analiz_-_6_mes_2014.doc
10. Кротов А.В. О некоторых предложениях по стратегии развития Алтайского края до 2025 года // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2008. Вып. 2. С. 67–69.

В.В. Игрунов

Долгосрочные последствия миграций и корректирующая политика государства

Поскольку мне кажется, что я допущу в ходе своего сообщения несколько рискованных гипотез, я хотел бы сразу предупредить, что мое выступление никак не носит научного характера. Не только потому, что мои отношения с наукой — это давнее прошлое, и свои знания я черпаю из практической жизни, из практической политики или текстов по поводу нее, но и потому, что я люблю обобщения, которые часто опираются на недостаточную доказательную базу.

Вчера здесь единодушно все выступавшие согласились с тем, что мир, и наша страна в частности, вступает в период довольно энергичных миграций. Разумеется, следовало бы, в соответствии с рекомендациями Бисмарка, учиться на ошибках других и предусмотреть перемены в будущем, связанные с этими потоками.

Прежде всего, я хотел бы заметить, что в России миграционные потоки концентрируются в центрах экономического роста, в крупных городах. Процент мигрантов в населении таких городов чрезвычайно высок. По оценкам некоторых демографов, к 11,5 млн. собственно-го населения Москвы можно спокойно добавить от 5 до 7 млн. мигрантов. Разумеется, большая их часть на учете не состоит и, тем не менее, они присутствуют, и процент этого населения достаточно высок (ФМС на сегодня признает присутствие в Москве 3,5 млн. гастарбайтеров). В окраинных районах Москвы иногда миграционное население составляет большинство.

Мы говорили о том, что первое поколение мигрантов довольно спокойно уживается в стране их принимающей, особенно если это беженцы, испытывающие благодарность за предоставленное убежище, корм и кров над головой. Второе поколение мигрантов относится к приютившей родителей стране совсем другим образом. Они уже себя ощущают полноправными жителями, полноправными гражданами этой страны, а стартовые условия, с которых они начали интегрироваться в общество, у них оказываются достаточно низкими, и их социальное положение в конечном итоге оказывается ниже социального положения основной массы коренного населения. Поскольку мигранты часто отличаются цветом кожи, волос, языком, эти различия ведут к росту межэтнической напряженности, во всяком случае, есть тенденция проблемы интерпретировать как этнические, даже в тех случаях, в которых противоречия вовсе не носят этнического характера.

Общепризнанное мнение заключается в том, что интеграция мигрантов и их потомков связана с повышением уровня образования. Молодые люди должны интегрироваться в общество как можно раньше. Но мировой опыт говорит о том, что решения на этом пути не всегда удовлетворительны. Во-первых, есть проблемы с образованием. Мне в Москве очень часто приходится сталкиваться с тем, что родители бесконечно жалуются на присутствие мигрантов в школах. Многие родители забирают своих детей из школы, находящейся рядом с домом, и переводят в более отдаленные, лишь бы дети не учились вместе с мигрантами из Азербайджана, Чечни и т. д. Конечно же, у меня, как у гражданина, это вызывает некоторый внутренний протест, однако, тем не менее, это реальность.

Я это чувствую даже по своей семье. Мой младший ребенок вырос с мигрантом в одном доме, в одной семье. Жил молодой человек у нас, узбек из Таджикистана, и для моего младшего сына он такой же член семьи, как и его старшие братья и сестры, а может, даже и ближе, потому что с ним он поддерживает постоянную связь, постоянно встречается, хотя тот уже несколько лет у нас не живет. Сын оказался в школе, очень престижной, в одной из лучших школ Москвы, где, тем не менее, в параллельных классах учатся дети мигрантов из Таджикистана с более низким уровнем образования и иной поведенческой культурой. Временами он возвращается домой в полной подавленности, поскольку видит, что это такие же таджики, как и его старший брат (а именно так он воспринимает нашего узбекского мальчика), но с ними возникают совсем иные отношения.

Ну, хорошо, в моей семье я с этим справился, а как справиться с этим в масштабах Москвы? Совершенно невозможно. Казалось бы, эту проблему надо каким-то образом решать, и мы говорили о том, что сегрегация ведет к печальным последствиям. Тем не менее, в Голландии провели исследование об успеваемости детей в школах. Оказалось, что если местные дети, голландцы, учатся с мигрантами, то уровень успеваемости у них заметно падает. И чем более сложен этнический состав группы, тем негативнее это сказывается на успеваемости. Правда, есть исключения. Исключений ровно два. Если в классе, кроме местного населения, присутствуют китайские дети, уровень успеваемости вырастает. То же самое касается и индийцев. Но даже если в классе одновременно есть и индийцы, и китайцы, уровень образования падает.

Поскольку наблюдение имеет некоторое социологическое подтверждение, можно предположить, что жалобы наших родителей не случайны и достаточно серьезны. Родители не только забирают своих детей из школ и переводят в другие — я знаю случаи, когда люди продавали квартиры

и съезжали из тех районов, где в массовом порядке проживают мигранты. В Соединенных Штатах Америки в Сент-Луисе, штат Миссури, был построен большой опытный микрорайон социального жилья, куда селили местное население. Он изначально был ориентирован на десегрегацию населения: цветные и белые проживали совместно. Но оказалось, что буквально в течение нескольких лет белое население бежало из этого района, предоставив его только цветным. Район превратился в источник опасности, район трущоб, и в настоящее время полностью снесен. Этот опыт оказался очень не успешным в Соединенных Штатах. Когда я наблюдаю в Москве аналогичные явления, где люди продают квартиры, забирают детей из школ, у меня складывается впечатление, что это проблема, с которой так просто не справиться.

Тем не менее, совершенно очевидно, что, чем выше уровень образования населения, тем больше толерантность. Только через образование, через уважение к культуре друг друга мы можем прийти к совместному бесконфликтному проживанию с мигрантами, но на этом пути нас ждут большие трудности, и я думаю, что это будет очень длительный период. Во время вчерашних обсуждений кто-то сделал очень грамотное, на мой взгляд, замечание, что если второе, третье поколения мигрантов будут получать то же образование, что и местные жители, они усвоят психологию местного населения. Если русский человек или татарин не желает мести улицы, то, скорее всего, дети или внуки киргизов и таджиков тоже улицы мести не будут, и нам придется приглашать новых мигрантов. Процесс образования миграции и мигрантов в обществе представляет собой фактически неостановимый насос по высасыванию новых потоков и воспроизводству той же проблематики.

Анна Вячеславовна Веретевская сказала, что с этой проблемой мы можем справиться, можно механизировать работы и т. д. Думаю, что ответственный политик должен исходить из тех инструментов, которые у него есть в наличии сегодня. Я помню, лет 40–50 назад, когда остро встал вопрос загрязнения городской среды, и впервые зашла речь об антропогенном изменении климата, специалисты реагировали очень скептически. Вот через 20 лет войдет в обиход водородное топливо, машины будут ездить на водороде, в городах станет чисто, никаких загрязнений, минимум парниковых газов и т. д. Прошли 20, 30, 40, 50 лет, все эти упования оказались напрасными. Хотел бы сказать также, что замена живой рабочей силы техникой требует новых рабочих, чтобы построить заводы по производству техники, потребуется дополнительное горючее, которое, кстати, является большей угрозой, чем мигранты, из-за экологических изменений.

Поэтому нужно рассчитывать на те инструменты, которые есть сейчас, чтобы избежать иллюзий.

А оценка наших инструментов говорит о том, что любой миграционный процесс, начавшись в наших конкретных условиях, скорее всего, превращается в бесконечно действующий механизм, производящий те или иные проблемы. Тем не менее, образование давать надо, прежде всего потому, что (по-моему, коллега Кротов об этом здесь вчера говорил), необходимы высококвалифицированные мигранты. Это совершенно очевидно, потому что максимальная экономическая выгода получается от новых технологий, а новые технологии требуют интеллектуального вклада. И не только потому, что такие производства экономически более эффективны, но и потому, что те, кто внедряет новые производства, пользуются временной монопольной прибылью. Прибыль у традиционных производств постоянно снижается по той простой причине, что их может освоить любой, и они не приносят монопольных дивидендов. А новые производства позволяют завышать цены. Поэтому страны с инновационными технологиями получают гораздо больше доходов на вложенный капитал. И конкуренция за интеллект в наши дни становится очень острой.

На самом деле, успешная страна является настоящим грабителем, потому что сегодня главной производственной силой является труд человека, а страны, которые всасывают интеллектуальный потенциал мира, обедняют те страны, откуда они берут этих людей. Страна выращивает молодежь, тратится на предоставление образования, а экономическую деятельность эти люди ведут в странах с высокой концентрацией интеллектуального потенциала, с развитой экономикой, с высоким уровнем благосостояния. И, грубо говоря, ведущие страны мира высасывают весь остальной мир, высасывают их ключевой экономический ресурс для собственного процветания. Та страна, которая может обеспечить более высокий уровень притока интеллектуальных ресурсов, будет победительницей в жесткой конкурентной борьбе.

Тут же на полях я замечу, что есть некоторые необходимые условия для такого успеха. Дело в том, что если вы имеете страну, например, такую, как наша в нынешнем состоянии, где толерантность находится на достаточно низком уровне, не всякий иностранец захочет ехать сюда и учиться и работать, так как высока бытовая конфликтность. Понятно, что грамотный человек из Африки, получивший хорошее образование, скорее, поедет в Швецию или во Францию, чем в Россию. Уровень толерантности, уровень этнической терпимости является одним из главных показателей успешности в этом выкачивании интеллектуального

капитала со всего мира. Как бы неприятно ни звучали эти слова о грабеже, тем не менее, развитые страны обречены заниматься этим пиратским занятием.

Обеспечение толерантности также связано с высоким уровнем образования. Однако я вчера уже делал некоторые замечания, они связаны с тем, что сам по себе уровень образования не решает всех проблем. Какие-то проблемы он частично решает, но порождает другие. Когда представитель какой-нибудь диаспоры видит, что его сородичи живут в условиях, намного худших, чем коренное население, он испытывает довольно сильные эмоциональные переживания, требующие его активных действий по изменению положения. Поскольку обычно это относится к молодым людям (молодые люди, как правило, хотят изменений и справедливости немедленно, прямо сейчас, а процесс этот требует целых поколений), то часто эти люди ударяются в достаточно сильный радикализм и подключаются к экстремистской деятельности, о которой мы вчера немного говорили. Само по себе это представляет опасность.

Нам, безусловно, необходимо строить поликультурный мир и, как бы ни отказывались от идеи поликультурности некоторые европейские политики, они все равно вынуждены будут вернуться к этому проекту, потому что других решений, по моему мнению, не существует. Но возникает вопрос: как строить этот поликультурный мир? Мы вчера разговаривали с Анной Вячеславовной Веретевской, и я позволил себе высказать гипотезу, что такой поликультурный гомогенный мир построить невозможно. Хотя мы и говорим о том, что для снижения напряженности нам надо уничтожать этнические анклавы, тем не менее, опыт также показывает, что только в некоторых случаях мы добиваемся успеха, в других — успеха достичь невозможно. И самое главное — можно достичь такого равномерного расселения населения только в том случае, если культурные характеристики мигрантов и местного населения приблизительно одинаковы. В наших условиях добиться этого невозможно. Следовательно, скорее всего, тот поликультурный мир, который мы можем вообразить в ближайшем будущем, будет миром достаточно сегрегированным, разбитым на изолированные группы, контакты между которыми останутся ограниченными. И такие отдельные группы могут объединяться в общество на надэтническом уровне только через свою элиту, получившую достаточное образование и способную вступать в межкультурные отношения без ущерба для собственной нравственности и собственных эмоций. Как мне представляется, сегодня ни одно общество не предлагает идти по такому пути и постоянно пытается наступать на одни и те же грабли.

В.Н. Козулин
«Россия — любовь моя!»
(о культурном мотиве миграции на примере
западноевропейских иммигрантов в Россию)

Тема иммиграции в Россию из развитых стран, на первый взгляд, довольно экзотична. Очевидно, что гораздо привычнее слышать об эмиграции из России в эти страны. Вместе с тем, иммигрантов из Европы в Россию уже не так мало. По данным статистики за 2011 год число иммигрантов в Россию из стран «дальнего зарубежья» выросло на 35% (3,3 тыс. чел.) [1]. Еще лет десять-пятнадцать тому назад в одной из популярных информационно-аналитических программ (кажется, еще на так называемом «старом НТВ») был интересный репортаж о европейских иммигрантах, для которых Россия стала второй родиной. В основном рассказывалось о простых людях (например, об одном фермере-англичанине), которые искренне полюбили нашу страну, как говорится, прикипели к ней душой. Ну, а данный сюжет назван так по имени одной современной передачи, транслируемой по субботам на телеканале «Культура». Автор передачи — француз Пьер-Кристиан Броше, давно живущий в России, который утверждает, что он влюблен в нее и ее людей. Передача посвящена рассказам о многообразных народах России, их традициях и культуре [2; 3].

Таким образом, мы коснемся темы культурных мотивов миграции — сравнительно редких, в соотношении с экономическими мотивами, но, тем не менее, немаловажных, особенно в нынешний период обострения отношений России с Западом, когда возрождаются худшие негативные стереотипы друг о друге из советского прошлого, что грозит уже чуть ли не новым «железным занавесом». Поэтому очень важно сейчас обратиться к положительному опыту взаимодействия русской и западной культур, акцентировать внимание на этом все более значимом ресурсе оптимизации международных отношений.

Тема взаимодействия культур, иначе говоря, «межкультурной коммуникации» стала одной из самых актуальных в последние годы. Это научное направление появилось во второй половине XX века, как раз в период «холодной войны», когда в экономике начала происходить важная трансформация — переход от «капитализмов отдельных стран» (individual-country capitalism) к так называемому глобальному капитализму [см.: 4; 5]. В России проблемы межкультурной коммуникации становятся актуальными после распада Советского Союза, с началом ее активной интеграции в глобализирующийся мир [6, с. 8–9]. В последние десятилетия в отечественной историографии появилось несколько учебных пособий

и научных сборников по межкультурной коммуникации [ср.: 6; 7; 8; 9; 10]. Но, в целом, это направление в России стоит лишь у истоков своего развития, исследований еще сравнительно мало. Оно, безусловно, является междисциплинарным: его изучение возможно в самых разных аспектах — лингвистическом, историко-культурологическом, социально-экономическом и других.

Чтобы понять так называемую «культурную мотивацию» переселения в Россию, стоит сначала упомянуть о существовании «идеологической мотивации», т. е. о существовании в европейской общественной мысли идей, которые используют Россию как некий символ, условный пример для подтверждения некоторых своих постулатов. Причем эти постулаты могут иметь весьма отдаленное отношение к реальной жизни. Как правило, это идеи традиционализма, а иногда даже романтического «примитивизма» (идеализации простоты и первобытности [см. 11]).

Примеры такого авантюрно-романтического тяготения к России, к ее необычной загадочной культуре (хотя иногда не лишнего и корыстных мотивов) у западноевропейцев встречаются со стародавних времен. Так, например, уже в сочинении о России французского капитана Жака Маржерета, бывшего на службе у Бориса Годунова и двух Лжедмитриев, можно встретить нотки романтизации простой и традиционной русской жизни, восхищения могуществом Русского государства, которое он называет не иначе как Империей [ср. 12, с. 115–116; 136–137]. Этого человека явно тянуло в Россию — он уезжал и снова возвращался (последний раз он попытался вернуться, завербовавшись на службу к князю Пожарскому, но уже безуспешно) [13, с. 10]. Другой еще более яркий пример — влюбленность в Россию английского журналиста «Times» Стефана Грэхема [см. 14], который объездил ее всю вдоль и поперек, совершил вместе с русскими паломничество в Иерусалим и написал очень много книг о России. Однако Грэхем так и не поселился в России на постоянное местожительство. Европейская иммиграция в Россию, как это обычно и бывает, носила в основном прагматический характер — иностранцы вербовались на службу (военную, медицинскую, губернаторскую и т. п.) с целью заработка.

Наконец, еще одним восхищенным Россией европейцем был немецкий философ Вальтер Шубарт, последователь в этом отношении Освальда Шпенглера, автора «Заката Европы». В. Шубарт, как и Шпенглер, противопоставлял Россию Европе и доказывал, что спасение Европы и мира возможно только благодаря православной славянской идее. Из-за этих своих прославянских взглядов он был вынужден эмигрировать из Германии

в Латвию, где в 1941 г. был арестован и бесследно сгинул в лагерях НКВД [см. 15]. Разумеется, этот исторический список европейцев, неровно дышащих к России, можно было бы еще продолжить.

В современной общественно-политической мысли Европы также немало «русофилов», точнее говоря, даже не русофилов в широком смысле слова, но идеализирующих в России исключительно традиционное и консервативное начало. Так, многие представители ультраправых, иначе говоря, консервативно-националистических сил в Европе симпатизируют современной России и политике президента Путина. Достаточно упомянуть высказывания на эту тему лидера французских националистов Марин Ле Пен, главы австрийской Партии свободы Хайнца-Христиана Штрахе или лидера ультранационалистической партии Венгрии «Йоббик» Габора Вона [16; 17]. В основе этих симпатий лежит все то же преклонение перед консерватизмом и традиционными ценностями «христианской цивилизации», одним из символов которых в сознании ультраправых является современная Россия. Это явление не ново. И в царской России в прошлые века точно так же многие консервативно настроенные деятели видели такой же идеал — тогда как для либералов Россия, как оплот консерватизма, была всегда напротив «антиидеалом», т. е. идеалом со знаком минус [ср. 18].

Но идеологические и политические мотивы иммиграции из Европы имели место только во времена СССР, куда бежали преследуемые на Западе люди коммунистических убеждений (так, например, много политических беженцев приютил Советский Союз в период гражданской войны в Испании). Случаи иммиграции в постсоветскую Россию из стран Запада по идеологическим соображениям нам неизвестны, за исключением одного сделанного восемь лет назад заявления бельгийского националиста Даниэля Ферэ о намерении просить политического убежища в России [19]. Видимо, восхваление консервативной России необходимо современным ультраправым лишь для внутреннего пользования.

Современные европейцы, как правило, иммигрируют в Россию исходя не из идеологических побуждений, а из соображений практических, зачастую случайных (кто-то устроился на работу в России, занимается здесь бизнесом, журналистикой и т. п.). Но при этом многие иммигранты, попавшие в Россию даже нецеленаправленно, а волей случая, не остаются к ней равнодушными — порой в отрицательном, но часто и в положительном смысле. Положительное восприятие России среди иммигрантов — совсем не редкость. Иначе бы они не оставались здесь надолго. А многие из них женятся на русских и остаются здесь навсегда. Такие примеры

есть и на Алтае: например, главный тренер детского футбольного клуба «Рубин» (г. Барнаул) и президент Академии футбола при ДЮСШ «Рубин» Кристоф Ламери. А его друг серб Аднан Хаджиабдич бежал в братскую Россию из-за войны в Югославии и сейчас тоже живет в Барнауле, правда до сих пор не получил российского гражданства [20].

По России таких примеров немало. Об одном самом известном (благодаря ТВ) примере французского журналиста П.-К. Броше уже говорилось ранее. Симптоматичен уже сам факт, что свою передачу на российском телевидении он назвал «Россия, любовь моя!». Продолжая тему французов, влюбленных в Россию, вспоминается также история известной французской журналистки Анн Нива, которая долго жила в России и даже купила в Рязанской области избушку с полуразвалившейся банькой [21].

Еще один совсем молодой француз, который тоже очень полюбил Россию, живет здесь уже год и собирается оставаться надолго — это предприниматель Джонатан Кор, продающий блины в московском саду «Эрмитаж». Недавно он принимал участие в обсуждении на канале «ОТР» (в передаче «Человек с киноаппаратом») документального фильма Ксении Мостинцев «Я — супер Джей» (2011 г.), посвященного необыкновенным приключениям австралийца Джея Клоуза, решившего стать фермером в России. Австралиец, кстати, тоже влюблен в Россию и безуспешно пытается ее понять уже 17 лет (поэтому, собственно, и переехал сюда и занялся фермерством) [22].

Другой любопытный пример — англичанин Джон Фитцпатрик, начавший в России довольно успешный бизнес практически с нуля, который прекрасно говорит по-русски и, судя по его словам в интервью на телеканале «Просвещение», счастлив в России и уже ощущает себя отчасти русским.

Еще один успешный англичанин, давно живущий в России, Майкл Гибсон так говорит о ней и о своей истории приезда: «Когда развалился СССР, я хотел посмотреть, как изменилась эта страна. Меня тянуло к приключениям и такого масштабного события я пропустить не мог. И я не ошибся, тут живут удивительные люди. Любой жизненный кризис, который вогнал бы европейца в глубокую депрессию, они могут решить от души посмеявшись... Я привык к погодным условиям в России, а зиму полюбил всей душой. Я даже в проруби купаюсь как минимум раз в неделю. Если уж быть русским, то до конца. По выходным я люблю заниматься греблей в Серебряном Бору или смотреть фильмы в 35ММ» [22].

А владелец сети ресторанов баварской кухни в Москве немец Эрхарт Виллюмайт рассказал такую историю о своем обустройстве в России:

«Я познакомился с Россией еще в 1991 году и уже тогда почувствовал себя здесь как дома. С тех пор я планировал здесь жить и работать... Я в общем ни по чему не скучаю, потому что красоту Баварии вполне можно найти на Алтае, а культуру еды я здесь сам меняю. Россия, как живой организм, быстро подо все подстраивается и никогда не спит» [22]. Подобных примеров можно приводить много, достаточно вспомнить хотя бы таких известных личностей, как «русский финн» Вилле Хаапасало или не так давно получивший русское гражданство известный французский актер Жерар Депардьё (который, правда, помимо декларируемой им любви к русской культуре, имел для получения российского гражданства, как всем известно, весомые экономические мотивы).

Завершая этот перечень примеров, стоит упомянуть известного медиамагната, родом из Голландии, сделавшего очень успешную карьеру в России — Дерка Сауэра. В своем недавнем интервью он сказал: «Я не согласен со всем, что говорят о России на Западе. Я оказался сейчас в странном положении: в Голландии меня знают как главного защитника России, и меня там много критикуют, называют другом Путина. Здесь же все западное теперь воспринимается как антироссийское, что, конечно, чушь». Но, несмотря на ухудшающие обстоятельства, он говорит, что «пока ни разу не задумывался о том, чтобы уехать из России» [23].

Таким образом, в заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть возрастающую роль культурного аспекта миграций в современном глобализирующемся мире и необходимость разностороннего изучения проблемы межкультурных коммуникаций, потому что именно в ней кроется как причина всех негативных восприятий, так и возможный залог взаимопонимания и, следовательно, оптимизации отношений между народами.

Литература

1. Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним — 107 // Демоскоп Weekly. № 501–502. 5–18 марта 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php>

2. О проекте «Россия, любовь моя!». URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/43908

3. «Россия К» покажет цикл передач о России, снятых французским коллекционером // Российская газета. 24.05.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/24/broshe-anons.html>

4. Cross-cultural communication. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Cross-cultural_communication

5. Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan // Keio Communication Review. №24. P. 1–5. URL: <http://www.mediacom.keio.ac.jp/publication/pdf2002/review24/2.pdf>
6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. Учебник для вузов. М., 2003.
7. Белянин В.П. Психолингвистика. Учебник. 2 е изд. М., 2004.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
9. Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2002.
10. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2002.
11. Lovejoy A.O., Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Baltimore, 1935.
12. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007.
13. Лимонов Ю.А. Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв. // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 3–16.
14. Третьякова С.Н. Россия глазами английского журналиста Стефана Грэхема // Россия и Запад: диалог культур. 4 я международная конференция 12–14 января 1998 г. / Отв. ред. А.В. Павловская. Вып. 5. М., 1998. С. 281–287.
15. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003.
16. Лидер французских националистов Марин Ле Пен назвала Владимира Путина своим единомышленником. URL: <http://echo.msk.ru/news/1322772-echo.html>
17. Le Monde: Венгрия стала «пятой колонной» Путина в сердце Европы. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-04-20/Le-Monde-Vengriya-sta-la-pyatoj>
18. Заиченко О.В. Образ России и формирование национального самосознания в Германии // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 241–248.
19. Лидер бельгийского Национального фронта намерен просить убежище в РФ // Lenta.ru, 21.04.2006, 10:49. URL: <http://lenta.ru/news/2006/04/21/belgique>
20. «Чемодан — вокзал — Белград»? // Алтайская правда. 16.05.2014. С. 20. URL: http://www.ap22.ru/paper/paper_12263.html
21. Анн Нива: «Я просто люблю Россию» // Российская газета. 23.01.2002. С. 4. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2002/0123/hit.shtm

22. Я — супер Джей. Лента о приключениях австралийца в России. URL: <http://www.otr-online.ru/programmi/cuper-dzhei-28582.html>

23. Жители Румынии, Германии, США, Тибета — об иммиграции в Россию. URL: <http://www.the-village.ru/village/situation/benchmarking/142213-zhiteli-rumynii-germanii-ssha-i-tibeta-ob-immigratsii-v-rossiyu>

24. Москва глазами иностранцев. Дерк и Том Сауэры — о том, как все изменилось с 90-х. URL: <http://gorod.afisha.ru/people/derk-i-tom-sauery-o-tom-kak-vse-izmenilos-s-90h>

В.С. Мартьянов

***Внутренние миграции как «слепое пятно»
российской экономической политики***

Парадоксально, но в поле зрения российских СМИ и политиков совершенно недооцененным является значение внутренней миграции в России. В условиях открытой экономики межрегиональная миграция на рынке труда и облегчение мобильности населения играют постоянно возрастающую роль в оптимизации распределения занятости внутри страны. Это позволяет рассматривать ее как драйвер экономического роста. Тем не менее, в «Стратегии-2020» [1], которая сменила полностью проваленную мировым кризисом-2008 «Концепцию-2020» [2], ее разработчики озабочены исключительно необходимостью притока мигрантов из-за рубежа. Этот приток обосновывается как неизбежный, закладываются бюджетные средства на адаптацию мигрантов. Хотя при этом признается, что они в своей массе уступают по своему человеческому капиталу россиянам. Достаточно указать на тот факт, что миграционный прирост в России согласно данным Росстата в постсоветский период ни разу не превышал 0,4% в год, а в 2011 году составил 0,2% [3, с.75].

Видимо, даже спустя четверть века после падения СССР, распространен миф, что на пространстве СНГ осталось много русских, которых можно привлечь в Россию. Однако, мифических миллионов русских в странах СНГ, которые могут приехать в Россию и улучшить демографию просто не существует. Россия фактически исчерпала лимит русскоязычных иммигрантов из стран СНГ, вынужденных переселиться в Россию. Те, кто хотел — давно уехал, остальные адаптировались. Ресурс эффективной, то есть культурно и по языку близкой иммиграции из стран СНГ для сокращения естественной убыли населения

составил около 5–7 миллионов человек в 1990-х — начале 2000-х гг., и в настоящее время является для России исчерпанным. В последние годы разговоров о засилье мигрантов все больше, но сам поток приезжающих в Россию все слабее. Парадокс в том, что в 1980-е годы в РСФСР из остальной части СССР въезжало в разы больше людей, чем сейчас, когда Россия и бывшие союзные республики разделены государственными границами. Кроме того, развитие технологий транснационального аутсорсинга способствует снижению выгод от географического перемещения физических носителей труда. Гораздо менее затратным и мобильным оказывается пространственный перевод производственных мощностей и капитала в другие мировые регионы. Как показывает статистика, глобального роста миграционных потоков в современном мире и в России, которые не стоит путать с увеличением объемов международного туризма, не наблюдается. Существует скорее болезненная реакция населения и политиков на изменения направлений этих потоков, которые теперь текут от бывших колоний к метрополиям. Естественно, с точки зрения принимающих обществ эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить достигнутый ранее уровень жизни собственных граждан, которым приходится конкурировать с мигрантами на внутреннем рынке труда «на понижение». Во многом аналогична ситуация и на уровне внутристрановой мобильности населения, в свете огромных межрегиональных экономических контрастов.

На самом деле, сейчас гораздо большее экономическое и политическое значение для России имеет мобильность собственного населения внутри страны. Внутренняя миграция имеет особое значение для успешного функционирования сетей крупных городов, образующих в рамках центр-периферийной модели модернизационное ядро экономики страны [4]. В ходе советской урбанизации индустриальные мегаполисы, составляющие основе национальной платформы городов, по своей сути застраивались как цепочки связанных производств при железной дороге или конкретных месторождениях в системе закрытой плановой экономики в рамках территориально-отраслевого планирования. Другие направления их развития игнорировались. Малые города и сельская местность фактически превратились в донора миграции для более развитых крупных городов. Однако любое развитие современных государств, взятое в своем территориальном измерении, успешно лишь тогда, когда а) осуществляется равномерно и б) затрагивает большинство населения, запускающая механизмы кооперации разных территорий, видов поселений и создания производственных цепочек полного цикла.

Ежегодно в России меняют место жительства около 3–4 млн. человек, что на порядок больше числа легальных мигрантов, приезжающих в страну извне. Например, в 2011 году согласно Росстату в России поменяли место жительства 3,06 миллиона человек, что в 1,5 раза больше, чем в 2010, в то время как официальная международная миграция в страну составила только 365,5 тысяч человек [5, с. 121–122]. Возможности для России связанные с получением образования или переездами в поисках новой работы собственных граждан не менее важны, чем тонкий ручеек международной миграции. Нынешнее государство не хочет замечать трудностей, а тем более активно способствовать повышению мобильности населения и облегчению внутренней миграции (село — город, регион — регион, Восток — Запад, Север — Юг) в самой большой в мире стране. В этом смысле российское население остается одним из самых инертных, массовая модернизационная мобильность периода СССР затихла на фоне экономической стагнации. Граждане реже меняют место жительства, уменьшается число людей хоть раз в жизни бывавших не только в Москве или Санкт-Петербурге, но даже за пределами своего географического региона. В частности доля никогда не переезжавших людей в 1979 г. составляла 46,1%, а в 2002 г. уже 55,8% [6, с. 154]. Данное падение одной из ключевых причин имеет исчерпание потоков сельской миграции в города, которое произошло еще в позднесоветский период. Но эта причина не является единственной. Серьезное влияние на снижение внутренних миграций оказало продолжительное падение уровня жизни в результате распада СССР, когда большинство населения имело в распоряжении лишь стратегии выживания, а не развития.

По данным всероссийской переписи 2010 года в России в XXI веке вновь наблюдается подъем внутренних миграций, связанный с тем, что значительное количество людей смогло вырваться из «ловушки бедности», препятствующей переезду на другое место жительства: в 2003–2010 гг. в сравнении с 1996–2002 гг. поток внутренних мигрантов вырос в 1,7 раза [7]. И этот рост наблюдается вопреки отсутствию практических механизмов поддержки мобильности трудовых ресурсов на внутреннем рынке, утраченных в постсоветский период. Внутренние миграции фактически отданы на откуп саморегулированию национального рынка труда, что в итоге привело к нарастанию региональных экономико-демографических дисбалансов — дальнейшему ресурсному оскудению депрессивных регионов и критической перенаселенности экономически активных, например, Москвы и других городов миллионников.

В стране преобладают инерционные механизмы вынужденной миграции. Это не активные передвижения представителей растущего среднего

класса, связанные с наличием у них ресурсов и свободы выбора, а скорее невольное бегство от отсутствия перспективной экономической активности в нынешней географии проживания. Эти процессы обусловлены сокращением местного рынка труда и возможностей улучшения и так низкого качества жизни. Ибо альтернативой вынужденной миграции наиболее часто является лишь социальная деградация, низкие доходы, ухудшение перспектив для себя и детей. Люди, меняющие место жительства внутри страны, выпадают из фокуса государственной политики. Рост внутренней миграции в последние годы не в последнюю очередь связан с последствиями мирового экономического кризиса, принудившего ставших «лишними» людей искать лучшей доли в других регионах страны. Представляется, что комплексное изменение мер поддержки географической мобильности людей внутри страны способно если не в полной, то в значительной мере исключить потребность отечественной экономики в притоке трудовых ресурсов из других стран. Попутно исключив связанные проблемы адаптации мигрантов к российским культурным нормам и стандартам жизнедеятельности.

Сделать внутреннюю мобильность драйвером экономики можно лишь преодолев сложившиеся в стране миграционные тренды, работающие на снижение эффективности освоения российских пространств, закрепление географического расслоения и исторической неодновременности регионов. Основными направлениями внутренних миграций в России является: а) отток населения с все более пустынного Дальнего Востока в европейскую часть страны, б) стягивание населения из сельской местности и малых городов в сеть крупных мегаполисов, в) миграция из демографически избыточных, но экономически неразвитых регионов Северного Кавказа. Данные тренды соответственно фиксируют: а) обезлюдение Дальнего Востока с последующей потерей над ним фактического суверенитета; б) обезлюдение, недофинансирование и свертывание эффективного пространства экономического освоения в сельской местности и малых городах; в) сохранение системы федерального дотирования, тотальной коррупции и неразвития регионов с традиционалистской культурой.

Фактически речь идет о росте зависимости качества жизни и жизненных перспектив людей от конкретной территории проживания, о радикализации экономико-географического неравенства в постсоветский период. Современная Россия в силу нарастания региональных диспропорций и неодновременности развития фактически демонстрирует собой капиталистическую систему в миниатюре, где уровень разрывов между столицей, сетью мегаполисов и разными регионами сопоставим с разрывом

домодерных, современных и постмодерных обществ в глобальном мире. Это неравенство в постсоветской России не сокращается, будучи постоянным генератором социальной напряженности и разного рода экономико-культурных дисбалансов [8]. Межрегиональные разрывы в средних доходах на душу населения достигают 5–6 раз. Например, если в Москве среднемесячные доходы на душу населения в 2011 году составили по данным Росстата 47,3 тыс. руб., а в Ханты-Мансийском АО — 32,5 тыс. руб., то во Владимирской и Ивановской областях лишь 14,3 и 13 тыс. руб. на душу населения, а в Республике Ингушетия и Калмыкии — соответственно 11,5 и 8,8 тыс. руб. [9]. Озвученная Президентом России стратегия повышения зарплат ряда бюджетников в привязке к средним зарплатам *по региону*, а не по стране лишь фиксирует сохранение подобного неравенства со всеми негативными следствиями [10].

Итак, основным направлением внутренних миграций как в советский период, так и в настоящее время является переток населения по линии деревня — малые города — мегаполисы. Это соответствует структурным изменениям национальной экономики и рынка труда, глобальному перераспределению пропорций между сельским хозяйством, индустрией и сферой услуг. Таким образом, внутренние миграции оказываются тесно переплетены с проблемами развития региональных и национальной сетей городов, в которых создается все большая доля ВВП. При этом очевидно, что долгосрочные интересы городского сообщества должны превалировать над сиюминутными прибылями корпораций и интересами чиновников. Добиться этого можно лишь с помощью широкого вовлечения жителей городов в механизмы самоуправления, усиления его полномочий и автономии. В противном случае положительный кумулятивный эффект для пространственного развития городов достигнут не будет, превратившись в очередные бумажно-бюрократические инновации. Соучастие заинтересованных групп граждан и бизнеса в развитии городов снижает общий уровень социального напряжения, дает возможность в конструктивных формах выразить более многомерное видение вариантов развития.

Литература

1. Стратегия-2020. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/litog.pdf>
2. Концепция-2020. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>
3. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.

4. Мартянов В.С., Руденко В.Н. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып.12. С. 314–330.
5. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб./Росстат. М., 2012.
6. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149–163.
7. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.xlsx
8. Панкевич Н.В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? // Политическая наука. 2009. № 2. С. 35–49.
9. Уровень средней заработной платы научных сотрудников в организациях государственной и муниципальной форм собственности за январь — июнь 2013 года // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/tab11.xlsx
10. Указ Президента Российской Федерации «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 7 мая 2012 года № 597. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>

Л.В. Моница

***Смещение приоритетов в миграционной политике России
на современном этапе***

Важным направлением политики современной России стала иммиграционная политика. В начале 1990-х годов из республик бывшего Советского Союза хлынул поток русскоязычного населения, достигший своего пика в 1994 году. Основная масса мигрантов того времени представляла собой беженцев и вынужденных переселенцев. Их общее число к началу 2000-х гг. достигло 7 млн. человек [1, с. 4]. Главной причиной преобладания в структуре миграции долгосрочных мигрантов и вынужденных переселенцев были военные и межнациональные конфликты в государствах СНГ и странах Балтии. После некоторого спада поток мигрантов в Россию в начале XXI века вновь возрастает, но теперь преобладает трудовая миграция. Сравнительно высокие темпы экономического развития России в первое десятилетие века сделали ее привлекательной для мигрантов из стран СНГ и, в первую очередь, для жителей центральноазиатских

республик. С 2000 по 2010 гг. доля мигрантов из Центральной Азии среди имеющих разрешение на работу иностранцев увеличилась с 6,3% до 54,8%. Самыми значительными донорами РФ из государств региона являются Узбекистан (1 место) и Таджикистан (3 место). В пятерку крупнейших поставщиков трудовых ресурсов в Россию входит Киргизия. В совокупности на долю этих трех государств приходится 73% трудовых мигрантов стран СНГ [2].

За последнее десятилетие изменились не только причины миграции, но и ее структура: иностранные работники стали моложе, менее образованными и квалифицированными, хуже знающими или не знающими русский язык. Кроме того, отмечается стремление нынешних трудовых мигрантов приезжать на работу с семьей и находиться на территории России больше года (долгосрочная миграция) или вообще не покидать страну, что делает для них актуальным получение российского гражданства.

Несмотря на изменение «качества» миграции, она на официальном уровне признается необходимой. Иммигранты нужны России по двум причинам: экономической и демографической. Причем главной из них, на наш взгляд, является демографическая: в России идет процесс депопуляции населения. При общем сокращении численности населения, особенно быстро — на 1 млн. человек в год — сокращается трудоспособное население. И эта тенденция, как отмечают специалисты, будет сохраняться в будущем [3, с. 135]. Как показывает опыт других стран, восполнить потери на рынке труда можно разными способами. В Японии, например, в которой эти потери объясняются низкой рождаемостью и, следовательно, быстрым старением населения, государство пошло по пути постепенного увеличения пенсионного возраста. В Китае (которому также грозит стремительное старение населения) можно заметить частичный отказ от жесткой демографической политики, которая воплощалась в таких формулах, как «одна семья — один ребенок» и «китайцы — нация без братьев и сестер». В России в последнее время также можно наблюдать изменения в демографической и семейной политике с целью затормозить процесс сокращения населения, однако, как признают специалисты, это не решит проблему кардинально. Увеличивать пенсионный возраст российское правительство пока не собирается, учитывая низкую продолжительность жизни и электоральный «потенциал» пенсионеров (хотя идея время от времени вбрасывается в общество). Существуют и такие способы компенсировать убыль трудовых ресурсов, как повышение производительности труда и активизация внутренней мобильности населения, но это требует серьезных усилий и изменений в сфере экономики

и социальной политики. В таких условиях российское правительство избирает более дешевый и быстрый способ компенсации убывания трудовых ресурсов — иммиграцию.

Цели, задачи, принципы и направления миграционной политики Российской Федерации изложены в ряде документов. Так, в «Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г.» в качестве приоритетного направления обозначено не просто увеличение числа иностранных рабочих, а переселение трудовых мигрантов на постоянное жительство в Россию, что должно привести к росту численности населения страны. Кроме того, в Концепции сформулирована заинтересованность государства в привлечении на постоянное место жительства в Россию именно работников высокой квалификации, что должно обеспечить экономическое развитие и рост благосостояния российского общества. Концепция также предполагает введение ускоренного порядка получения гражданства РФ лицами, являющимися предпринимателями, инвесторами, выпускниками российских вузов. Заинтересованность в выпускниках, как отмечено в документе, «должна быть поддержана развитием образовательной (учебной) миграцией, совершенствованием условий пребывания в России иностранных студентов, экспортом российских образовательных услуг в страны-источники массовой миграции в РФ» [4]. Источником высококвалифицированной рабочей силы в Концепции названы соотечественники, проживающие за рубежом, и эмигранты (предполагается, что они захотят вернуться в Россию). Однако понятно, что этот источник ограничен. Более того, авторы Концепции считают, что и миграционные ресурсы государств СНГ, ориентированные на Россию, тоже будут постепенно уменьшаться. Можно предположить, что в таких условиях должно возрастать число иммигрантов из дальнего зарубежья. Так или иначе, в России будет увеличиваться доля постоянно проживающего инокультурного населения. В связи с этим на первый план в миграционной политике России выдвигается не стоявшая ранее на повестке дня задача адаптации и интеграции мигрантов. Эта задача формулируется как на официальном уровне, так и научным сообществом. Так, например, в подготовленном группой экспертов докладе «Стратегия-2020: новая модель роста — новая социальная политика» одна из глав посвящена миграции. Авторы доклада критически оценивают миграционную политику России на современном этапе и формулируют в качестве ее главной задачи создание благоприятных условий для адаптации и интеграции различных категорий мигрантов [5].

Постановка проблемы адаптации и интеграции мигрантов в социальные институты принимающей страны делает необходимым обращение

к опыту других государств, как имеющих долгую иммиграционную историю (Великобритания, Германия), так и столкнувшихся с миграционными проблемами совсем недавно (Испания, Исландия). Особую активность в обсуждении проблемы проявляют эксперты Российского совета по международным делам (РСМД), подготовившие серию докладов в рамках проекта «Международные миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы». Специалисты РСМД в своих работах подчеркивают необходимость аккумулировать опыт, в первую очередь, европейских стран, опираясь на который следует внести коррективы в российскую миграционную политику. Эти изменения должны облегчить интеграцию мигрантов. Какие шаги в этом направлении должно осуществить государство? Во-первых, разработать жесткое антидискриминационное законодательство в сфере трудовых отношений и строго следить за его соблюдением. Во-вторых, способствовать формированию толерантной общественной атмосферы (в том числе с помощью СМИ). Далее, создавать интеграционные программы, носящие адресный характер. Такие программы необходимы именно потому, что иммигранты не представляют собой гомогенной общности, и существующие между ними различия должны быть учтены, иначе политика интеграции иммигрантов не может быть успешной. Среди предлагаемых мер обращает на себя еще одна — помощь в освоении языка принимающей страны, организация языковых курсов не только в самой России, но и в государствах-донорах, т.е. основных поставщиках трудовых ресурсов на рынок РФ. Представляется, что рекомендации экспертного сообщества будут учтены при разработке миграционного законодательства РФ.

Литература

1. Денисенко М.Б., Фурса Е.В., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа. М., 2003.
2. Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в России. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top
3. Тюрюканова Е.В. Миграционные вызовы ближайшего будущего // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13.
4. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/15635>
5. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика (глава 9). URL: <http://kommersant.ru/content/pics/doc/doc1753934.pdf>

Т.Н. Юдина

**Адаптационные и интеграционные контракты:
опыт стран иммиграции для России**

Если сегодня посмотреть различные средства массовой информации, то можно увидеть следующее: большинство статей, посвященных миграции, начинается практически с одной и той же фразы: «Федеральная миграционная служба разработала законопроект о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации...». Что это за законопроект и чем он заслуживает такое внимание?

На сайте ФМС проект данного Федерального закона появился в феврале 2014 года [1], но только в июле началось его активное обсуждение. Авторы законопроекта в лице ФМС предлагают ряд мер: во-первых, закрепить в законодательстве следующие понятия: «социальная и культурная адаптация иностранных граждан», «социальная и культурная интеграция иностранных граждан», «адаптационный контракт», «интеграционный контракт», «инфраструктура для адаптации и интеграции иностранных граждан», «центр социальной адаптации и интеграции»; во-вторых, определить орган исполнительной власти, который будет координировать данную сферу; в-третьих, определить функции и полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области адаптации и интеграции мигрантов, а также права и обязанности иностранных граждан в данной сфере и создать инфраструктуру, необходимую для интеграции и адаптации иностранных рабочих, в том числе и на основе государственно-частного партнерства. В адаптационных центрах¹, которые планируется создать в каждом регионе страны, приезжим будут предоставлять жилье и возможность обучиться русскому языку, истории и законам РФ. Центры создадут на средства региональных бюджетов. Чтобы попасть в центр, приезжий должен будет заключить контракт с районным отделением ФМС и главой соответствующего муниципального образования. Контракты будут двух видов — адаптационный и интеграционный. Первый предназначен для временных трудовых мигрантов, второй — для приезжих, планирующих претендовать на получение гражданства. Проживание и обучение будут оплачиваться приезжими, работодателями «или за счет других средств» [2], например, национальных диаспор. Обучение будет добровольным. Мигрантам, успешно сдавшим экзамены

¹ Пилотные центры по адаптации мигрантов действуют в Оренбурге и Тамбове. Это общежития на 100 и 88 человек, месячная стоимость проживания в них составляет 5,5 тыс. руб.

по русскому языку, истории и законам РФ, предложено выдавать внеочередное разрешение на временное проживание. Все это, по мнению авторов, приведет к снижению социальной напряженности в обществе, предотвратит появление закрытых этнических анклавов и поможет формированию позитивного имиджа Российской Федерации. Позитивный имидж должен появиться и у мигрантов — ФМС обещает организовать информационную кампанию, направленную на «формирование позитивного образа мигранта и укрепление межнационального согласия в обществе», говорится в законопроекте.

Несколько слов о сущности самой иммиграции и о том, что она представляет сегодня для России. Иммиграция представляет собой сложный, многоуровневый процесс и является невероятно сложной темой для любого принимающего общества. Сосуществование коренного населения с переселенцами является первостепенной проблемой для жизнедеятельности, прочности и устойчивости западных социумов, которые давно ощутили влияние иммиграции. Присутствие большого числа иностранцев, являющихся носителями иной культуры и языка, нередко вызывает негативную реакцию коренного населения. Наблюдается увеличение случаев проявления нетерпимости, ксенофобии и мигрантофобии, что зачастую используется разного рода националистами, готовыми любой конфликт перевести в разряд межэтнических противоречий и сделать поводом для уличных беспорядков. Иммиграция вызывает острые дискуссии, в ходе которых высказываются диаметрально противоположные точки зрения — от пропаганды мультикультурализма и формирования новой идентичности до призывов к изгнанию чужестранцев и утверждений о неизбежном конфликте цивилизаций [3].

Россия с феноменом массового иммиграционного притока столкнулась относительно недавно. Этот поток по данным ФМС в 2013 году превысил 17,5 миллиона человек [4]. При этом важно подчеркнуть, что все большее число иностранных граждан, в первую очередь трудовых мигрантов, приезжает в нашу страну с целью обустройства на постоянное место жительства. Сегодня значительная часть трудовых мигрантов — гастербайтеров находятся в России на самом деле не в гостях, а являются де-факто или де-юре ее постоянными жителями. Помимо самих трудовых мигрантов к этой категории также относятся их дети. При этом надо отметить, что в активную жизнь в России пока не вступило «второе поколение» мигрантов, а, как показал опыт западноевропейских стран, конфликтный потенциал связан именно с молодыми людьми, родившимися и выросшими в стране иммиграции их родителей. Сегодня население России

заметно усложняется в этническом, расовом и религиозном отношениях. Все это сказывается на прочности и устойчивости российского социума.

Однако осознание того, что Россия — иммиграционная страна в той же мере, в какой такими странами являются все индустриально развитые государства, сегодня пока отсутствует, как у политического класса, так и у широкой общественности и населения [5, с.12]. России, таким образом, предстоит решать задачи интеграции и адаптации иммигрантов в российское общество, с которыми индустриальные государства Западной Европы имеют дело на протяжении более полувека. За это время они накопили немалый опыт — как положительный, так отрицательный. Осмысление данного опыта представляется не только полезным, но и необходимым для нашей страны. Рассмотрим подходы ряда западных стран в отношении одного из аспектов законопроекта о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан — адаптационные и интеграционные контракты.

Если обратиться к содержанию понятий «контракты», «интеграционные курсы» и «траектории гражданства», то их объединяет то, что они сосредоточены на интеграции как индивидуальном процессе, в котором новый мигрант несет ответственность за его интеграционный успех в принимающем обществе, и он не должен быть в тягость принимающему его государству. Понятие «контракт» подчеркивает, что интеграция является «двусторонним процессом». Это означает, что иммигранты имеют не только права, но и обязанности по уровню своей интегрированности. Такой подход отличается от мультикультурных подходов, которые сосредотачивают внимание на группы или общины, а не отдельных лиц и стремятся признать культурные различия. Некоторые ученые, такие, как Роджерс Брубакер (Rogers Brubaker) и Кристиан Джопк (Christian Joppke) [6; 7], рассматривают это как распад мультикультурализма и «возвращение ассимиляции». Ради справедливости надо отметить, что существует мнение, что на самом деле мультикультурализм был скорее исключением, чем правилом в Европе.

Идея введения интеграционных контрактов для иммигрантов восходит к 1989 году — докладу Научного совета по государственной политике Нидерландов (WRR). Это рассматривалось как решение проблемы долгосрочной безработицы среди некоторых групп иммигрантов, и его авторы посчитали, что овладение языком имеет решающее значение. [8]. С конца 1990-х годов политика интеграционного контракта была принята в различных европейских государствах, и на сегодняшний день достаточно широко распространена в европейских странах. Первыми

были Швеция, Дания и Финляндия, потом к ним присоединились Нидерланды, Австрия, Бельгия, Франция, Великобритания и Эстония. В настоящее время обязательные курсы по интеграции имеет Германия. Швейцария в 2006 году приняла постановление по факультативной интеграционной конвенции, которая является частью Федерального закона об иностранцах с 1 января 2008 года. В 2012 году интеграционные контракты появились в Италии. Венгрия рассматривает их создание. Дебаты по контрактам активно идут в Испании [9].

Содержание контрактов всех стран объединены общей идеей: изучение языка и граждановедения, но они имеют свои особенности в зависимости от страны.

В настоящее время ЕС продолжает оказывать бюрократическое давление, чтобы внедрить их в странах, где их еще пока нет. Цель договора или соглашения об интеграции — составить для прибывающих в страну новых иммигрантов реальный индивидуальный план по интеграции в общество. Таким образом, иммигрант берет на себя обязанность уважать законы, ознакомиться и принять основные ценности преобладающей культуры и выучить язык государства, в которое он приехал.

Целевые группы договоров об интеграции также различаются от государства к государству, но, как правило, всем беженцам вменяется в обязанность участие в интеграционной программе. В то же время, в части государств, как, например, в Дании, правом пройти предлагаемые государством бесплатные интеграционные курсы (прежде всего — курсы по изучению языка) обладают также иммигранты, которые уже некоторое время прожили в стране поселения. Швеция и Финляндия имеют схожие программы интеграции, обязательные только для новичков, получающих социальные пособия и для иммигрантов, выходцев из стран, не входящих в ЕС. В то же время в Нидерландах посещаемость интеграционного курса для новичков стала обязательной и была включена в закон 1998 года о пособиях для иммигрантов. В Эстонии они в основном направлены на русское меньшинство, а не новых мигрантов.

Расширение географии стран, применяющих интеграционные контракты — это результат более согласованной и эффективной политики интеграции иммигрантов в странах западной Европы, особенно ЕС. Так, в ноябре 2004 года Европейский Совет принял Общие базовые принципы политики интеграции иммигрантов в ЕС (документ 16054/04 Совет), которые подчеркивают необходимость расширенной интеграции на рынке труда за счет улучшения знания языка принимающего общества, а также уважения к «основным ценностям ЕС», которые могут быть

получены за счет углубления знания истории и институтов принимающего общества. Например, 4-й основной принцип гласит, что «базовое знание языка, истории и институтов принимающего общества является необходимым условием для интеграции; это позволяет иммигрантам приобрести базовые знания, необходимые для успешной интеграции» [10]. Еще более определенно на эту тему было сказано в октябре 2008 года в Брюсселе на конференции Европейской комиссии министров по интеграции: Европейские модули интеграции — «кирпичики» всеобъемлющей интеграционной стратегии», могли бы формироваться посредством организации языковых курсов, изучения истории, институциональной структуры, общих ценностей Евросоюза» [11].

Это говорит о том, что государства-члены ЕС должны дать возможность изучать язык, чтобы помочь мигрантам интегрироваться. Учитывая, что первый принцип определяет интеграцию как «двусторонний процесс взаимного примирения», а второй утверждает, что «интеграция предполагает уважение к основным ценностям Евросоюза», структура ЕС по интеграции легитимирует идею договора между двумя сторонами процесса интеграции и поощряет создание курсов, которые учат ценностям ЕС. Эти курсы, которые длятся от 12 до 24 месяцев и нацелены особенно на неквалифицированных иммигрантов из развивающихся и пороговых стран, ориентированы, прежде всего, на овладение языком, с вторичным акцентом на знание истории, институтов, культуры и повседневной жизни принимающего общества.

В декабре 2005 года Европейский Совет еще раз заявил о необходимости консолидировать политику государств-членов в области интеграции мигрантов и приветствовал появление Сообщения Комиссии «Общая повестка дня для интеграции: рамки интеграции граждан третьих стран в Европейском Союзе». В «рамках интеграции» Комиссия уделяла повышенное внимание созданию сети национальных контактных пунктов (НКП) на уровне соответствующих министерств (внутренних дел, труда и социальной политики) для обмена опытом инкорпорации положений «цивильной интеграции» в иммиграционное законодательство. В долгосрочной перспективе посредством сети предполагалось сформировать общую для стран ЕС систему интеграции иммигрантов, основанную на единых принципах и целях, с обязательным мониторингом достижений и неудач. Решением Совета Европы от 25 июня 2007 года в рамках общей программы «Солидарность и управление миграционными потоками» был основан Европейский фонд интеграции граждан третьих стран на 2007–2013 годы (EIF)

с бюджетом 825 млн. евро на период 2007–2013 годов. Фонд финансирует национальные программы адаптации иммигрантов и языковые курсы [12]. С 2014 года под эгидой Европейской комиссии стал действовать аналогичный фонд под названием Убежища, миграции и интеграции (AMIF) с бюджетом на период 2014–20 гг. в общей сложности 3170000000 евро [13].

Таким образом, как справедливо отмечает О. Потемкина, «рамки интеграции» следует охарактеризовать как новый многоуровневый метод управления интеграцией граждан третьих стран на наднациональном уровне с применением элементов юридически не обязывающих мер (мягкого законодательства) и различных наднациональных сетевых структур, которые стали источником появления «квази-открытого метода координации» с использованием в качестве главных инструментов индикаторов и контрольных точек [14].

В целом на европейском континенте в интеграционной политике по точному определению И. Цапенко, отмечается дрейф к более жесткому ее варианту [15]. Он проявляется, во-первых, в переходе от добровольных к обязательным курсам и увеличению штрафов за несоблюдение данного требования. Во-вторых, в переходе от бесплатных курсов к платным. В-третьих, устанавливаются новые отношения между интеграцией и иммиграционной политикой, где политическая интеграция становится одним из способов ограничения въезда отдельных видов иммигрантов в страну. Так, устанавливается неписаное правило, что для некоторых категорий мигрантов, например таких, кто хочет иммигрировать в рамках воссоединения семей или формирования семьи, основные языковые навыки должны быть проверены еще до прибытия в страну. Другими словами, появилась устойчивая тенденция к внешней интеграции или интеграции за рубежом. В-четвертых, делается акцент на иммигрантов из развивающихся и пороговых стран, в отличие от развитых стран, таких как США и Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония, вследствие чего можно сделать предположение, что иммигранты из развивающихся и пороговых стран имеют меньше шансов успешно интегрироваться, чем из развитых. В-пятых, во всех договорах преобладают санкции, а не стимулы: например, невозобновление вида на жительство или потеря социальных прав. В-шестых, контракты размыли границы между иммиграцией и движением к получению гражданства, требуя выполнять обязанности гражданина от тех, кто еще таковым не является. Поэтому даже появились предложения заменить понятие «интеграционного контракта» на «иммиграционный контракт», чтобы показать, что интеграция

иммигрантов действительно единственная цель контрактов. В-седьмых, договоры не рассматривают интеграцию с позиций участия принимающего общества.

Учитывая неудачи и опираясь на накопленный позитивный опыт развитыми странами, при принятии российского закона об адаптации и интеграции, при разработке содержания адаптационных и интеграционных контрактов, мы должны, на наш взгляд, учитывать следующие моменты.

Во-первых, необходимо осознавать, что договор имеет очень узкое понимание интеграции как процесса. Принуждение иммигрантов к изучению языка или урокам истории и правоведения не гарантирует им экономический успех или социальную включенность. Это зависит от многих факторов. Поэтому, при всей целесообразности введения таких договоров в России, мы должны усиливать акцент на решение социально-экономических проблем, на противодействие социальному исключению иммигрантов, накоплению дезинтегрирующего и конфликтного потенциала. Необходимо улучшить материальное и социальное положение иноэтничных общин, обеспечить их большую открытость, чтобы ослабить тенденции к акцентированию этнических отличий и культурной самобытности, к самореализации в экстремистских формах и т. п.

Во-вторых, надо стараться повышать среди иммигрантов удельный вес тех, кто идентифицирует себя со страной пребывания. В этом направлении должно постоянно актуализироваться правовое положение иностранцев, в том числе правила получения гражданства.

В-третьих, мы должны опасаться нашего российского прямолинейного подхода к оценке эффективности интеграции иммигрантов. Он не должен, на наш взгляд, базироваться только на количественных показателях, в том числе количестве заключенных договоров, количестве проведенных курсов, объеме полученных средств от работодателей или мигрантов. Не следует забывать о том, что происходит с прибывшими на самом деле. Для этого нужны постоянные мониторинги складывающейся ситуации.

Литература

1. Проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» // Проекты актов ФМС России. 28.02.2014. URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865>

2. Проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации.

Статья 9. Центры социальной адаптации и интеграции» // Проекты актов ФМС России от 28.02.2014. URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865>

3. Хенкин С. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 48–58.

4. ФМС России. URL: <http://www.fms.gov.ru>

5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России // Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам. М., 2014. С.12.

6. Brubaker R. The Role of the State in Cultural Integration: Trends, Challenges, and Ways Ahead. Washington, DC, 2012.

7. Joppke Ch. Citizenship and Immigration. Camb., 2010 (a Japanese translation was published by Iwanami Shoten, Tokyo, September 2013).

8. A Summary of the WRR Report is Available in English: WRR, Immigrant Policy. Summary of the 36th Report to the Government, The Hague, 1990. URL: <http://www.wrr.nl/english/content.jsp?objectid=3091>

9. Integration Contracts for Immigrants: Common Trends and Differences in the European Experience (ARI). Virginie Guiraudon. ARI 43/2008–7/5/2008. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/demography+population

10. Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов / Пер. с англ. М., 2011. (Опубликовано Бюро Международной организации по миграции в Москве: Integration Contracts for Immigrants: Common Trends and Differences in the European Experience (ARI) Virginie Guiraudon. ARI 43/2008–7/5/2008). URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_en/contenido?

11. European Council, 2618th Meeting of the Justice and Home Affairs Council, «Common Basic Principles on Immigrants Integration», 14615/04. Brussels, 19 November 2004.

12. European Commission. Integration Fund. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm

13. European Commission/Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF). URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm

14. Потемкина О. Политика Европейского союза в сфере интеграции иммигрантов. URL: <http://www.lawinrussia.ru/blogs/olga-potemkina/2011/06/01/politika-evropeiskogo-soyuza-v-sfere-integratsii-immigrantov>

15. Цапенко И.П. Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 59–69.

И. М. Юн

Корейцы Москвы: проблема сохранения идентичности

Судьба корейцев в XX веке была трудна, а порой и трагична. Вторая мировая война привела к расколу политического единства Кореи и формированию двух корейских наций, все более различных по образу жизни, культуре и ментальности.

Сложное экономическое положение в стране в начале прошлого века вынуждало корейцев, в основном крестьян, эмигрировать в Россию, на территорию, где простирались тысячи гектаров необработанных плодородных земель. Российские власти приветствовали иммиграцию — ведь переселенцы — корейцы поднимали целину и собирали немалые урожаи, помогая таким образом решать продовольственную проблему и осваивать огромные и безлюдные территории Дальнего Востока. Кроме того, после 1905 года, когда Корея фактически оказалась под протекторатом Японии, на территорию России стали уходить противники японцев. В 1910 г. число корейских эмигрантов на Дальнем Востоке превысило 50 тысяч человек [1].

В 1937 г. 170 тыс. корейцев были депортированы с Дальнего востока в Среднюю Азию. В соответствующем Решении Политбюро ЦК ВКП (б) № П51/734 от 21 августа 1937 г. было сказано: «В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточном крае... переселить в Южно-Казахстанскую область в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР» [2]. Таким образом, корейцы оказались «репрессированным народом» безо всяких на то разумных оснований. Однако в принимающем регионе корейские переселенцы были встречены весьма дружелюбно, что позволило им сравнительно быстро адаптироваться к новой социокультурной среде. К восьмидесятым годам большинство корейцев окончательно укоренились в Средней Азии, став органичной частью местного сообщества. Новые поколения воспринимали место ссылки как свою родину, хотя старики по-прежнему хранили память о Дальнем Востоке и исторической родине — Корее.

Необходимо подчеркнуть, что корейцы, находясь в эмиграции, к тому же подвергаясь дискриминации и зарабатывая на жизнь тяжелым

физическим трудом в сельском хозяйстве (выращивание риса и овощеводство), стремились отправлять своих детей поступать в высшие учебные заведения. Благодаря хорошему знанию русского языка, они могли поступать в ВУЗы любого города бывшего СССР, но массово корейская молодежь поступала в ВУЗы Москвы и Ленинграда. Можно отметить высокий уровень образования и профессионализм корейцев.

После распада Советского Союза «советские корейцы» вдруг стали «корейцами СНГ»: наибольшее количество корейцев оказалось на территории Узбекистана (примерно 200 тысяч), Казахстана (100 тысяч), Киргизии (20 тысяч) и, конечно, России (130 тысяч) [3].

Государственное самоопределение бывших советских республик Средней Азии было сопряжено с формированием этнократических режимов, социальной и культурной дискриминацией «нетитульных этносов», исламизацией образа жизни. Столкнувшись с дискриминацией со стороны «титульных» сообществ, многие корейцы (как и представители всего «русскоязычного населения» региона), предпочли покинуть Среднюю Азию. Нарастанию миграционной волны способствовали и иные факторы: развал экономики, массовое обнищание населения, безработица, малоземелье, тотальная коррупция, клановость и проч. Некоторая часть среднеазиатских корейцев уехала в дальнее зарубежье (в США и Западную Европу), однако большинство мигрантов направилось в Россию, несмотря на усилившийся там бытовой расизм в этот период. В первую очередь, благодаря сравнительно высокому уровню образования и профессионализму корейцев в востребованных специальностях (врачи, юристы, инженеры и проч.), им было легче адаптироваться уже в новой стране, нежели трудным мигрантам из среднеазиатских республик.

В постсоветский период происходила заметная ассимиляция корейцев в России. Язык, культура, а зачастую и религия России стали практически близкими, если не родными для многих бывших «советских корейцев», а теперь уже «российских корейцев». Количество российских корейцев достигает 220 тыс. человек, а общая численность корейцев СНГ — 500 тыс. человек [4, с. 78].

По мере ассимиляции корейская идентичность начинает обретать другие формы, отличные от этнических характеристик, имеющих отношение к исторической родине — Корейского полуострова. Так, например, корейцам из Центральной Азии и России легче понять психологию и поведение русского, грузина, узбека или казаха, чем корейца из Кореи. Герои русских и узбекских сказок, русские писатели более знакомы и близки, нежели литературные или исторические герои Южной или Северной Кореи.

На фоне культурной и языковой ассимиляции корейцев идет с нарастающей силой и процесс физической ассимиляции. Отсутствие заметной «культурной дистанции» между корейцами и численно доминирующими в Москве социокультурными общностями, отсутствие у корейской молодежи каких бы то ни было расовых, культурных, религиозных фобий и предрассудков привели к росту числа смешанных браков.

Примечательно, что в начале 90-х гг. прошлого века корейские мигранты в Москве, Санкт-Петербурге и других городах ощущали потребность в консолидации в рамках различных культурных ассоциаций и национально-культурных автономий. В настоящее время, по признанию лидеров таких ассоциаций, потребность в них заметно ослабла, что привело к постепенному угасанию их активности. У корейцев, проживающих в России и являющихся гражданами России, нет потребности в единении между собой для решения каких-либо вопросов, связанных с их адаптацией. Они живут порой автономно. В отличие от других народов, у которых ярко выражена диаспора, тут диаспора условна в большей степени.

В соответствии с проведенной переписью населения в 2010 году, общая доля корейцев в России относительно общего числа граждан составила 0,11%, что эквивалентно 153 156 человек, из которых 114 954 человек составляет городское население и 38 202 являются сельскими жителями.

Основными регионами проживания корейцев в России традиционно являются Сахалинская область (24 993 чел.), Приморский край (18 824 чел.), Ростовская область (11 597 чел.), г. Москва (9 783 чел.), Хабаровский край (8 015 чел.), Волгоградская область (7 044 чел.), Ставропольский край (6 759 чел.), Кабардино-Балкарская Республика (4 043 чел.), Астраханская область (2 939 чел.), Амурская область (1 756 чел.), Камчатский край (1 401 чел.), Республика Калмыкия (1 342 чел) [5].

Литература

1. Ким Г. Переселение в Россию и просвещение корейцев в дореволюционный период. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ch2rtf.shtml
2. Решение Политбюро ЦК ВКП (б) № П51/734 от 21 августа 1937 года. URL: <http://www.memo.ru/history/document/corea.htm>
3. Ланьков А. Корейцы СНГ: страницы истории. URL: <http://lankov.oriental.ru/d25.shtml>
4. Энциклопедия корейцев в России. 140 лет в России. М., 2003.
5. Итоги Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <http://www.arirang.ru/news/2011/11077.htm>

Приложение 1. СТАТЬИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Е.А. Бикетова

Трудовая миграция из Белоруссии в Россию: характерные черты

Начиная с 1990-х гг. Российская Федерация неизменно входит в число стран с высокими показателями внешней миграции [1]. В последнее время характерной тенденцией для внешней миграции Российской Федерации является изменение структуры иммиграционных потоков: нарастает число белорусских и казахских мигрантов, повышается уровень квалификации рабочей силы. В соответствии с достигнутыми договоренностями по формированию единого экономического пространства и Евразийского Союза в дальнейшем между Россией, Белоруссией и Казахстаном, данными странами предпринимаются попытки по организации свободного перемещения товаров и услуг и созданию единого рынка рабочей силы. В то же время в ближайшем будущем демографические особенности стран и условия на рынках труда могут спровоцировать конкуренцию между странами за рабочие руки. России, как стране, заинтересованной в привлечении мигрантов из-за рубежа для решения своей демографической проблемы и развития экономики, в первую очередь выгодно акцентировать свое внимание на представителях славянских народов — белорусах и украинцах. Именно поэтому в связи с нарастающей иммиграцией из Белоруссии особенно важно выяснить, какие причины побуждают граждан Белоруссии искать работу в России, какие факторы способствуют этому и на какие юридические гарантии могут рассчитывать граждане Белоруссии при трудоустройстве в Российской Федерации.

По данным Международной организации по миграции, в целом официальная трудовая миграция из Белоруссии составляет от 400 до 700 тыс. человек в год [2]. По официальным данным ФМС России, Росстата и Евразийского банка развития, в 2010 году около 70 тыс. человек из Белоруссии получили работу в России. В то же время, по экспертным оценкам, нелегальная миграция белорусов в Россию составляет около 100–200 тыс. человек [3]. Российский политолог Дмитрий Орешкин называет другие цифры численности нелегальной белорусской миграции: около 400 тыс. человек [4]. Эксперт Андрей Елисеев из Belarussian Institute for Strategic Studies считает правдоподобной цифру в 300 тыс. нелегальных мигрантов из Белоруссии, работающих в России [5]. Так или иначе,

для Белоруссии, общая численность населения в которой составляет 9,5 млн. человек [6], это достаточно большая цифра.

Для российской стороны белорусская трудовая миграция имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Среди положительных моментов белорусской миграции для России следует отметить увеличение доли славянских мигрантов в общем объеме миграционного потока, снижение количества преступлений, совершаемых мигрантами, в том числе на национальной почве, развитие тех ниш российской экономики, труд в которых не является привлекательным для российских граждан, повышение качества выполненных работ. Отрицательная сторона данного явления — вывоз капитала из России. Только за 2012 год заработок белорусов за границей вместе с денежными переводами вырос на 15%. Если в 2010 году частные переводы белорусских мигрантов на родину составили \$ 411 млн., то в 2011 году они уже составляют \$ 458 млн. [7]. В то же время, белорусским мигрантам удалось заработать более \$ 900 млн. за один 2012 год [8].

Мы уже говорили, что Россия является наиболее привлекательной страной для белорусской трудовой миграции. В целом, около 70–80% белорусской трудовой миграции приходится именно на Российскую Федерацию. Каковы же основные причины приезда белорусских гастарбайтеров в Россию?

Во-первых, этому способствует фактор территориальной близости и транспортной доступности: основными пунктами пребывания белорусской трудовой миграции являются крупные города России, такие как Смоленск, Москва и Санкт-Петербург, расстояние до них можно преодолеть на поезде за одну ночь.

Во-вторых, высокий уровень заработной платы. Так, например, средняя заработная плата по России в декабре 2012 года — \$ 1 134, в Казахстане — \$ 670, в то время как в Белоруссии в конце 2012 года среднемесячная зарплата поднялась лишь до \$ 552, существенно увеличившись по сравнению с началом 2012 года (\$ 343) [9].

В-третьих, в последнее время в России возрос спрос на квалифицированную рабочую силу. Несмотря на то, что в Россию едут белорусы со средне-специальным и профессионально-техническим образованием, их квалификация существенно выше, чем, скажем, у выходцев из Центральной Азии. Кроме того, все больше работодателей, занятых в сфере строительства элитного жилья в Москве, предпочитают использовать труд белорусов, что объясняется характерными чертами их национального характера — трудолюбивостью и аккуратностью. Миграционное законодательство, действующее в отношении граждан Белоруссии в России (отсутствие миграционных карт

и виз, 13% подоходный налог), существенно упрощает процесс их трудоустройства как для работников, так и для работодателей.

Трудовой миграции из Белоруссии в Россию существенно способствуют и изменения в российском законодательстве, связанные с реализацией проекта единого экономического пространства. Так, например, принятие в октябре 2008 года федерального закона в Российской Федерации, позволяющего гражданам Беларуси и Казахстана находиться в России в течение 30 дней без регистрации, существенно способствовало росту нелегальной миграции. На увеличении числа трудовых мигрантов из Белоруссии в России положительно сказались вступившие в силу с 1 января 2012 года соглашения между Россией, Белоруссией и Казахстаном, поставившие граждан Белоруссии и Казахстана в равные трудовые условия с гражданами России. Трудовым мигрантам и членам их семей из Белоруссии и Казахстана было предоставлено право находиться на территории России без регистрации в течение 30 дней, также им было гарантировано социальное обеспечение (в том числе социальное страхование) и официальное трудоустройство по договору с односторонним налогообложением на территории государства трудоустройства в соответствии с его законодательством (13% в РФ) [10].

Большое значение для привлечения белорусов в Россию играют психологические условия. Отсутствие языкового барьера и дискриминации по национальному признаку, положительное отношение к выходцам из Белоруссии — все это способствует формированию благоприятного психологического климата и быстрой адаптации приезжающих на заработки белорусов. Косвенным фактором также является влияние исторической традиции: еще в XVII веке выходцы из Белоруссии приезжали в Российское государство для осуществления ювелирных, архитектурно-строительных и иных работ [11].

Положение белорусских мигрантов в России существенно отличается от положения гастарбайтеров из стран Центральной Азии. Численность белорусских мигрантов в России существенно меньше, чем, скажем, численность узбеков (600–700 тысяч чел.), таджиков (600–700 тысяч чел.), киргизов (от 300 до 500 тысяч человек) [12]. Ареал расселения белорусов также отличается от стандартных миграционных потоков: преимущественно города российско-белорусского пограничья (Смоленск), а также крупные агломерации — Москва, Санкт-Петербург. Миграционные потоки из Закавказья и Центральной Азии ориентированы не только на Московскую и Ленинградскую области, но и на другие регионы России, особенно Уральский, Западно-Сибирский и Поволжский

экономические районы [12]. Белорусов, в отличие от азиатских народов, чаще приглашают на более квалифицированную работу (отделочники, врачи, хлебопеки, работники сферы ЖКХ, специалисты в транспортной отрасли).

В российской культуре увеличение численности белорусских трудовых мигрантов как объективно существующая тенденция также нашло свое отражение. В российском многосерийном фильме «Пряники из картошки» (2011) в центре сюжета оказывается приехавший из Белоруссии на заработки строитель Саша, работающий без регистрации. При встрече с ним полицейский говорит: «Докатилась Россия-матушка: белорус — иностранец!», а потом добавляет, что регистрацию все-таки нужно оформить [13].

В настоящее время эксперты прогнозируют снижение числа трудовых мигрантов из Белоруссии в связи с Крымским кризисом [4]. Массовый отъезд граждан Белоруссии, занятых на работах по подрядам в Российской Федерации, уже происходил дважды: в 2005 и 2008 годах [4]. Основной причиной эмиграции рабочей силы на родину в 2005 году послужил кризис банковского сектора, вызвавший приостановление строительных работ. Вторая волна эмиграции гастарбайтеров из России пришлось на сентябрь 2008 года, когда после российско-грузинского конфликта произошло резкое падение рубля на фондовых биржах. Тогда к декабрю 2008 года из России уехало 13% мигрантов или около 1,5 млн. человек, большинство из которых белорусы, украинцы и молдаване [4]. Ситуация с Крымом многим белорусским рабочим напоминает сценарий 2008 года, когда после падения российского рубля на международных валютных торгах приезжим рабочим перестали выплачивать заработную плату.

Однако снижение численности белорусских мигрантов в России так же будет связано с изменением российской миграционной политики. С 1 января 2014 года в Российской Федерации вступили в силу поправки в ФЗ Российской Федерации «О въезде и выезде из Российской Федерации» и «О правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации». В соответствии с принятыми поправками, граждане государств, имеющие право на въезд в Россию в безвизовом порядке (в том числе и граждане Белоруссии), имеют право находиться на территории Российской Федерации без оформления разрешения на временное пребывание или вида на жительство, в течение 90 дней из каждых 180 дней. Для нарушителей порядка установлен запрет на въезд в Россию сроком на три года [14].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Белорусские трудовые мигранты существенно отличаются от мигрантов из стран Центральной Азии. Отличительными особенностями

белорусской трудовой миграции является ее временный, краткосрочный характер, квалифицированность рабочей силы. Большинство белорусов, приезжающих в Россию на заработки, имеет профессиональное техническое образование, а 15,7% мигрантов из Белоруссии — высшее [15]. Белорусские трудовые мигранты рассматривают российский трудовой рынок как возможность сезонного заработка, в то время как мигранты из Центральной Азии вследствие тяжелой финансовой ситуации в бывших постсоветских республиках стремятся получить работу в России на длительный срок. По данным социологического опроса «Центра этнополитических и региональных исследований», в среднем каждый второй трудовой мигрант из Средней Азии работает в России более двух лет, еще 26% — более шести лет [16]. В законодательном плане белорусы имеют ряд преимуществ при трудоустройстве и лучше защищены законом с точки зрения их трудовых, имущественных прав, медицинского обеспечения.

2. Массовый приезд белорусских граждан в Россию для трудоустройства обусловлен экономическими условиями, что связано с более высокими потребностями белорусских гастарбайтеров. В миграционных потоках белорусов в Россию фиксируются спады и подъемы, что обусловлено экономической ситуацией на мировом рынке, ростом заработных плат в России и ростом безработицы и инфляции в Белоруссии. Увеличение численности белорусских трудовых мигрантов с 2008 года во многом было обусловлено изменениями в российском федеральном законодательстве, что к 2012 году вывело белорусов на равноправные условия с работающими российскими гражданами. В ближайшее время эксперты прогнозируют уменьшение количества белорусских трудовых мигрантов, связанное с падением курса российского рубля на фондовых биржах после обострения Крымского кризиса.

Литература

1. Пальников М.С. Иммиграция в Россию из постсоветских республик. Часть первая // Перспективы [сайт]. URL: http://www.perspectivy.info/srez/val/immigracija_v_rossiju_iz_postsovetских_respublik_chast_pervaja_2009-07-16.htm

2. Гайдук К. Рынок труда и социальная политика // Белорусский ежегодник 2008. Минск, 2009. С. 286.

3. Троицкая О. Евразийский Союз и миграция // Экспертный канал «Экономическая политика» [сайт]. URL: <http://ecpol.ru/2012-04-05-13-42-46/2012-04-05-13-43-58/948-evrazijskij-soyuz-i-migratsiya.html>

4. Бураков А. Крымский кризис может ударить по белорусским трудовым мигрантам // Deutsche Welle — Беларусь. URL: <http://www.dw.de/крымский-кризис-может-ударить-по-белорусским-трудо-вым-мигрантам/a-17503416? maca=rus-rss-ru-bel-4399-xml-mrss>

5. Елисеев А. Сколько белорусов уехало на заработки? // Belarusian Institute for Strategic Studies-БЛИЦ. 2013. №9. 5 апреля 2013. С. 1. URL: <http://belinstitute.eu/ru/node/928>

6. Население Белоруссии // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Белоруссии

7. Елисеев А. Реплика на научно-исследовательский отчет «Влияние трудовой миграции на Беларусь: демографическая перспектива» (CARIM-East PR 2012/20). С. 12.

8. Мигранты-белорусы ощутили выгоду Таможенного Союза // Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/15879>

9. Гайдук К. Рынок труда и социальная политика: пик политико-делового цикла и «модернизация» // Белорусский ежегодник 2012. Минск, 2013. С. 290.

10. Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей // Федеральная антимонопольная служба России [сайт]. URL: http://www.fas.gov.ru/international-partnership/common-economic-space/documents/documents_30775.html (дата обращения 27.03.2014).

11. Абесцедарский Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории российско-белорусских связей. Минск, 1957. С.8.

12. Пальников М.С. Иммиграция в Россию из постсоветских республик. Часть вторая. Перспективы [сайт]. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/krug/immigracija_v_rossiju_iz_postsovetskih_respublik_chast_vtoraja_2009-10-06.htm

13. Фильм «Пряники из картошки» // YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=m-mYNLB5Ufo>

14. Новый закон о мигрантах значительно ужесточит условия въезда в Россию // Вечерний Краснотурьинск. URL: <http://krasnoturinsk.info/novyyj-zakon-o-migrantax-znachitelno-uzhestochit-usloviya-vezda-v-rossiyu>

15. Заяц Д. Белорусские гастарбайтеры: кто они, почему нелегалы и сколько зарабатывают // Naviny.By. Белорусский новостной портал. URL: http://naviny.by/rubrics/society/2013/02/04/ic_articles_116_180722

16. Социологи составили портрет гастарбайтера // Фемида [информационно-аналитический портал правозащитной деятельности Кыргызстана]. URL: <http://femida.kg/sociologi-sostavili-portret-gastarbajtera>

Г.В. Богословская
Проблема интеграции
детей русских эмигрантов «четвертой волны»
во Франции

В настоящее время в условиях глобализации все более актуальной становится проблема интеграции мигрантов, стремящихся влиться в общество страны иммиграции, обрести свою «вторую родину». Изменения в политической и экономической жизни нашей страны в последние десятилетия создали возможность свободной эмиграции наших соотечественников, одним из традиционных направлений которой для России является Франция. После распада СССР в 1991 году началась «четвертая волна» эмиграции русских во Францию, которая, в отличие от предыдущих трех «волн» эмиграции на протяжении XX века, происходивших «по политическим мотивам», имела главным образом экономические причины. Отличительными чертами эмигрантов «четвертой волны» являлось отсутствие политических причин для эмиграции, преимущественно экономическая мотивация отъезда, а также отсутствие ориентации на последующее возвращение в Россию. Последнее обуславливало стремление не столько к сохранению родного языка и русской культуры, которое было особенно характерно для эмигрантов «первой волны» (после Революции в России 1917 года), сколько к тому, чтобы наилучшим образом воспринять культуру страны иммиграции и интегрироваться во французское общество [1, с. 51–56].

Проблема интеграции русских эмигрантов во французское общество в период с 1990-х гг. по настоящее время чрезвычайно многогранна и сложна. В данном исследовании мы рассмотрим такой ее немаловажный аспект, как интеграция детей российских эмигрантов во Франции. Актуальность проблемы адаптации именно детей эмигрантов обусловлена тем, что для взрослого эмигранта-родителя способность его ребенка влиться в общество своей новой страны проживания не менее, а иногда и более важна, чем собственная благополучная адаптация. Неудача же ребенка в этом смысле зачастую равносильна неудаче и родителя-эмигранта и может стать причиной его реэмиграции (отъезда) из страны.

В целом в различных странах Евросоюза русские эмигранты и их дети при адаптации сталкиваются с похожими проблемами: трудности в поиске работы, недостаточное знание языка страны иммиграции, а также уровень знакомства с чужой культурой, восприятие менталитета. Но специфика Франции в некоторых аспектах более благоприятна для русских эмигрантов, чем, к примеру, Германии, Австрии или Финляндии, так

как во Франции традиционно более толерантное отношение к «чужакам», к людям, не являющимся носителями французской идентичности [1, с. 77–78].

Миграционная политика современной Франции предусматривает следующие условия приема иностранцев, в частности, наших соотечественников, а также их детей. Автоматически получают французское гражданство: дети, в том числе и усыновленные, у которых как минимум один родитель — француз;

дети, рожденные во Франции, у которых как минимум один родитель также родился во Франции; дети, родившиеся во Франции, родители которых неизвестны. Одной из целей современной иммиграционной политики является более эффективный контроль семейную иммиграции, в частности, процедуры воссоединения семей. Согласно новому иммиграционному законодательству, иммигрант имеет право пригласить во Францию родственников лишь после работы в стране в течение двух лет, причем одним из условий этого является «интеграция в общество и особенно знание французского языка»[2].

Как для родителей, так и для их детей знание языка страны иммиграции является ключевым фактором дальнейшей успешной интеграции во французское общество. Слабое знание французского языка сильно усложняет процесс социально-психологической адаптации ребенка, налаживание связей со своим окружением (сверстниками, педагогами, другими взрослыми), усиливает чувство тревоги и зависимости, в то время как успешное овладение языком, напротив, всячески способствует налаживанию контактов и помогает заслужить уважение коренных французов [3, с. 76].

Изучением проблемы адаптации детей русских эмигрантов во Франции занимаются специальные центры поддержки российских эмигрантов. Исследования в этом направлении проводит Французский Институт исследования общественного мнения (ФИОМ) [4]. Так, в 2008 году ФИОМ проводились опросы, целью которых являлось выявление проблем, с которыми сталкиваются эмигранты из разных стран при интеграции во французское общество. В опросе принимали участие 65 эмигрантов из России (родители) в возрасте от 28 до 45 лет. Среди трудностей, с которыми столкнулось большинство родителей, переехавших во Францию, на первом месте стоит незнание языка — это пункт отметили свыше 50% респондентов. Материальные трудности (27% респондентов) и отсутствие работы (21% респондентов) занимают в списке проблем лишь второе и третье места. А между тем знание либо незнание французского

языка родителями в значительной мере определяет возможность или же невозможность быстрого и успешного овладения языком их детьми.

Большинство респондентов, принимавших участие в данном опросе, проживали во Франции на момент проведения исследования от 2-х до 7 лет и имели детей в возрасте от 6 до 18 лет. По результатам опроса свободно говорили на французском языке 35% детей респондентов, хорошо — 29%, оставшиеся 36% испытывали выраженные трудности. Причем в возрастной категории от 10 до 18 лет процент детей, свободно говоривших на французском, был большим, в то время как языковые трудности испытывали в основном дети в возрасте от 6 до 9 лет [5, с. 230–233].

Главную роль в усвоении детьми русских эмигрантов французского языка играют детские сады и школы, а также специальные русские детские центры, где проводятся курсы французского языка для детей [6]. При этом домашнее воспитание для большинства детей не играет определяющей роли в усвоении ими французского языка, так как дома абсолютное большинство родителей и их детей (87%) говорят на русском языке. Французский язык в домашнем общении присутствует, как правило, лишь в тех семьях, где один из родителей — француз [5, с. 229–231].

Кроме специализированных исследований, проводимых ФИОМ и центрами поддержки русских эмигрантов во Франции, достаточно обширную информацию о проблемах адаптации детей русских эмигрантов дают также специальные русскоязычные форумы. Истории русских эмигрантов и их детей, описанные на форумах, косвенно подтверждают правильность оценок ФИОМ, согласно которым большой процент (36%) детей испытывают значительные трудности в общении по причине недостаточного владения языком [7, 8]. На форумах описано немало примеров неудавшейся интеграции, причем в ряде случаев есть основания предполагать, что она кроется в сложном материальном положении эмигрант-родителя, либо же в индивидуальном характере ребенка, низкой способности к адаптации.

Нами были также изучены результаты опросов, посвященных интеграции русских эмигрантов во Франции, проводимых Союзом русофилов Франции в 2004 г. и Центром русского языка и культуры в 2011 г. Не имея возможности останавливаться на них подробно, вкратце результаты этих опросов мы можем охарактеризовать следующим образом: опрос 2004 года показывает несколько более низкий уровень интеграции детей русских эмигрантов, чем опрос ФИОМ 2008 г. [9], в то время как опрос 2011 г. — напротив, несколько более высокий [10]. В целом же результаты обоих этих опросов вполне сопоставимы с результатом опроса ФИОМ 2008 г.

Язык, безусловно, является главным средством налаживания контактов и интеграции в общество страны иммиграции, но не меньшее значение также имеет восприятие ребенком культуры и образа жизни французского общества. В 2011 году на форуме infrance.su проводился опрос, посвященный проблеме усвоения детьми русских эмигрантов французской культуры (музыка, книги, телевидение и т.д.). В опросе приняли участие 36 русских эмигрантов — родителей детей в возрасте от 6 до 16 лет. Опрос показал следующие результаты. Дети 25% респондентов предпочитают русские народные сказки, 7% детей любят и русские, и французские сказки. Дети 45% респондентов слушают и русскую, и французскую музыку; в 78% рассмотренных случаев дети читают и русские, и французские книги. Большинство родителей и детей отдают явный приоритет французскому телевидению: французские телеканалы смотрят 69% детей респондентов, в то время как российские телеканалы подключены не более чем у 25% участников опроса.

Некоторая часть опроса была посвящена оценке психологического состояния ребенка, переживающего нелегкий процесс адаптации к жизни на своей новой родине: доволен ли ребенок переездом во Францию, скучает ли по России, легко ли заводит друзей во Франции. 38% детей опрошенных — в основном «переходного возраста» (от 12 до 16 лет) — скучают по России. Легко заводят друзей дети более трети опрошенных, в то время как дети оставшихся 62% испытывают с этим определенные трудности, связанные со степенью владения языком, а также частью с предубеждениями коренных французов против иностранцев [8]. Так, участница форума russianparis.com Светлана писала, что дети французов из благополучных «буржуазных» районов «не замечают» иностранцев и часто не принимают их детей в свой круг (не допуская к участию в играх, не приглашая на детские праздники и т.д.) [11]. При этом свыше 84% родителей и их детей не жалеют о решении переехать на постоянное место жительства во Францию.

Но данным Союза русофилов Франции 2012 г., менее 10% эмигрантов, дети которых так и не сумели преодолеть интеграцию, реэмигрируют в Россию [4].

Таким образом, исследование специализированных форумов, а также результатов опросов по нашей проблеме, проводимых в период с 2004 по 2011 гг., нацеленных на выявление степени интеграции детей русских эмигрантов во французское общество, дает следующую картину. Хотя интеграция детей проходит с немалыми трудностями, большинство рано или поздно преодолевают эти трудности, усваивая французский язык

и культуру, успешно налаживая контакты со сверстниками, и постепенно начинают воспринимать Францию как страну, в которой они хотят жить. Это, в свою очередь, дает возможность эмигрантам-родителям планировать дальнейшую жизнь во Франции для себя и своих детей. При этом практически у всех эмигрантов и их детей проявляется сильное тяготение к своей русской идентичности — использование в домашнем общении русского языка, а также интерес к русской культуре. Но такое тяготение к своим корням не препятствует интеграции, а только помогает эмигрантам и их детям сохранить целостность собственной личности, обеспечивает возможность гармоничного существования в рамках французской и русской культур.

Литература

1. Берелович В. Россия и Франция: горизонты взаимопознания. М., 2001.
2. Сайт посольства Российской Федерации во Франции. URL: <http://www.france.mid.ru>
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2008.
4. Боргулев М. Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России. URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geoculture/wold/resume1
5. Тандонне М. Иммиграционная политика во Франции и проблема нелегальной миграции. М., 2002.
6. Коваль С. Русские во Франции и мировая культура. URL: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=251>
7. Форум Zabougornov. URL: <http://www.zabougornov.org/forum/cgi13>
8. Форум InFrance. URL: <http://www.infrance.su/forum/len8>
9. Антипенко Д. Русские во Франции: проблемы интеграции. URL: <http://www.russophonie.org/drupal/?q=node/3>
10. Алтуфьев Л. Русские или французы? URL: <http://www.nord-russe.fr/index.php/immigrants>
11. Форум RussianParis. URL: <http://www.russianparis.com/forum/module06>

Е.А. Вьюжанина
Образ мигранта из Таджикистана
в российских масс-медиа

В общественном сознании всегда присутствуют различные стереотипы. На формирование восприятия образа мигранта из Таджикистана огромное влияние оказывает масс-медийная сфера. Социальное осмысление неизбежно формирует стереотипы, фобии и мифы. Оформленные социальные представления при доминировании стереотипизированных образов влияют на степень взаимного доверия и, следовательно, выстраивание определенного типа взаимодействий [1, с. 51]. Согласно данным Федеральной миграционной службы (2008 г.), именно российские СМИ, по мнению более чем 40% граждан РФ, способствовали формированию нетерпимого отношения к мигрантам в стране [2]. Так ли это на самом деле?

СМИ нередко формируют однобокий, негативный, стереотипный образ мигранта из Таджикистана. Только 6% россиян одобрили бы их приезд в Россию на постоянное место жительства [3, с. 86]. Сейчас в России слово «таджик» используется часто не как обозначение этноса. Этим словом сейчас обозначают чернорабочих из Средней Азии, которые за небольшие деньги готовы выполнять любую работу. Очень часто в СМИ можно встретить публикации, в которых говорится о столкновениях мигрантов и местного населения. Такие статьи формируют мнение, что мигранты являются агрессивными и провоцируют конфликты. Хотя такие же банальные сюжеты потасовок, где мигранты не задействованы, в СМИ освещаются очень редко. Часто встречаются публикации с такими заголовками, как «Таджики перевозили героин в гранатах» [4], «Таджики в Москве похищали китайцев» [5], «Один день со смотрительницей туалетов» [6].

Огромное влияние на формирование образа таджика оказал сериал «Наша Раша», появившийся на телеканале «ТНТ» в ноябре 2006 года [7]. Запомнившимися персонажами в нем стали гастарбайтеры из Таджикистана Равшан и Джамшут. В сериале они представлены как не очень сообразительные мигранты, которые за копейки выполняют работу, и которые терпят всяческие унижения со стороны своего начальника. Казалось бы, невинная комедийная телепередача, однако имя «Джамшут» уже стало нарицательным. Об этом говорят непосредственно сами таджики: «Однажды я беседовал с моим местным русским другом. К нам подошел выпивший парень, знакомый моего друга. Как узнал, что я из Таджикистана, с насмешкой спросил: «Ты — Равшан? Или Джумшут?» Я ответил ему спокойно: «Ни тот, ни другой. Я — таджик. Не надо оскорблять, брат!» [8].

Под влиянием данного стереотипа работодатели считают, что трудовым мигрантам из Таджикистана можно платить меньше, зачастую работодатели, да и просто большая часть россиян, позволяют себе пренебрежительное отношение к таджикам.

Проанализировав информацию о таджикских мигрантах в российской масс-медийной сфере, можно выделить основные черты образа таджика:

- глупы;
- имеют неопрятный внешний вид;
- часто инфицированы опасными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ);
- не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих;
- плохо знают русский язык;
- не уважают «наши» правила поведения, обычаи и культуру (лезут в чужой монастырь со своим уставом);
- создают острейшие социальные проблемы, обостряя обстановку в российских городах и селах, провоцируют ксенофобию.

Подтверждают наличие таких стереотипов среди россиян и данные социологических опросов. Например, в 2013 году Левада-Центр провел опрос «Отношение к мигрантам» [9]. На вопрос «Какие качества, на ваш взгляд, присущи мигрантам?», россияне дали следующие ответы:

незнание русского языка, трудности в коммуникации	53
низкая квалификация при выполнении своей работы	42
неопрятный, отталкивающий внешний вид	35
навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев	28
высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах	27
невежливость, неделикатность	19
общительность	5
аккуратность	4
отзывчивость, желание помочь	4
другое	3
не знаю/не хочу отвечать	10

Говоря о стереотипах, не стоит забывать, что чаще всего стереотип является утрированной действительностью. Что же является поводом для формирования подобных стереотипных образов таджикских мигрантов?

Огромное влияние на стереотипный образ таджиков оказывает образ самого Таджикистана. Таджикистан является одной из наиболее бедных стран мира и по основным макроэкономическим показателям отстает от других государств Центральной Азии [10]. У страны просто недостаточно средств на образование и медицину, отсюда и вытекают стереотипы, связанные с недостатком образованности таджиков, а также это объясняет то, что многих таджиков считают носителями тяжелых заболеваний. У россиян создается впечатление, что Таджикистан — страна третьего мира. Также нужно отметить, что на мнение о таджиках как о людях недалеких оказывает влияние недостаточное знание русского языка. Кстати, незнание русского языка и культуры — частично вина и заинтересованной в трудовых мигрантах российской стороны. Отсутствие федеральной программы адаптации трудовых мигрантов мешает успешной интеграции таджиков в российское общество. Конечно, существуют некоммерческие организации, которые помогают адаптироваться мигрантам, но усилий этих организаций попросту недостаточно для решения этой проблемы.

Есть и второй стереотип, формируемый СМИ, его можно назвать более позитивным. Периодически появляются статьи с такими заголовками как «Король оранжевых жилетов. Один день с мигрантом Яшей» [11], «Помогли дворники. Сосед спас детей из пожара, но героем себя не считает» [12], «Один день с нелегальным кондуктором маршрутных такси» [13]. Такие публикации вызывают сочувствие и понимание у россиян, в них рассказывается о тех проблемах, с которыми сталкиваются таджики в России. А статьи с такими заголовками: «Языки братских народов. Где научат читать Хайяма и Навои в оригинале?» [14] рассказывают о культуре таджикского и других братских народов, показывая тем самым россиянам, что Таджикистан — это страна не только со слабой экономикой, но и со своими древними традициями и культурой.

Нужно отметить, что в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации [15] говорится о необходимости создания благоприятных условий для успешной интеграции мигрантов в российское общество. Для этого Федеральной миграционной службой был создан законопроект, с помощью которого предполагается формирование образа «позитивного мигранта». «Федеральный орган исполнительной власти <...> организует проведение информационных кампаний, направленных на формирование позитивного образа мигранта и укрепление межнационального согласия в обществе», — говорится в законопроекте, разработанном ФМС и направленном на культурную адаптацию приезжих. Авторы законопроекта предполагают, что он вступит в силу уже с 1 января 2015 года [16].

Изучив образ таджика в российских масс-медиа, можно сделать вывод, что таджики в большинстве публикаций показаны с негативной стороны, также есть огромное число публикаций, которые оспаривают необходимость мигрантов для страны в целом. Все эти публикации создают негативные стереотипы и мешают объективному восприятию таджиков жителями России. Но нужно отметить, что «спрос рождает предложение»: статьи, в которых таджики показаны с негативной стороны, имеют действительно высокие рейтинги. Нельзя обвинять только авторов статей в предвзятом отношении к таджикам: прежде чем статьи попадают в печать, их согласовывают с редакторами. Пока россиянам будет интересно смеяться над «Джамшутами и Равшанами» телевидение будет давать им эту возможность, а СМИ будут публиковать негативные статьи, тем самым стимулируя формирование новых и укрепление старых негативных стереотипов, связанных с таджиками. Для того, чтобы позитивные образы стали более востребованными, необходимо изменение реальных условий использования труда мигрантов в России.

Литература

1. Мукомоль В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. № 1 (75).
2. СМИ негативно влияют на формирование образа мигранта у россиян — ФМС. Сообщение РИА Новости. 20.09.2008. URL: <http://ria.ru/society/20080930/151731060.html>
3. Попова И. Осипова В. Отношение принимающей стороны к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2013. № 1 (114).
4. Бойко А. Таджики везли в Москву гранаты с героином // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/daily/26180/3070164>
5. Бойко А. Таджики в Москве похищали Китайцев // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.by/daily/25789/2772267>
6. Фарберова К. Один день со смотрительницей туалетов // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/oneday/36904>
7. Наша Раша. // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E0%F8%E0_Russia
8. Отчего в России таджикам нелегко. URL: <http://shohoni.wordpress.com/2011/08/15>
9. Отношение к мигрантам. URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam>
10. Экономика Таджикистана // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Таджикистана

11. Железнова К. Король оранжевых жилетов. Один день с мигрантом Яшей // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/society/people/1123696>
12. Кульгузкин Р. Помогли дворники. Сосед спас детей из пожара, но героем себя не считает // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/incidents/41227>
13. Кульгузкин Р. Один день с нелегальным кондуктором маршрутных такси // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/oneday/37128>
14. Ефимова А. Языки братских народов. Где научат читать Хайяма и Навои в оригинале // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/society/education/1189587>
15. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации. URL: http://www.fms.gov.ru/documentation/koncept_mig_pol
16. Власти решили создать в России образ «позитивного мигранта» Сообщение РИА Новости. URL: <http://ria.ru/society/20140311/999040907>

П.В. Жеребятьева

***Миграция латиноамериканцев и формирование
стереотипов их восприятия
в общественном сознании США
(первая половина XX — начало XXI вв.)***

Этапы, характеризующиеся динамичной миграцией латиноамериканского населения в США, можно разделить на два основных периода: первый ограничен рамками конца XIX — начала XX вв., второй определяется серединой XX (1960-е гг.) — началом XXI в. Появление возможности благоустройства в более развитом государстве (США) и желания проведения культурной, политической и экономической экспансии в Соединенных Штатах, а также естественный прирост численности данной этнической группы являются основными факторами увеличения популяции латиноамериканцев в данном государстве. Закрытие созданной в 1942 г. правительствами США и Мексики системы упрощенных трудовых договоров, получившей название «программа брасеро», которая предоставляла мексиканцам статус сезонных сельскохозяйственных рабочих, послужила толчком к началу миграции граждан Мексики, а как следствие, и всех стран Латинской Америки в Соединенные Штаты [1; 2].

После Американо-Мексиканской войны 1846–1848 гг., итогом которой стало определение четкой границы между странами по Договору

Гваделупе-Идальго (1848 г.), США отошла 1/3 часть всей территории Мексики, включая современные штаты Техас, Калифорния, Аризона, Невада, Юта, Нью-Мексико, Колорадо и часть Вайоминга. При подписании данного документа был оговорен пункт о натурализации 100 тысяч мексиканцев, которые после раздела страны предпочли остаться в ее северной части, отошедшей США [3; 4]. Данное событие стало начальной точкой в истории латиноамериканской миграции в Соединенные Штаты.

Временной отрезок с 1850-х по 1920-е гг. характеризовался резким увеличением количества латиноамериканских мигрантов, достигшим 600 тыс. человек [5]. Большую часть латиноамериканского населения составляли выходцы из Мексики, численность которых в период после Великой депрессии (1930-е гг.) была равна 1,5 миллиону с наибольшим сосредоточением ее представителей в штатах Калифорния, Техас и Аризона [6]. Это связано с определенными историческими событиями, произошедшими в данный отрезок времени.

Первая мировая война наложила особый отпечаток на условия существования иммигрантов в США: к 1918 г. на территории этой страны стала резко ощущаться нехватка рабочей силы. Пытаясь выйти из этой ситуации, конгресс и Иммиграционное бюро разработали меры по обеспечению рынка труда дешевой рабочей силой. Созданная программа позволила Иммиграционному бюро получить возможность принятия мексиканских рабочих для сельских нужд и строительства железных дорог. Данный гибкий подход к привлечению рабочей силы был использован Службами иммиграции и натурализации для снижения уровня социального напряжения в стране, связанного с массовым притоком европейских мигрантов, который резко увеличился в связи с Первой мировой войной [7].

Значительный прирост латиноамериканского населения в США наблюдается в период с 1970-х гг. Известно, что в указанное время лишь около 300 тыс. мексиканцев и 40 тыс. латиноамериканцев получили легальное разрешение на проживание в Соединенных Штатах. На протяжении данного временного отрезка количество мексиканских и латиноамериканских мигрантов в Америке стремительно увеличивалось вплоть до начала XX в. [8; 9]

Вопросы, касающиеся иммиграционной политики и миграции, всегда имели очень бурный отклик в народных массах. Среди американцев преобладает мнение о том, что большая часть иммигрантов проживает в стране нелегально, и что они преимущественно являются выходцами из стран Латинской Америки, а большая часть — из Мексики, а также

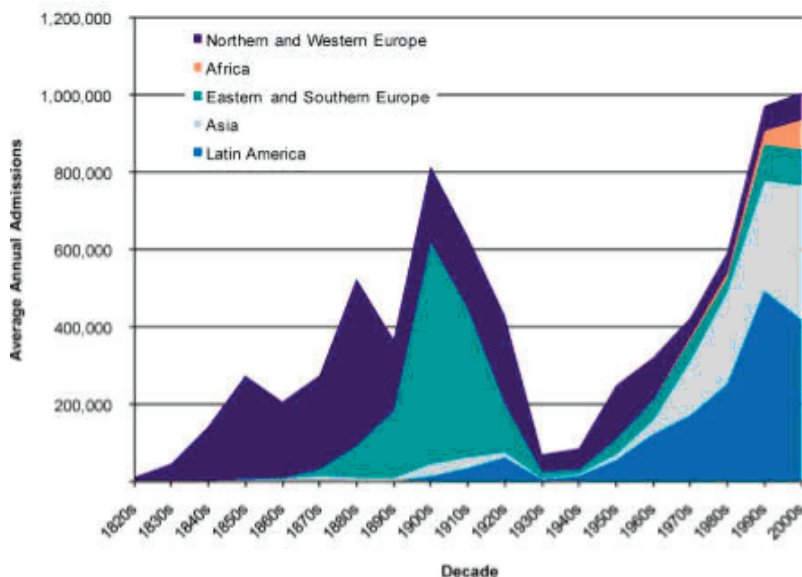
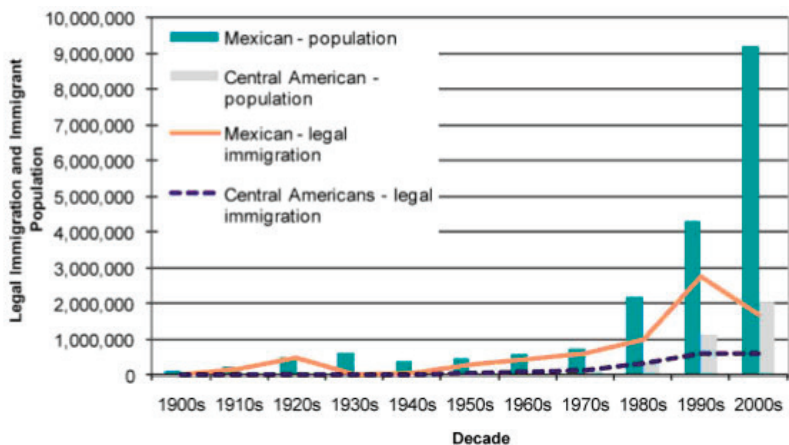

Таблица среднего ежегодного иммиграционного потока в США, рассортированного по месту происхождения, 1820–2000 гг.
(Источник: Department of Homeland Security (DHS). Yearbook of Immigration Statistics. Washington, DC. DHS, 2010).

что ущерб, наносимый ими экономике США, превосходит их хозяйственный вклад — согласно данным опроса, проведенного институтом Гэллапа в 1993 году [10]. Граждане Соединенных Штатов также убеждены в том, что их страна принимает слишком много переселенцев из Латинской Америки. Данный факт свидетельствует о том, что тревогу населения вызывает больше нелегальная, чем легальная миграция. В подтверждение этого можно привести результаты социологического опроса: девять из десяти респондентов отмечают, что стоит усилить охрану границ США. Исследователи, проводившие данный опрос, отмечают, что отношение к иммигрантам «частично обуславливается состоянием макроэкономики и заметно осложняется с ухудшением перспектив трудоустройства» [11].

С 1960-х гг. до начала XXI в. численность мигрантов из Латинской Америки увеличилась с 1,5 миллиона (3,24% от общего числа населения США) до 50 миллионов (16%) в настоящее время. Латиноамериканцы имеют огромное влияние на формирование современного облика Соединенных Штатов в экономической, социальной, политической и культурной

Число мексиканских и центральноамериканских иммигрантов в США, численность легальных иммигрантов и населения в целом, 1900–2000 гг. (Источник: DHS. Yearbook of Immigration Statistics. Washington, DC. DHS. US Census Bureau. US Census, various years).

сферах [12; 13]. Их образ в общественном сознании американцев очень противоречив и имеет определенные особенности.

Мигранты из Латинской Америки никогда не являли собой образ «врага народа». Стоит заметить, что изначально отношение к ним было двойственным, т. к. американцы воспринимали их как «чужих». Очевидно, что на ранней стадии взаимоотношений четко прослеживалось явление ксенофобии — «навязчивый страх — боязнь незнакомых лиц; враждебность ко всему чужому, не своему, иностранному (образу жизни, идеям, мировоззрению)» [14].

Со временем у американцев начали формироваться стереотип — «стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно ярко эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты» [15, с. 89]. Образование стереотипов в сознании человека может быть связано с некоторыми факторами.

1. Упрощение, т. е. нежелание индивида углубляться в суть и вдаваться в подробности существования какого-либо определенного объекта.

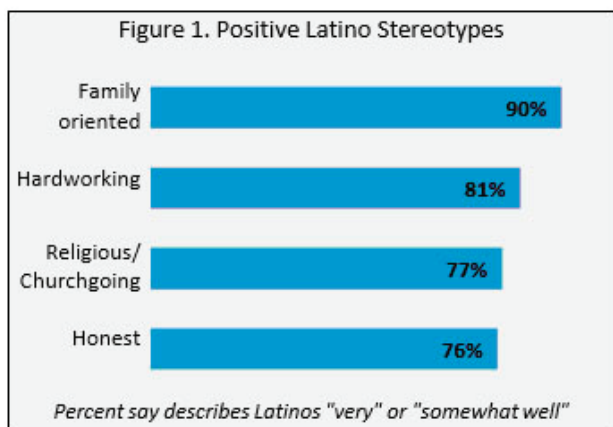
2. Отсутствие близкого контакта с представителями групп, о которых были образованы стереотипы, а также формирование в сознании отдель-

но взятой личности образа на основании собственной оценки поведения таких представителей.

3. Желание человека унижить или возвысить представителя какого-либо национального меньшинства в силу определенных личных соображений.

Исходя из этого, стереотипы можно разделить на три вида: позитивные, негативные и нейтральные.

Проведенный Национальной латиноамериканской медиа коалицией 2002 г. в США опрос показал, что выходцы из стран Латинской Америки воспринимаются американцами нелатиноамериканского происхождения как «сосредоточенные на своей семье» (90%), «трудоголики» (81%), «преданные католики» (77%), «честные», «открытые» (76%) [16]. Учитывая массовость и распространенность киноиндустрии на телеэкранах в Соединенных Штатах, по результатам опроса, проведенного вышеуказанной организацией, стереотипы о латиноамериканцах на американском телевидении выглядят следующим образом: «латиноамериканцы появляются на экранах часто в роли отрицательных героев криминальной сферы деятельности» (71%), «латиноамериканцы исполняют только роли садовников» (64%), «латиноамериканцы очень редко играют адвокатов и судей» (47%), «латиноамериканцы никогда не были мной замечены в роли садовника, прислуги или преступника» (5%), «латиноамериканские актеры часто задействованы в роли докторов, адвокатов, судей» (5%) [16].

Позитивные стереотипы о латиноамериканцах.
(Источник: Media Stereotypes on Opinions and Attitudes Towards Latinos. National Hispanic MediaCoalition).

Итак, начав воспринимать латиноамериканцев как «чужих», граждане Соединенных Штатов по истечении определенного времени, пережив определенные исторические события, смягчили свое отношение к мигрантам. Образ выходцев из стран Латинской Америки в общественном сознании США остается неоднозначным, но распространение влияния латиноамериканских стран во всех сферах жизнедеятельности является очевидным доказательством удачного сотрудничества этих стран.

Литература

1. United States Congress, Senate. Committee on the Judiciary, History of the Immigration and Naturalization Service, 96th Cong. 2d Sess., Dec. 1980. Washington, DC., U.S. Government Printing Office, 1980. С. 51, 57, 65. URL: <http://www.nps.gov/latino/latinothemestudy/immigration.htm>
2. Castillo R.G. del. The Treaty of Guadalupe Hidalgo: A Legacy of Conflict. Norman, 1990.
3. Chávez E. The U.S. War with Mexico: A Brief History with Documents. Boston, Bedford/St. Martin's, 2008.
4. De León A., Castillo R.G. del. North to Aztlán: A History of Mexican Americans in the United States, 2nd ed. Wheeling, IN, 2006.
5. Gratton B., Gutmann M.P. Hispanics in the United States, 1850–1990: Estimates of Population Size and National Origin // Historical Methods 33, no. 3. US, 2000. P. 137–153.
6. Balderrama F.E., Rodríguez R.. Decade of Betrayal: Mexican Repatriation in the 1930s. Albuquerque, 2006.
7. Calavita K. Inside the State: The Bracero Program, Immigration, and the INS. NY, 1992.
8. Department of Homeland Security (DHS). Yearbook of Immigration Statistics. Washington, DC, various years.
9. US Census Bureau. US Census, various years.
10. De Sipio L., Garza R. de la. Making Americans, Remaking America: Immigration and Immigration Policy. Boulder, 1998. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_20.html
11. Espenshade J., Belanger M. Immigration and Public Opinion. Crossings: Mexican Immigration in Interdisciplinary Perspectives, Cambridge, MA, 1998. P. 363–382.
12. Carter S.B. Historical Statistics of the United States: Earliest Times to the Present, Vol. 1, Part A-Population. NY, 2006. P. 1–177.
13. Motel S. and Patten E. Hispanic Origin Profiles. Washington, 2012. P. 1.

14. Энциклопедический словарь под общ. ред. А.А. Бодалева. Психология общения. М., 2011.

15. Ольшанский Д.В.. Глоссарий по политической психологии. М., 2003.

16. National Hispanic Media Coalition. Media Stereotypes on Opinions and Attitudes towards Latinos // Latino decisions, September, 2012.

Е. С. Красилова
Эволюция отношения к шведам в России
в эпоху Смутного времени

В настоящем докладе мы не будем рассматривать непосредственно проблему восприятия мигрантов, а обратимся к более общей теме — к формированию восприятия «чужих» в историческом контексте, а также складыванию этнических стереотипов в отношениях между народами.

Этнические стереотипы являются неотъемлемой частью общественного сознания. В общественном мнении существуют стереотипы в отношении «своих» и «чужих». Однако именно образ «чужого» часто оказывается искаженным, односторонним, пристрастным. Данная закономерность проявляется также и по отношению к образу мигранта, активно формируемому в современном мире [1]. Присутствие мигрантов на территории государства обычно сопровождается формированием «образа чужого», который представляет опасность для граждан страны [2]. Однако следует отличать абстрактного «чужого» — некий обобщенный образ незнакомца — от «чужого» как врага. Если отношение к незнакомым «чужим» может складываться на основе равнодушия, отстраненного нейтрального интереса или естественного любопытства, соединенного с чувством некоторого опасения, то восприятие «чужого» как врага есть прямой путь к конфронтации и враждебности [3, с. 3–7, 23–39]. Однако нельзя утверждать, что «образ врага» или негативные этнические стереотипы порождают конфликты. Напротив, ситуация конфликта, напряженности чаще представляет собой почву для возникновения, становления и развития «образа врага» [4].

Исторический процесс содержит немало событий, в ходе которых качественно изменялось отношение народов друг к другу. Одним из таких событий является шведское военное присутствие в России в период Смутного времени, запечатленное в народной памяти как «немецкое разорение».

В советской историографии действия шведских войск в России оценивались как интервенция. В течение длительного времени исследователями употреблялся термин «польско-шведская интервенция», однако современная российская историография отказалась от данного термина, не найдя ему замены. Так, исследователь Г.М. Коваленко называет шведское присутствие «вторым призванием варягов» [5]. Отношение русских к шведам, принимавшим активное участие во внутривосточной борьбе Московского царства эпохи Смуты, остается малоизученной проблемой и заслуживает отдельного внимания.

Шведское военное присутствие в начале XVII в. можно назвать уникальным явлением в истории допетровской Руси. В течение почти восьми лет иностранные войска находились на ее территории. Нарушив традиционную замкнутость русского общества, они принесли сюда свой жизненный уклад, свои обычаи, свой язык [5]. Если до этого времени связующим звеном между Русским и Шведским государствами выступал Новгород, то в период Смуты «свейские немцы» появились не только на северо-западе страны, но и в Москве. Следует отметить, что с XVII в. происходит интенсивное распространение понятия «немец» в значении «человек, говорящий неясно», «иностранец». Этнонимом «нѣмьчинъ» обозначались не только германоязычные народы — немцы, шведы, датчане, но и другие иноземцы западноевропейского происхождения. После поражения Ивана Грозного в Ливонской войне Москве пришлось больше считаться со Швецией, а потому «свейских немцев» стали отличать от прочих немцев. [6]

Основанием для вступления шведского войска на территорию Московского царства стал Выборгский договор 1609 г., призванный привлечь шведские силы для утверждения власти царя Василия Шуйского. Помощь Швеции фактически воспринималась Москвой как единственная сила, способная разрешить внутренний кризис в русском обществе в условиях польской интервенции. Тем самым, «чужих» шведов, пришедших на русскую землю, не считали захватчиками; соответственно, говорить о формировании «образа врага» здесь также не представляется возможным.

Присланным из Швеции войском командовал внук Юхана III Якоб Делагарди. Поход объединенного русско-шведского войска, возглавляемого М.В. Скопиным-Шуйским, к Москве (1610) завершился поражением самозванца Лжедмитрия II. В народном творчестве М. Скопин-Шуйский и Я. Делагарди олицетворяли союз России и Швеции; со смертью М. Скопина-Шуйского «союз» распался. Следует отметить, что шведы придавали большее значение освобождению мелких городов на севере и северо-западе, нежели изгнанию войска Лжедмитрия II из Москвы, однако мандат

шведского короля Карла IX был достаточно неопределенным (оказать помощь русскому войску без уточнения места и времени), поэтому соглашение о направлении похода в итоге было достигнуто. Одновременно проявились и первые разногласия между шведами и русскими.

Между тем, грабежи и насилия, творимые поляками, их попытки насадить католичество в православной стране побуждали русский народ к борьбе против иноземцев и иноверцев. Но если поляки остались в народной памяти как «просто разбойники», которые «грабили все», то шведы предстают здесь в несколько ином качестве. Так, в одном из народных преданий сказано: «Красавчики шведы, одетые нарядно, шли в Панозеро». Будучи интервентами, шведы «брали мелочи, забирали имущество, били, издевались всячески», «людей убили, коров убили», «согнали в церковь сорок карел и зарезали», однако они действовали как регулярная армия, а не разбойничья шайка [5]. Следовательно, в разгар польской интервенции русский народ проявлял к шведам достаточно лояльное отношение, несмотря на их вышеупомянутое агрессивное поведение, больше свойственное захватчикам, нежели союзникам.

После свержения В. Шуйского, прихода к власти Боярской думы в форме Семибоярщины и приглашения на русский престол польского королевича Владислава происходит консолидация русского общества, начинают формироваться народные ополчения. В ходе Первого ополчения рождается идея о приглашении на московский престол одного из шведских принцев, Карла Филиппа. Вместе с тем, свержение В. Шуйского ознаменовало фактическую отмену условий Выборгского договора, и летом 1611 г. Я. Делагарди штурмом взял Новгород, принудительно заключив с ним договор и установив в городе оккупационный режим. При этом шведы продолжали выступать совместно с русскими войсками, фактически проявляя дружественный антипольский нейтралитет [7].

В октябре 1612 г. участники Второго ополчения во главе с Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским освободили Москву от польских интервентов. К тому времени отчетливо сказывалась усталость всех слоев общества от военных действий, жажда порядка, который воспринимался русским народом как восстановление традиционных устоев. После освобождения Москвы в государстве наблюдается стремление к изгнанию захватчиков-чужеземцев. При этом как поляков, так и шведов считали виновными в разорении страны, что проявляется в феврале 1613 г. на Земском соборе, избравшем русским царем Михаила Романова. Собор отклонил кандидатуры польского и шведского принцев. Следует отметить, что решение было принято без участия новгородских представителей [8, с. 91].

Тем самым, в конце периода Смутного времени наметилась явная тенденция к враждебности по отношению к шведам. Образ шведа как «чужого» постепенно вытесняется в массовом сознании «образом врага».

Качественный перелом в отношении русских к шведам произошел в 1614 г., когда король Густав Адольф после отклонения шведской кандидатуры в цари и избрания Михаила Романова попытался навязать Новгороду унию со Швецией. Новгородцы ответили отказом, упомянув, что уже присягнули ранее принцу Карлу Филиппу, после чего шведское правление в Новгороде значительно ужесточилось. В Москве понимали, что освобождения Новгорода от шведской оккупации в скором времени не произойдет; шведы, в свою очередь, считали неуместным дальнейшее бесцельное расходование ресурсов. Стороны повели открытую борьбу за души и территории, продолжавшуюся до 1617 г. и завершившуюся подписанием Столбовского мирного договора, в разработке которого принял участие и Я. Делагарди.

Шведский король Густав Адольф после заключения Столбовского мира сделал открытое заявление о том, что Швеции удалось «отрезать» Россию от Балтийского моря, а также монополизировать торговлю русским хлебом и другими экспортными товарами [7]. Вместе с тем, остались нерешенными вопросы относительно некоторых спорных территорий. Следовательно, были неизбежными дальнейшие противоречия между Швецией и Россией, что впоследствии привело к Северной войне 1700–1721 гг.

Таким образом, характер шведского военного присутствия на территории Российского государства в эпоху Смутного времени менялся в зависимости от внутривнутриполитической ситуации. Шведы пришли в Россию как союзники в соответствии с условиями Выборгского договора 1609 г. для оказания помощи правительству Василия Шуйского, однако смена правящих кругов и консолидация русского общества для борьбы с иноземными захватчиками, стремление к централизации государства путем избрания нового царя определили враждебное восприятие шведов как чужеземцев, а также потребность народных масс в полном изгнании захватчиков — шведов и поляков. Тем самым, наблюдая эволюцию отношения к шведам в России в период Смутного времени, можно говорить о своеобразной трансформации «образа чужого» в «образ врага» в ходе конкретных исторических событий, когда происходит взаимное «узнавание» народов, а также закладываются основы будущих этнических стереотипов.

Литература

1. Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-migranta-v-sovremennyh-rossiyskih-smi>
2. Андреева Т.В. Дискурс-анализ центральной прессы: социально-культурный фон временных трудовых миграций из стран СНГ в Россию. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Andreeva>
3. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994.
4. Солдатова Г.У., Макаrchук А.В. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006. URL: <http://psyfactor.org/lib/xenophobia.htm>
5. Коваленко Г.М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. URL: <http://coollib.net/b/271433/read>
6. Кан А. Шведско-русские культурные связи в XVII–XVIII вв. URL: <http://www.bibliotekar.ru/polk-16/10.htm>
7. Русская Смута: шведский фактор (Интервью с доктором исторических наук, профессором ВШЭ Адрианом Селиным). URL: <http://gefter.ru/archive/11835>
8. Кан А.С. Швеция и Россия — в прошлом и настоящем. М., 1999.

А.Е. Плесовских

Политика европейских стран и США по отношению к миграции еврейского населения с территорий Германии и оккупированных ею стран (1933–1939 гг.)

На протяжении многих веков миграции для еврейского населения были одной из основных проблем, сопровождающей почти всю историю евреев. Главная причина была в отсутствии единого еврейского национального государства. В разные периоды истории миграции происходили из-за изменений в религиозных, политических и экономических порядков в тех странах, где проживали евреи. Один из важных и тяжелых периодов миграции связан с нацистским правлением в Германии (1933–1945 гг.). Эмиграция затронула не только территории, оккупированные нацистской Германией, но и другие европейские страны и США. Было бы интересно выявить отношение различных западных стран к еврейским мигрантам через призму проводимой ими миграционной политики.

Проблема еврейской миграции в период нацистского правления в Германии довольно широко освещена в зарубежных и отечественных исследованиях. Среди использованных нами работ можно отметить обобщающую статью сотрудника Представительства Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Республике Беларусь Ю.Ф. Моргуна, а также конкретно-историческое исследование Я. Басина «Еврейский вопрос и эмиграционная политика Германии и США в 1933–1938 гг.», где приводятся статистические данные [1,2]. Необходимую информацию по данной проблеме содержат также работы Я. Рабинера «Предисловие к трагедии» и израильского историка Yehuda Bauer «The Holocaust, America and American Jewry» [3,4].

Еврейскую миграцию в период с 1933 по 1939 г. можно разделить на следующие категории.

1. В зависимости от ее правового статуса:

- легальная;
- нелегальная.

Легальная иммиграция основывалась тогда на допустимых квотах въезда евреев в какую-либо страну, а нелегальная иммиграция шла с нарушением правил мандатных властей.

2. Основные направления:

- Палестина;
- другие европейские страны;
- США.

Также необходимо сказать о характере эмиграции. 30-е годы характеризуются усилением потока еврейских мигрантов из Германии, а конец 30-х годов XX века характеризуется большим потоком эмигрантов из Чехословакии и Австрии. Очевидно, что это было следствием оккупации Германией соседних стран. Еще одной чертой является вынужденность эмиграции. Первоначальный замысел Гитлера был в том, чтобы заставить многих евреев покинуть Германию, а тех, кто останется, депортировать из страны. Для этого для них были созданы тяжелые жизненные условия внутри государства, и это должно было стимулировать у евреев желание покинуть страну. Статистические результаты можно видеть на Таблице 1.

Почти одновременно с приходом Гитлера к власти в октябре 1933 г. Ассамблеей Лиги Наций для еврейских беженцев из Германии было решено создать отдельное ведомство верховного комиссара по делам беженцев — выходцев из Германии во главе с Дж.Г. Макдональдом. Основной поставленной задачей было проведение переговоров о международном сотрудничестве для решения экономических, финансовых и социальных

Таблица 1

Межконтинентальные миграции евреев
между 1915 г. и маем 1948 г. [5]

Направление миграций	1915 г. – май 1948 г.	1915–31 гг.	1932–39 гг.	1940 г. – май 1948 г.
	тыс. (%)			
Всего иммигрировало	1600 (100)	760 (100)	540 (100)	300 (100)
Среднегодовая миграция	48	45	68	37

проблем мигрантов. Но Лига Наций не выделяла на это отдельного бюджета, и все затраты пополнялись еврейскими благотворительными организациями. А основные вопросы решались в области юридической и политической опеки евреев. Все усилия этого ведомства были напрасны без полномочий Лиги Наций, и деятельность этого отдела приостановилась. Однако ведомство верховного комиссара по делам беженцев из Германии принесло положительные результаты как в обеспечении правового статуса беженцев, так и в координации работы многочисленных еврейских добровольных и филантропических организаций.

Одной из следующих попыток помощи еврейским мигрантам послужила Межправительственная Эвианская конференция, созванная по инициативе президента Ф. Рузвельта в июле 1938 г. На конференции присутствовали представительства 32-х стран, 39 частных организаций и 21 еврейской организации. Все участники выразили свое соболезнование мигрантам, но ясно дали понять, что никто не собирается впускать мигрантов на территории своих стран. Основные аргументы были следующие:

- некоторые страны уже впустили максимальное число еврейского населения;
- другие не могут принять евреев в связи с экономическим кризисом;
- остальные заявили о том, что на территории их стран нет конфликтов на национальной почве и нет желания допустить такого рода конфликты.

И только одна страна согласилась впустить до ста тысяч евреев — это Доминиканская республика [6].

По итогам конференции был учрежден Постоянный межправительственный комитет, центр которого находился в Лондоне. Комитету удалось

добиться согласия правительства США в течение ближайших пяти лет максимально заполнить квоту для мигрантов из Германии, Австрии и Чехословакии. Также благодаря деятельности Комитета было заключено международное соглашение о разрешении транзитным мигрантам пересекать границы без паспортов.

Таблица 2

Страны, принявшие еврейских беженцев в 1933–43 гг. [7].

Страна	Число принятых (в тыс.)	%
Соединенные Штаты	190	23,4
Палестина	120	14,8
Англия	65	8,0
Франция	55	6,8
Нидерланды	35	4,3
Бельгия	30	3,7
Швейцария	16	1,9
Испания	12	1,5
Др. европейские страны	70	8,8

Анализируя вышеприведенные данные, можно сказать, что только три страны приняли наибольшее число беженцев: США, Палестина и Англия.

На миграционную политику по отношению к евреям влияли несколько факторов. Во-первых, по сравнению с некоторыми другими европейскими странами, в данный период США и Англия не были охвачены антисемитскими настроениями. Во-вторых, в США на протяжении долгих лет существовала многочисленная еврейская диаспора, которая включала в себя влиятельных в политических кругах людей. В связи с этим США стали государством, принявшим наибольшее число евреев. Палестина, помимо того, что была подмандатной территорией Великобритании, также была исторической родиной еврейского народа, поэтому многие евреи искали там свое убежище.

Оценивая попытки проведения мер по улучшению положения евреев, стоит рассмотреть обратную сторону этого явления — антииммиграционную политику европейских стран. Наиболее известным примером

антииммиграционной политики по отношению к евреям стала судьба парохода «Сент-Луис», который 13 мая 1939 года вышел из Гамбурга на Кубу, имея на борту 936 пассажиров, в том числе 930 евреев. Несмотря на то, что за билеты были заплачены большие деньги, а у большинства имелась кубинская виза, евреям не удалось высадиться на Кубе. Пароход вернулся в Европу и только потом европейские страны договорились между собой о количестве евреев, которые примет Франция, Великобритания, Голландия и Бельгия [8].

Также неоднозначной была политика Великобритании. В 1920 году ее подмандатной территорией стал Эрец-Израиль, а позже и вся Палестина. Английское правительство заручилось обязательством, что создаст в Палестине два государства: арабское и еврейское, и в период с 1922 по 1939 год было выпущено шесть Белых книг, касающихся создания еврейского государства. Но в 1939 году правительственный курс резко изменился и в Белой книге был выражен новый принцип, по которому «Британское правительство полагало, что при неограниченном расширении еврейского национального очага в стране воцарится «право сильного». В течение последующих пяти лет количество иммигрантов-евреев не должно было превышать семьдесят пять тысяч человек, и еврейское население должно было составить 1/3 населения Палестины. По истечении пятилетнего срока въезд евреев в страну запрещался» [9].

В качестве еще одного примера можно привести события в Польше. В 1938 году 17 тысяч евреев, имевших польское гражданство, были насильно изгнаны из Германии на польско-немецкую границу. Польские власти отказались впустить изгнанных на свою территорию, но последствия «Хрустальной ночи» все же повлияли на решение принять большинство евреев. А в 1939 году в Польшу были изгнаны еще 10 тысяч евреев [10].

Нацистская политика породила такую проблему, как массовая еврейская миграция. Данный фактор напрямую затронул международное сообщество. Необходимо было принять решение: либо остаться в стороне, либо занять активную позицию по решению данной проблемы. Можно выделить основные причины, повлиявшие на занятие той или иной позиции. Во-первых, сказывалось отношение европейских стран и США к нацистскому режиму в Германии. В тех странах, где существовала критика нацистской политики по отношению к евреям, как правило, принимали большее число беженцев. В качестве примера могут служить США, Великобритания, Норвегия, Дания, Голландия и даже Италия, так как Муссолини не был сторонником антисемитизма. Соответственно, страны, поддерживавшие антисемитскую политику, не только

не принимали беженцев, но и пытались выдворить еврейское население из своей страны. Вторым немаловажным фактором было влияние еврейской общины в том или ином государстве. Примером могут быть США и Великобритания, где община была наиболее развита и влиятельна. Третьим фактором можно считать степень распространенности в обществе антисемитских настроений, которые влияли на миграционную политику по отношению к евреям: число квот на въезд беженцев, помощь в эмиграции из Германии и т. д.

Итак, анализируя попытки западных стран помочь евреям-мигрантам, можно сделать вывод, что как до начала, так и во время Второй мировой войны эти попытки не оказались достаточно эффективными. Главным результатом миграционной политики европейских стран по отношению к евреям в период с 1933 по 1939 гг. стало то потенциальное число евреев, которые пострадали вскоре от политики тотального уничтожения. Предприняв необходимые меры в миграционной политике, можно было сократить число жертв в период 1941–1945 гг.

Литература

1. Моргун Ю. Беженцы — глобальная проблема XXI века // Международное общественное объединение по научно — исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». URL: <http://evolutio.info/content/view/431/52>
2. Басин Я. Еврейский вопрос и эмиграционная политика Германии и США в 1933–1938 гг // Заметки по еврейской истории. № 16 (119). Октябрь 2009 г. URL: <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer16/Basin1.php>
3. Рабинер Я. Предисловие к трагедии // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/rab_pred.php
4. Bauer Y. The Holocaust, America and American Jewry // Israel Council of Foreign Relations. URL: <http://www.israelcfr.com/documents/6-1/6-1-6-Bauer.pdf>
5. Миграции // Электронная еврейская энциклопедия URL: <http://www.eleven.co.il/article/12754>
6. Беженцы // United States Holocaust Memorial Museum URL: <http://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005139>
7. Беженцы // Электронная еврейская энциклопедия URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=10464&query=>
8. The Tragedy of S.S. St. Louis // U. S Policy during the Holocaust. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsourc/Holocaust/stlouis.html>

9. Черчилль У. Шестидневная война // Электронная библиотека RoyalLib URL: http://royallib.ru/read/cherchill_uinston/shestidnevnaaya_voyna.html#0

10. Полян П. Принудительные миграции // Международный Мемориал. URL: <http://www.memo.ru/history/deport/polyan0.htm>.

А.С. Рыжих

***Иммиграция во Францию из стран Магриба
и восприятие французами иммигрантов
«мусульманской культуры»***

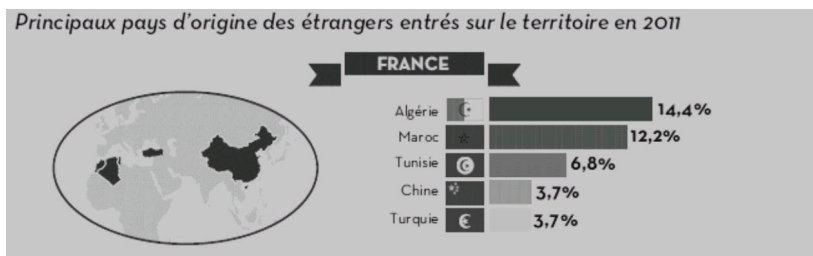
Франция исторически является «землей, дарующей убежище» различным категориям мигрантов, в основном политическим. Притоки политических мигрантов во Францию имели место в результате революций и гражданской войны в России, поражения республиканской Испании, прихода к власти в Италии Муссолини [1].

В отличие от других европейских стран, Франция стала страной иммиграции со второй половины XIX века, вследствие отсутствия трудовых ресурсов из-за низкой рождаемости. После 1914 г. хлынула значительная волна трудовых мигрантов, прежде всего и из стран Магриба.

В течение послевоенного периода причина иммиграции в эту страну изменилась. До 1970-х гг иммиграция из стран Магриба в основном осуществлялась по экономическим причинам, приезжавшие были мужчинами, по происхождению алжирцами, марокканцами, а также гражданами европейских стран — испанцами, итальянцами, португальцами. Затем мотивы, побуждавшие иммигрантов (теперь уже среди них все больше и больше стало появляться женщин), изменились на такие, как поиск наиболее благоприятных условий для жизни и работы, воссоединение с семьями, получение образования, поиск убежища и другие.

По данным переписи 1999 г., во Франции-метрополии проживало 3,3 млн иностранцев и 4,3 млн иммигрантов-французов или иностранцев, получивших французское гражданство, но родившихся за пределами Франции-метрополии [2]. В 2000 г. «семейная иммиграция» на 26% состояла из марокканцев, на 23% — из алжирцев, на 16% — из европейцев; среди трудовых мигрантов 24% — из Магриба, 23% — Азии, 21% — Америки, 14% — Европы. Иммиграция носит в основном семейный характер (63%), на работу приезжает около 17%, а в поисках убежища — 5% иностранцев [3].

Основные страны, из которых переселились мигранты на территорию страны в 2011 г. — это Алжир, Марокко, Тунис, Китай и Турция [4].

Проблема восприятия иммигрантов во Франции напрямую связана с отношением французов к мусульманам, поскольку наибольшее количество иностранцев прибывают из Северной Африки — Алжира, Марокко, Туниса и т. д. (по данным на 2010 г их число составило 1 544 156 человек — 40,4% от общего числа мигрантов во Франции [5]), где государственной религией является ислам, которому во всех отношениях иммигрант остается верен. Выходцы из этих стран на разном уровне пытаются интегрировать свою религию во французское общество, что крайне беспокоит граждан страны. Увеличение числа носителей нефранцузской культуры в течение длительного периода привело к переосмыслению составляющих французской идентичности и уже к нескрываемому расизму.

В отличие от иммигрантов из европейских стран, чья общая религиозная основа, семейный уклад, близкий к французскому уровень образования способствовали быстрой интеграции — на протяжении одного поколения — во французское общество, с большими трудностями столкнулось арабо-мусульманское население.

За последние 30 лет напряженность вокруг проблемы иммиграции усиливается: в начале 2013 года 70% опрошенных полагали, что во Франции «слишком много иностранцев» и 62%, что «они больше не чувствуют себя как дома» [6]. (Опрос был проведен международной компанией по исследованию рынка Ipsos).

В большинстве своем граждане Франции в вопросе иммиграции обвиняют не иммигрировавшего рабочего, который «отбирает работу у француза», но мусульманина, который, без особых препятствий, считается интегрисом (10% считают его полноценным интегрисом, 44% — отчасти [7]), то есть сторонником обратить в свою религию весь мир. Данные пропорции варьируются в зависимости от возраста и политической

направленности опрошенных, но данные или схожие точки зрения по большей мере укореняются в массовом сознании всех категорий опрошенных. Ислам расценивается 74% французов как не толерантный и не совместимый с ценностями французского общества [8].

Постепенно происходит размежевание между гражданами мусульманского и немусульманского вероисповедования. Хотя 66% респондентов считают, что французы-мусульмане являются «французами, как и все остальные», тем не менее, в 2005 г. этот показатель был выше на 11%. Более половины опрошенных склонны упрекать иностранцев, которые не могут «нормально» интегрироваться, а 37% считают ответственным за это французское общество, которое не в состоянии создать адекватные условия для адаптации иммигрантов [9].

15 мая 2003 года были опубликованы результаты опроса под названием: «Ислам, интеграция, иммиграция: мнение французских граждан», проведенного Ipsos. В опросе принял участие 951 гражданин Франции старше 18 лет [10].

1. Как вы полагаете, станут ли проблемы, связанные с иммиграцией, более серьезными через 10 лет чем сейчас?

Таблица 1

	Вместе %	Результаты согласно политической принад- лежности			Результаты опроса, проводимого Ipsos в феврале 1998 %
		Левые парла- мента- рии %	Правые парла- мента- рии %	Крайне правые %	
Более серьезные	47	36	48	82	46
Менее серьезные	9	11	10	1	12
Ни более, ни менее серьезные, чем сейчас (2003 г.)	42	50	40	17	33

Продолжение таблицы 1

Затрудня- юсь отве- тить	2	3	2	—	9
	100	100	100	100	100

2. Как вы в общем относитесь к созданию Французского совета мусульманского культа?

Таблица 2

	Вместе %	Результаты согласно политической принадлежности		
		Левые парла- ментарии %	Правые парла- ментарии %	Крайне правые %
Создание Сове- та позволит облег- чить интеграцию ислама во Фран- ции и уменьшит риск росту фанатиз- ма по отношению к исламу	55	62	58	27
Создание Совета будет способство- вать укоренению исламских ценно- стей во Франции и благоприятство- вать росту фанатиз- ма по отношению к исламу	33	24	31	69
Затрудняюсь ответить	12	14	11	4
	100	100	100	100

В 2011 году этой же компанией в 23 странах были проведены социологические опросы по вопросам иммиграции, в них приняли участие более 27 тысяч человек в возрасте от 16 до 64 лет. Вопросы, заданные опрошенным французам, и статистические данные:

1. Как Вы думаете, положительно или отрицательно иммиграция влияет на вашу страну?

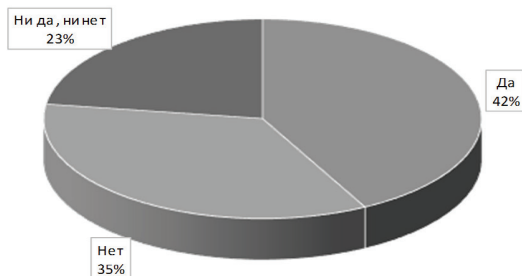
Результаты ответов были следующие:

2. Как вы думаете, создает ли наличие иммигрантов трудности при трудоустройстве на работу?

3. Лишь 24% опрошенных считают, что иммиграция улучшает экономику Франции.

Является ли иммиграция помехой при трудоустройстве француза на работу?

4. Можете ли вы сказать, что во Франции слишком много иностранцев? 52% опрошенных французов считают, что в их стране «слишком много иностранцев».

Можно заметить, что результаты 2011 года отличаются от 2013 почти на 20% [11]. Результаты исследований расистских и ксенофобских настроений французов за последние 10 лет выражаются достаточно стабильными и высокими цифрами: 43% опрошенных (в 2000 г.) заявили, что они «скорее» или «немного» расисты, 28% считают себя «совсем не расистами» и 26% — «не явными расистами». Предметом расистских настроений являются в первую очередь магрибинцы (75%), их второе поколение (55%), «черные» (44%) [12]. По мнению некоторых ученых, этноцентризм, ксенофобия стали для значительной части французов структурообразующим элементом восприятия мира и жизненных ценностей.

В то же время французы продолжают высказывать привязанность к республиканским ценностям: 62% считают, что «прочность демократии проверяется ее способностью интегрировать иностранцев», и 51% расценивают присутствие иммигрантов как источник культурного многообразия и обогащения национальной культуры. [13].

Анализируя опросы общественного мнения и статистические данные, связанные с отношением французов к иммигрантам из мусульманских стран, а также с оценкой уровня ксенофобии и исламофобии, можно сделать вывод, что с годами уровень недоверия к иммигрантам из стран Магриба увеличивается. Зачастую на мнение граждан оказывают влияние многочисленные волнения в беспокойных районах Парижа и Марселя. Опасения вызывает не традиционный «спокойный» ислам, а его фундаменталистские движения и проявления. Мусульмане все больше и больше пытаются заявить о своих правах на французской земле: выделение комнат для молитв, мест для ритуального забоя скота, мусульманских карре на кладбищах и т. п. К тому же во французском обществе формируется убеждение, что положение иммигрантов в отношении социальных льгот лучше, чем у коренного населения. Многие жители пригородных районов крупных городов покидают свои дома во избежание конфликтов и ущемлений со стороны соседей-иммигрантов.

Особенность иммиграции во Францию заключается прежде всего в причинах, которые побуждали граждан других стран переезжать сюда. Французское правительство раньше других западноевропейских стран начало привлекать большое количество рабочих из своих бывших колоний, чтобы справиться с нехваткой рабочей силы и решить демографическую проблему.

Другой особенностью является то, что иммигранты, обустроившись на французской территории, имели возможность перевезти своих родственников, а государство всячески способствовало воссоединению семей. Таким образом, в данный момент потомки превышают число самих мигрировавших.

Литература

1. Рязанцев С.В. Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы. Москва. 2001. С.35.
2. Bernard Ph. Immigration: le defi mondial. Gallimard, 2002. P. 135–136.
3. Lebon A. Migrations et nationalité en France 1998. La Documentation française, 1999.
4. Immigration: le sondage dont on ne parle pas. 24.10.2011. URL: <http://www.franceinter.fr/blog-le-blog-deric-valmir-immigration-le-sondage-dont-on-ne-parle-pas>
5. Répartition des étrangers par nationalité. Insee. Recensement 2010, exploitation principale. URL: http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=etrangersnat
6. Стрельцова Я. Чужие: «Плюсы» и «минусы» миграции // Вестник Европы. 2005. № 15. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/str10.html>
7. La religion musulmane fait l'objet d'un profond rejet de la part des Français. Le Monde. 24.01.2013.
8. Les crispations alarmantes de la société française. Le Monde. 24.01.2013. URL:
9. La lutte contre le racisme, l'antisémitisme et la xénophobie. Année 2006. URL: <http://lesrapports.ladocumentationfrancaise.fr/BRP/064000264/0000.pdf>
10. Islam, intégration, immigration: l'opinion des Français. 15.05.2003. URL:
11. Immigration: le sondage dont on ne parle pas. 24.10.2011. URL: <http://www.franceinter.fr/blog-le-blog-deric-valmir-immigration-le-sondage-dont-on-ne-parle-pas>
12. Le racisme ou pas parmi les français? Le Monde. 02.07.1998.
13. L'intégration des immigrants français // Le Monde. 18.9.2004.

А.И. Сидорова
Миграция китайцев на территорию
Дальнего Востока и Сибири
и ее влияние на формирование образа Китая в России
(конец XX — начало XXI вв.)

В истории России было два периода динамичной миграции из Китая, один из них относится к концу XIX — началу XX вв., второй — к периоду конца XX — начала XXI вв. Активизация русско-китайских отношений во второй половине 1980-х гг. привела к всплеску энтузиазма по поводу экономического сотрудничества с Китаем. Большую лепту в экономические отношения России с Китаем внесло Межправительственное соглашение о принципах направления и приема китайских граждан на работу в РФ, благодаря которому российские дальневосточные компании получили право нанимать китайских рабочих для работы по контракту [1].

Отношения между русскими и китайцами в конце XX — начала XXI вв. основывались преимущественно на торговле, поэтому стереотипы о китайцах возникали, как правило, как о торговцах. Следует подчеркнуть, что русские воспринимали их не как отдельные личности, а, как «массу», многочисленный народ. Китайцев считали непрехотливыми, работоспособными, предприимчивыми. Также, в сознании русского человека для них были характерны антисанитария, общинность и корпоративный дух [2].

Согласно данным ВЦИОМа, жители Амурской области к «основным» чертам китайцев причислили «трудолюбие» (20,5%), «наглость» (13,4%), «неопрятность» (9,4%), «хитрость» (8,6%), «предприимчивость» (6,6%), «коллективизм» (2,6%), «некультурность» (2,4%), «упрямство» (2,3%) и т. д. [3].

Интересная тенденция просматривается в различии отношения к китайцам и китайским мигрантам у жителей Москвы и жителей приграничных областей. Это привело исследователей из Центра Карнеги к выводу, что «чем интенсивнее контакты местного населения с китайцами, тем меньше оно склонно положительно характеризовать личные качества мигрантов» [4].

В начале 1990-х гг. в приграничных районах России широко распространились представления о том, что китайская миграция представляет угрозу российским интересам и населению этой части страны. В этом можно увидеть возрождение многих традиционных мнений, которые впервые появились в России в конце XIX в. В постсоветской России возобновилось обсуждение многих опасений XIX в., таких как: вероятность «китаизации» Дальнего Востока и Сибири, возможность конкуренции

со стороны дешевой китайской рабочей силы, опасность китайской организованной преступности и наркоторговли. Можно заметить и повторение терминологии того времени: вновь стали использоваться такие понятия, как «китайская угроза», «желтая угроза».

Одним из самых сильных страхов, связанных с китайцами, была экспансия. Выделяются три вида экспансии: территориальная, демографическая и экономическая.

В результате опроса, проведенного в июне 2001 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ), на открытый вопрос: «Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово «Китай»?» дали ответ 72% участников. Согласно ФОМ, больше всего россиян впечатляет численность населения Китая: 17% опрошенных отметили именно это («густозаселенная страна»; «многолюдие»; «миллиард там живет»; «скоро все на земле будут китайцами»; «Китай — многолюдная страна»). В то же время 4% участников опроса посчитали Китай опасным соседом («войну хотят делать»; «теперь мы им не верим»; «захватили Владивосток»; «Китай — это опасность: их много и им жить надо») [5]. Названное исследование наглядно иллюстрирует, что русские люди не просто воспринимают Китай, как невероятно многочисленное государство, но и опасаются его именно из-за возможности захвата русских территорий китайцами. Данные опасения находили отражение и в научных трудах. Так, Л.Л. Рыбаковский, О.Д. Захарова, В.В. Миндогулов в своей книге утверждают, что Китай имеет серьезные территориальные претензии к России и всячески стимулирует оседания китайских мигрантов на территории России и их интеграцию в социокультурную среду страны пребывания [6, с 35–36].

Страх демографической экспансии обусловлен малонаселенностью территорий Дальнего Востока и Сибири и перенаселенностью северных китайских провинций. Частью угрозы демографической экспансии также являются смешанные браки, способствующие легализации нелегальных мигрантов. Кроме того, русские опасаются появления поселений с подавляющим большинством китайского населения, которые в дальнейшем могут потребовать автономии, а затем присоединения к Китаю.

Экономическая экспансия основывается на представлении о том, что мигранты всегда претендуют на ресурсы принимающей страны. В отношении китайских мигрантов действуют следующие мнения: «они отбирают рабочие места у россиян; они вывозят (воруют) наши природные ресурсы; они увозят капиталы из России».

Формированию негативного образа китайцев в России во многом способствовали политика и пропаганда правительства приграничных

областей РФ. В январе 1997 г. администрация Приморского края издала специальный сборник документов, в котором утверждалось, что российский Дальний Восток всегда подвергался экспансии со стороны граничащий с ним государств и что Китай — один из наиболее активных участников экспансии. Среди причин экспансии назывались китайские демографические и экологические проблемы и официальная китайская политика поощрения миграции китайского населения. В документе китайцы представлялись в худшем свете и обвинялись в нарушении действующего законодательства и ведении противоправной деятельности [7]. В том же году был принят ряд мер против нелегальной миграции со стороны Китая и был издан указ, согласно которому индивидуальные торговцы лишались права легальной деятельности [8,9]. Данные меры уменьшили не только количество китайских мигрантов на территории России, но и масштабы экономического сотрудничества в приграничных областях. Объем торговли Дальнего Востока с Китаем упал в 4,7 раза (с 1188 млн. до 250 млн. долл.) [10, с 86].

В целом, общественное мнение по поводу китайцев в 1990-е гг. было неоднозначным. Опрос жителей южной части Приморского края, проводившийся в 1992 г., показал, что жители Дальнего Востока, в общем, положительно оценивали Китай. К Китаю в целом «хорошо» относились более половины опрошенных, а «плохо» — лишь 13%. В то же время к китайцам «хорошо» относились только 32% населения юга Приморья, 38% — «безразлично» и 23% «отрицательно» [11].

Однако нужно заметить, что даже на приграничных территориях Китай знают довольно плохо и контакты с китайцами нерегулярны. Исследования отношения местного населения к китайским мигрантам в трех городах (Москве, Хабаровске и Владивостоке), проведенное в 1998 и 1999 гг. Московским центром Карнеги, показывало, что контакты между русскими и китайцами были довольно редки и что опасения по поводу прибытия сотен тысяч, а то и миллионов китайцев в Россию, очень преувеличены. Большинство жителей городов, в которых численность китайцев считается самой большой, лишь иногда встречали китайцев на улицах или рынках (конечно, подобные контакты в дальневосточных городах более интенсивны, чем в Москве (см. табл. 1).

Большинство русского населения, в целом, не было негативно настроено по отношению к китайцам. И хотя некоторые считали, что китайские мигранты принесут пользу экономическому развитию России, многие полагали, что они играют положительную роль в росте торговли (см. табл. 2).

Таблица 1

Характеристика контактов россиян с китайцами

Частота и характер контактов	Доля респондентов (в процентах к итогу по городам)		
	Москва	Хабаровск	Владивосток
Иногда — на рынке, в других местах	36,0	44,2	65,8
Часто встречаю на улице	21,5	35,3	42,3
Постоянно, живу рядом	12,0	5,1	3,8
Постоянно, вместе работаем	10,0	24,5	2,8
Постоянно, вместе учимся	4,5	0,9	0,9
Не могу определить национальность	12,0	0	0,4
Никогда не встречаю	4,0	1,4	0

Источник: Гельбрас В.Г. Китайская реальность России.
Москва, 2001. С. 135.

Таблица 2

Оценка россиянами последствий притока китайцев в Россию

Что положительно-го (отрицательного) в приезде китайцев?	Доля россиян (в процентах к итогу по городам)		
	Москва	Хабаровск	Владивосток
Оживили дела в торговле	33,5	58,9	61,4
Могут способствовать подъему экономики в России	21,0	22,4	9,8

Хорошие, трудолюбивые люди	13,5	6,0	0,8
Способствуют развалу экономики в России, вывозят валюту. От них одни только проблемы	4,5	3,1	10,3
Затруднились с ответом	29,0	16,5	19,7

Источник: Гельбрас В.Г. Китайская реальность России.
Москва, 2001. С. 146.

Необходимо отметить, что, несмотря на сложную историю взаимоотношений, в конце 1990-х гг. Китай считался основным стратегическим союзником России, что следует из опроса ВЦИОМа 1999 г. На вопрос «Какая страна, помимо стран СНГ, является, на ваш взгляд, основным стратегическим союзником России?», 22 % респондентов дали ответ «Китай». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что большинство (а именно 36%) ответили, что у России нет союзников за пределами СНГ [12].

При этом, отвечая на вопрос, «Какая страна представляет наибольшую угрозу интересам безопасности России?» лишь 1% участников опроса ВЦИОМа назвали Китай [13]. Можно сделать о том, что к концу 1990-х гг. угроза китайской экспансии в сознании русского народа постепенно ослабевала, а образ Китая становился все более позитивным и дружественным.

Итак, на протяжении последнего десятилетия XX века можно проследить изменение восприятия Китая и китайцев в России. «Образ врага» постепенно уходит в прошлое, а на смену ему приходит образ союзника. Опасный рост миграции в начале 1990-х объясняется ослабленностью страны, необходимостью дешевой и многочисленной рабочей силы, но недостаточными ресурсами и возможностями для контроля над трудовыми мигрантами. Постепенно Россия возвращала свою мощь, а с ней и уверенность на политической арене. Перелом в восприятии Китая был виден еще в конце 1990-х, и уже в наше время, несмотря на до сих пор существующие опасения по поводу «желтой угрозы», КНР воспринимается населением Российской Федерации как партнер.

Литература

1. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организации России. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части // Сборник российско-китайских договоров. М., 1999. С. 145–149.
2. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2010. С. 451–484.
3. Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 426–427.
4. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С. 162–163.
5. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 291–337.
6. Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. Москва, 1994. С. 35–36.
7. Предложения администрации Приморского края по завершению демаркации российско-китайской границы в пределах Уссурийского и Хасанского районов. Владивосток, 1999.
8. О мерах по регулированию пребывания граждан Китайской Народной Республики на территории Приморского края // Красное знамя. 1994. 14 мая. С. 3.
9. Наздратенко запретил китайским «челнокам» торговать // Известия. 1997, 22 октября. С. 4.
10. Александров М.В. Китай и Россия. Особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М., 2003.
11. Кунадзе Г.Ф. Тупики многополюсности // Новое время. 1999. № 12. С. 28.
12. Всероссийский опрос 15.09.1999, 1600 респондентов // Официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=387&q_id=31511&date=15.09.1999

13. Всероссийский опрос 15.03.1999, 1600 респондентов // Официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=353&q_id=28632&date=15.03.1999

Л.А. Шабалкина

Миграционная политика Оренбургской области и ее особенности

Очевидной и значимой проблемой Оренбургской области на сегодняшний день является дефицит кадров. Эта проблема выступает основным препятствием для социального и экономического развития региона. Однако существует еще одна немаловажная проблема — недостаточный спрос на рабочую силу на рынке труда.

Основными причинами данной ситуации являются низкая трудовая мобильность населения, а также несоответствие профессионально-квалифицированной структуры спроса существующему предложению. Эти причины обусловлены тем, что оренбургский рынок труда нуждается в квалифицированных специалистах и специальных программах для подготовки таких специалистов в области профессионального образования. На рынке труда в сельской местности эти проблемы стоят наиболее остро. Именно в селе наблюдается ярко выраженный дефицит квалифицированных кадров: это обусловлено, прежде всего, оттоком трудоспособного населения в город. Отток профессиональных кадров из сел и деревень зачастую приводит к деградации в прошлом экономически значимых сельскохозяйственных районов. В селах и деревнях уровень жизни намного ниже, чем в городской местности, а также наблюдается достаточно высокий уровень безработицы, который связан, в первую очередь, с разрушением колхозов. Из-за отсутствия рабочих мест наиболее предприимчивые сельские жители переезжают в города. Становится ясно, что такая ситуация становится препятствием для развития сельского хозяйства, а также приводит в упадок аграрный сектор экономики. В связи с этим нужно стремиться, чтобы в Оренбургской области урбанизация шла не за счет роста городов, а за счет урбанизации сельских районов, а именно — распространения в селах и деревнях городского образа жизни и городских видов деятельности [1].

Именно такое положение дел нуждается в необходимости решения проблем развития человеческого капитала в Оренбургской области. Стоит отметить основные направления в решении такого рода проблем:

- стимулирование рождаемости;
- повышение производительности труда;
- привлечение мигрантов.

Привлечение мигрантов активно используется во многих экономически развитых странах. Но, несмотря на острую необходимость в мигрантах, в Оренбургской области процесс их привлечения не реализован в полной мере, что является странным, потому что наш регион — приграничный регион России, где из 3700 км суммарной протяженности границы 1670 км — это граница с Казахстаном. Трудовая миграция при таком географическом положении Оренбургского региона должна стать наиболее важным источником для устранения дефицита трудоспособного населения.

Грамотно направленные потоки трудовых ресурсов, которые нуждаются в кадрах отрасли, могут исправить сложившуюся ситуацию на рынке труда. Причем точная регулировка деятельности со стороны властей по отношению к миграционным потокам требует учета всех факторов, которые влияют на мобильность трудовых ресурсов области.

Миграционные процессы — это важнейшая составляющая международных отношений как внутри страны, области или региона, так и в отношениях с другими странами. И внутренние и внешние миграционные процессы играют большую роль для политической, социальной, криминогенной и экономической ситуации как в области, так и в государстве. Без грамотной миграционной политики все эти процессы могут спровоцировать обратный негативный эффект на состояние всех сфер жизни населения. Чтобы предотвратить такой эффект, нужно учесть специфические черты миграционных процессов и явлений области для осуществления грамотно выстроенной региональной миграционной политики [2].

Наиболее важными составляющими, которые формируют численный состав населения и влияют на демографическое положение, являются миграционные движения. Также от них зависит и перераспределение сельского и городского населения. Межрегиональные перемещения и перемещения внутри области за 2008–2012 гг. в среднем составляют 87,6%. Причем 51% приходится на долю миграций внутри области. Стоит отметить, что одна часть населения переезжает временно, к примеру, на время учебы, а другая — на постоянное место жительства.

Именно миграционные процессы являются важным компонентом, который влияет на демографическую ситуацию и численный состав населения Оренбургской области [3].

Во внешней трудовой миграции наблюдаются негативные тенденции. Наша область характеризуется, по большей части, оттоком трудоспособного населения в соседние регионы, например, в Самарскую область, Башкортостан, Татарстан. Для жителей Оренбургской области эти регионы наиболее привлекательны, так как в них более высокий уровень жизни и более развит экономический сектор, а также в состав этих регионов входят города-миллионеры, которые способны предоставить населению альтернативу на рынке труда, что является немаловажным фактором.

Возвращаясь к проблемам сельского хозяйства, стоит заметить, что на сегодняшний день аграрный сектор экономики региона не обладает возможностями для развития фермерского хозяйства, для того чтобы предоставлять рабочие места переселенцам. Этот факт связан со сложностями при сбыте сельскохозяйственной продукции и отсутствием ресурсов для создания инфраструктуры для обслуживания сельского хозяйства [4]. Поэтому поток мигрантов распределен неравномерно: большая часть остается в районных и областных центрах, в которых выше уровень жизни и заработная плата, а также нет сложностей с трудоустройством.

Районы Оренбургской области, которые привлекают трудовых мигрантов, сосредоточены в радиусе 100 километров от областного центра. Например, Сакмарский и Оренбургский районы характеризуются стабильным и достаточно высоким миграционным приростом. Это связано с географическим положением этих районов, так как в них хорошо развита дорожная сеть, высокая транспортная доступность и близкое расположение газоперерабатывающих предприятий. Менее привлекательны для мигрантов восточные районы области. Потому, что они менее благоприятны для жизни и хозяйственной деятельности. Миграционный отток населения сосредоточен в Ясненском, Светленском, Кваркенском, Домбаровском и Адамовском районах [3].

Итак, в одних районах мы наблюдаем высокий уровень концентрации, а в других — отток населения. Для исправления сложившейся ситуации необходимо привлекать внешних мигрантов в отстающие районы, чтобы возродить аграрный сектор и сельскохозяйственные территории.

Проведем анализ влияния разных факторов на миграцию в Оренбургской области. Базовыми причинами миграции населения являются разница демографического, социального и экономического развития, а также разница в медицинском обслуживании, условиях труда, уровне жизни.

Реальные трудности ожидают мигрантов в такой наиболее значимой сфере, как трудоустройство. Во многом такого рода трудности возникают

из-за того, что профессиональный состав переселенцев зачастую совпадает с профессиональным составом местных жителей. Таким образом, нужно привлекать мигрантов, которые имеют профессии, связанные с теми секторами экономики, которые нуждаются в них. Но в нашей области эта система не достигла развития. В этой связи мигранты, которые приехали в Оренбургскую область в поисках высокого уровня жизни, работы и лучшего заработка занимают невостребованные рабочие места или становятся безработными.

Этот факт подтвержден данными опроса, который проводился в Оренбурге: 27% респондентов свое материальное положение оценили как бедственное, серьезные материальные затруднения испытывают 66%. Отмечается, что работники финансово-экономической сферы и сферы здравоохранения понесли наибольшие потери от переезда. 46% опрошенных негативно оценили условия труда и жизни, по сравнению с теми условиями, которые у них были на прежнем месте жительства. На сегодняшний день 21% опрошенных работают не по специальности, а 17% так и не смогли найти работу.

Если говорить о помощи, которую они ожидают со стороны местных органов управления, то на первом месте стоит жилищный вопрос, как отметили 63% респондентов. Большая часть опрошенных переселенцев считают, что помощь заключается в компенсации утраченного жилья (25%). 22% убеждены, что жилье должно им продаваться в рассрочку, а 16% считают, что им должны предоставляться льготы на строительство нового жилья. Второе место заняла проблема медицинского обслуживания. Эта проблема связана с неудовлетворительным состоянием медицинской сферы в странах Центральной Азии, откуда сосредоточен отток мигрантов [4].

Если рынок труда обладает достаточным уровнем гибкости, то прирост количества переселенцев позитивно влияет на него. Если же она отсутствует, то миграционные процессы будут оказывать негативное влияние. Традиционно невостребованные среди местных жителей рабочие места, которые не требуют достаточного уровня квалификации, при этом уменьшая недостаток рабочих кадров в непрестижных секторах экономики, занимают именно трудовые мигранты. С одной стороны, это способствует тому, что местные жители способны занять вакансию, которая соответствует специальности, а с другой стороны, возникает проблемная ситуация довольно низкой профессиональной подготовки кадров, которые зачастую заняты в агропромышленном комплексе. Ежедневно возникают современные образовательные запросы общества, которые, должны

удовлетворяться, отсюда возникает вопрос о создании наиболее объемной области дополнительных образовательных услуг.

Таким образом, грамотная миграционная политика способствует эффективному использованию нужного для региона потенциала такого процесса как миграция, а конкретно:

- компенсированию естественной убыли населения;
- обеспечению малонаселенных районов области трудовыми ресурсами;
- снижению уровня недостатка рабочих кадров в непрестижных и низкооплачиваемых сферах экономики;
- повышению удельного веса квалифицированных трудовых ресурсов.

Для стабилизации экономической и демографической ситуации Оренбургская область, которая является приграничным регионом РФ, нуждается в эффективном использовании своего географического положения. Миграционные процессы благотворно влияют на экономическую ситуацию в государстве, если за счет них область приобретает высококвалифицированных специалистов. Для исключения отрицательных последствий, которые влекут за собой процессы незаконной и неконтролируемой миграции нужно правильно и грамотно управлять миграционными процессами. Такая миграционная политика должна привлекать эмигрантов для повышения уровня жизни населения и экономического роста.

Литература

1. Макарова, Н.А. Влияние миграционных процессов. Миграция как важнейший источник восполнения дефицита кадров в Оренбургской области. URL: <http://regnet.uran.ru/ej/file-or/302>
2. Шабалкина Л.А. Миграция рабочей силы в РФ (социологический аспект): сборник статей. Оренбург, 2014.
3. Труд и занятость Оренбургской области 2010: статистический сборник. URL: <http://orenstat.gks.ru/default.aspx>
4. Спицын, А. И., Гончаров П.П., Кирхгесснер В.В. Проблемы миграции населения в Оренбуржье (учебное пособие). Оренбург, 2003.

Приложение 2. СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДОВ

Приветствия на семинаре 25.09.2014

Чернышов Ю.Г. Дорогие коллеги! Спасибо всем, кто пришел. Мы начинаем семинар, который является интеллектуальной разминкой перед мероприятием, которое начинается завтра — это наша ежегодная традиционная конференция Алтайской школы политических исследований. Конференция проводится каждый год с 1996 года, каждый год издаются сборники, это очень давняя хорошая традиция. Мы решили, что нужно делиться главным богатством конференции, а главное богатство — это эксперты, которые приезжают из других городов страны. Мы приглашаем всех желающих пообщаться с гостями накануне конференции. В прошлом году в этом зале мы проводили очень интересный семинар. В этом году замысел такой: мы попросили двух крупных академических ученых, специалистов в своей области, рассказать «просто о сложном». Хороший профессор должен уметь рассказывать просто о сложном и доносить итоги своих исследований до гуманитариев разных направлений. Это очень полезно.

Тема, которую мы взяли в этом году — «Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия» — междисциплинарная, как вы понимаете. Тут очень полезно обмениваться подходами, делиться наработками, задавать вопросы. Смысл нашей встречи — неформальное общение со специалистами, которые приехали к нам в Барнаул.

Очень коротко я хотел бы представить гостей нашей конференции. Вот здесь, на экране, список. Стоит их поприветствовать, они будут еще выступать на конференции завтра и послезавтра.

Веретевская Анна Вячеславовна, г. Москва

Гайкин Виктор Алексеевич, г. Владивосток

Игрунов Вячеслав Владимирович, г. Москва

Мартьянов Виктор Сергеевич, г. Екатеринбург

Турынская Христина Михайловна, г. Москва

Юн Ирина Михайловна, г. Санкт-Петербург

Два гостя, которые сегодня выступают — это Татьяна Николаевна Юдина, д.с.н., профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы Российского государственного социального университета (г. Москва). Тема выступления — «Развитие социологического знания о миграции».

И второй выступающий — Василий Рудольфович Филиппов, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (г. Москва). Тема — «Мифы об этнической идентичности и мировая политика».

У нас также присутствуют представители администрации университета. Сегодня у нас горячий день в университете. Работает несколько конференций, в том числе масштабный Форум «Алтай — Азия 2014», поэтому потоки ученых по коридорам перемещаются навстречу друг другу, и ректор, конечно, занят, зато у нас присутствует проректор по научной и инновационной работе, профессор нашего исторического факультета Тишкин Алексей Алексеевич и декан факультета профессор Демчик Евгений Валентиновна.

Тишкин А.А.: Уважаемые присутствующие, коллеги, гости нашего мероприятия! Очень рад всех поприветствовать в стенах Алтайского государственного университета. Действительно, жизнь довольно бурная у нас в университете сегодня, так просто совпало, этому способствует, наверное, и замечательная погода, и теплый прием, который всегда организует Алтайский государственный университет.

Я, насколько помню, все конференции АШПИ всегда были успешные, и эта конференция, которая традиционно уже проходит под эгидой Алтайского государственного университета, будет на должном уровне. На мой взгляд, тема, которую представили, и доклады создадут атмосферу заинтересованности, особенно со стороны молодых наших исследователей, студентов, магистрантов, аспирантов. Вы знаете, я скажу, что, наверное, больше для них эти мероприятия проводятся, чтобы почувствовать именно болевые точки политической, социальной жизни и актуальные проблемы современной исторической науки, почувствовать именно на таких семинарах. Поэтому я желаю всем успешных дискуссий, смелых вопросов, я призываю молодежь не стесняться задавать вопросы. Сегодня как раз такой подход, который довольно часто присутствует на наших конференциях и семинарах, когда идет «живое» общение, обсуждение тех докладов, которые будут представлены солидными учеными России. И я благодарен им за то, что они нашли время и приехали в Алтайский государственный университет. Не в последний раз, я думаю, и это будет хорошей традицией.

Хочу еще подчеркнуть то, что та конференция, которая проводится АШПИ и кафедрой всеобщей истории и международных отношений, не просто имеет свое лицо, а имеет солидный, мощный, инновационный массив, который издается постоянно в сборнике статей «Дневник АШПИ». Этот сборник мы обычно представляем как книгу результатов.

Этот сборник зарегистрирован как серийное издание, входит в РИНЦ. Более того, мы не только получили определенный статус, мы еще добились того, чтобы сборнику присвоили международный индекс цитирования. Это серьезный успех, это было сделано буквально в течение этого года. Я хочу поблагодарить Юрия Георгиевича, бессменного руководителя этих мероприятий, и исторический факультет.

Желаю всем удачи, и чтобы было не просто интересно, а познавательно, чтобы с нашего мероприятия вы вынесли какие-то новые, смелые идеи. Спасибо!

Демчик Е.В.: Дорогие гости, друзья, коллеги, уважаемые студенты, все присутствующие! Я очень рада вас видеть всех вместе. Это так редко бывает, когда профессор, как отметил Алексей Алексеевич, в неформальной обстановке общается с первокурсником, и я желаю, чтобы наш первокурсник ставил в тупик своими вопросами наших гостей.

Дело в том, что исторический факультет имеет традиции в изучении миграции, в том числе исторический опыт миграции сейчас изучается в рамках столыпинских переселений. И сейчас Центр по изучению реформ П.А. Столыпина изучает социокультурную адаптацию этих мигрантов в Алтайском регионе. И такой опыт уже накоплен, и публикации есть. Я очень рада, что Юрий Георгиевич для сегодняшнего мероприятия предложил такую очень актуальную, тему. Если говорить о миграциях, то они позволяют провести междисциплинарное исследование. Исторический факультет все время встречается с проявлениями миграции. Как декан факультета я постоянно сталкиваюсь с адаптацией иногородних и иностранных студентов в нашем университете, которые тоже могут рассматриваться в какой-то степени как мигранты. Поэтому тема конференции носит не только теоретический, но и практический характер.

Я желаю нашим студентам участвовать в этой адаптации мигрантов, своих сокурсников. И здесь будет абсолютно прямой практический выход нашего нынешнего мероприятия. Желаю успеха, здоровья и прекрасного проведения досуга в алтайском регионе. Я думаю, Юрий Георгиевич уже мастер для гостей это организовывать. Спасибо.

Чернышов Ю.Г. Спасибо и факультету и университету за поддержку. Без этого нам бы не удалось поводить такие мероприятия.

Открытие конференции 26.09.2014

Чернышов Ю.Г.: Дорогие друзья, коллеги, мы начинаем работу конференции. Вчера у нас была «интеллектуальная разминка», мы обсудили два

выступления. Каждое из них было по своему интересно, хотя они очень разные были по жанру. Но в целом мы уже обозначили круг проблем и очень хорошо, что такой подход, подвергающий сомнению догмы, тоже был обозначен, потому что настоящий ученый всегда проверяет информацию, всегда сомневается, всегда рассматривает разные версии, и это было духом наших конференций, которые, как я говорил, проводятся с 1996 г.

Немного информации для тех, кто впервые участвует в нашей конференции. Мы проводим эти конференции очень часто на полном энтузиазме, не всегда бывают гранты. Тем не менее, мы стараемся проводить их и даже издавать сборники. В первые годы мы старались брать темы, актуальные в общественно-политическом плане (о гражданском обществе, о выборах и т. д.) и приглашали много общественников, гражданских активистов, журналистов. Часто было телевидение с нескольких телеканалов. Все это транслировалось, широко обсуждалось и т. д. То есть, это была достаточно влиятельная площадка, где формировалось общественное мнение и где обсуждалось то, что происходит в крае и в стране.

С 2000-х годов мы стали брать более академичные темы, стараться приблизить это к тем проблемам, которые обсуждаются в процессе преподавания дисциплин направлений «История» и «Международные отношения», поскольку базовая кафедра у нас — кафедра всеобщей истории и международных отношений, и основной состав преподавателей оттуда. Часто мы затрагиваем проблемы, которые полезно рассматривать не на учебном уровне, не на уровне учебника, а в научной дискуссии. Для этого полезно послушать специалистов, поучаствовать в обсуждении. Это очень полезно и для студентов, потому что все вы понимаете, что одно дело — Москва, где каждый день по 10 конференций проходит, другое дело — Барнаул, где не такая активная научная жизнь. На нашу конференцию всегда удавалось приглашать ведущих экспертов. Кроме этого, возможности Интернета очень помогли. Главное было — вовремя их освоить. Мы это сделали, одними из первых создали свой сайт. Последние лет 10 мы проводим Интернет-конференции. Это помогает действительно собрать ученых, даже из других стран, которые, заведомо, скорее всего, не приедут, но они присылают свои тексты, которые тоже входят в сборник. В этом году, например, интерес проявили украинские коллеги, несмотря на все сложные обстоятельства, связанные с этой страной. Из Львова, из Киева нам прислали доклады.

Всего в этом году у нас поступило 36 докладов на интернет-конференцию. Если учитывать географию за все годы, то сейчас уже более 50 городов, из которых авторы докладов. В этом году Армавир, например, добавился.

Кроме того, в этом году только из Москвы 5 участников приехали. Один участник — из Санкт-Петербурга, один — из Владивостока, один — из Екатеринбурга. Из Томска, Петрозаводска не смогли приехать по разным причинам, но, тем не менее, благодаря Интернету тексты мы получили, и они будут опубликованы в сборнике. Сборник обычно формируется из тех докладов, которые были на интернет-конференции. Кроме того, мы стараемся хотя бы самое важное и самое интересное из дискуссии, из обсуждения докладов тоже расшифровывать, и помещаем это в сборник. Иногда это бывает даже интереснее, чем сами статьи.

Сама тема конференции весьма актуальная, и на эту тему сейчас многие пишут. Я хотел бы обратить внимание на стенды. Эту выставку книг подготовила Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. Уже не первый год мы с ними сотрудничаем. Посмотрите, какой богатый набор литературы по теме конференции! В том числе здесь есть книги некоторых гостей конференции, в частности, Татьяны Николаевны Юдиной, Василия Рудольфовича Филиппова.

Тема конференции — «Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия». Хотелось бы внимательнее посмотреть на то, о чем не так много написано. Как воспринимают мигрантов — это довольно известные сюжеты, а вот как мигранты воспринимают общество страны пребывания — об этом гораздо меньше написано. С одной стороны, это трудно выяснить, а с другой — это редко пытаются сделать. Часто мигранты находятся на нелегальном положении и боятся сталкиваться с правоохранительными органами. Многие доклады, конечно, посвящены более широким темам. Но, в принципе, это нормально. Общий фон тоже надо учитывать. Здесь есть исследования и по истории, и по международному опыту. Желаю всем успешной и интересной работы!

СЕКЦИЯ 1

Доклад Чернышова Ю.Г.

Обсуждение доклада Чернышова Ю.Г.

Овчаров Г.А.: На Ваш взгляд, отношение местного населения каким-то образом отличается по отношению к мигрантам, временно прибывшим сюда, в Россию, для выполнения какой-то работы и к мигрантам, которые приезжают к нам на постоянное место жительства? Как-то местное население корректирует свое отношение к тем и другим?

Чернышов Ю.Г. Конечно, разница есть. Временные мигранты, сезонные рабочие, которые приезжают для выполнения какой-то конкретной работы, не в такой степени заметны и обычно не так раздражают местное население. А вот если мигранты селятся надолго и компактно, допустим, где-то в подмосковном селе, и образуют поселение десятков, а то и сотен людей, которые живут по своим обычаям, пытаются дистанцироваться и вступают в конкуренцию в экономической сфере, то нередко возникает конфликтная ситуация и определенная настороженность со стороны местного населения.

Веретевская А.В. Мне очень понравилось Ваше выступление. Действительно, я склонна согласиться с Вами в том, что ксенофобия — это феномен неизживный. Очень сложно представить общество, в котором ксенофобия отсутствует, как факт. Однако, действительно, мне кажется, что Вы правы в том, что преодолевать нужно и возможно, то есть, сокращать степень, уровень жестокости, ксенофобии можно. Вопрос такой. Если мы будем больше узнавать о культуре мигрантов, о том, как они живут, что делают, то они станут чуть менее чужими. Будет ли это способствовать снижению ксенофобии или нет?

Чернышов Ю.Г.: Конечно. Безусловно. Это одно из главных направлений, в которых надо работать. Нужно воспитывать уважение к другим культурам, показывать их общечеловеческую ценность. И пропагандировать не конфликты, а сотрудничество. Те же Соединенные Штаты — у них по-другому строится пропаганда, не так прямолинейно, как у нас в Советском Союзе строилась. Обратите внимание на голливудские фильмы, например, детективы. Там обязательно, если работают полицейские, то рядом белый и афроамериканец. Они сотрудничают. Они друг другу помогают. Они показывают, что между ними нет каких-то принципиальных противоречий и ценности у них общие. Воспитание уважения — это работа, которую нужно вести с пеленок, по-хорошему. Потому что негативные этнические стереотипы закладываются, начиная с очень раннего детского возраста, с 3–5 лет. Первые обидные ярлыки закладываются в подсознание именно с этого возраста, и потом очень трудно их преодолеть. У нас в Советском Союзе эта работа, пусть она была прямолинейная и заформализованная, но, тем не менее, она тоже давала результат: тогда люди не придавали такого большого значения этническим различиям. Когда на этих различиях начинают акцентировать внимание, тогда, к сожалению, это обостряет конфликты. Тут еще стоит обратить внимание на такую вещь, как дегуманизация образа, когда разжигается вражда по отношению к какому-то народу, начинают придумывать какие-то нехорошие ярлыки,

которыми кто-то оправдывает, что этих людей можно убивать, потому что они не люди, и они не заслуживают нормального отношения. С такими вещами надо бороться. У нас пытались долгое время говорить, что это не хорошо, что это экстремизм и так далее, но в последнее время все это расползается в СМИ и никто этому не противодействует. Политикам иногда выгодно использовать «образ врага», но использование этого приема может иметь самые негативные последствия.

Игрунов В.В. Я возьму на себя смелость поучаствовать в ответе на два вопроса, которые были заданы. По первому вопросу, на кого больше распространяется неприятие — на временных или на постоянных мигрантов. Вы знаете, я не думаю, что ответ на этот вопрос очень прост. Я думаю, что такого дифференцированного подхода при изучении этих проблем у нас пока нет, и даже наши социологи просто даже, как мне кажется, не ставят такую проблему вообще, не считая того, что они не ставят и проблему деления сортов, я бы сказал, качества ксенофобии. А это очень интересно, так как отношение к одним переносится и на другие этнические группы.

Я, как москвич, наблюдаю, что львиная доля ксенофобии рождается, когда мы соприкасаемся, употребляя милицейский термин, с «лицами кавказской национальности». Она формулируется как ненависть к мигрантам вообще, и прежде всего, к азиатам.

Если, скажем, конфликты носят характер более жесткий, например, уличные столкновения чеченцев или дагестанцев, то проблема решения видится, например, во введении визового режима. И наши националистические политики стремительно это используют. Но каким образом визовый режим облегчит отношения с дагестанцами или с чеченцами, не понятно. Поэтому реакция людей, даже занимающих достаточно статусные должности в своем обществе, не совсем адекватна тем проблемам, которые присутствуют. И чувства людей не всегда сопрягаются с рациональными оценками. И вот это я хотел сказать о постоянных и не постоянных мигрантах. На самом деле, человек, сталкиваясь с иным, воспринимает его негативно, не зависимо от того, постоянный он или не постоянный мигрант. Конечно, человека рационально пугает постоянное присутствие чужого. Но в обычной жизни он не отличает постоянно присутствующего мигранта от недавно приехавшего. В этом смысле его умственные построения совершенно отличаются от его непосредственной реакции, которая, на мой взгляд, не просто иная, а обычно, прямо противоположная. С чем это связано? Это связано, прежде всего, с тем, что мигрант иначе себя ведет, даже если пытается адаптироваться к культуре.

Когда мигранты оседают в каком-то месте, они вызывают устойчивую неприязнь у местного населения. Им совершенно не обязательно говорить на другом языке или исповедовать другую религию. Компактно расселившиеся русские люди, приехавшие, скажем, из Киргизии, вызывают ничуть не меньше неприязнь, чем киргизы, приехавшие в тот или иной регион. И требуется длительное время для того, чтобы ситуация изменилась. Мне пришлось в начале 90-х гг. курировать место таких поселений и я знаю, что в течение полутора десятилетий русские люди, приехавшие из других частей Советского Союза, воспринимались как враги. А они были, может быть, несколько более трудолюбивыми, не пьющими. Они строили дома в то время, как местное население, живущее здесь постоянно, жило в развалах. Не все из них оставались. Многие рассеивались. Там, где были разумные лидеры, которые старались адекватно втягиваться в местную жизнь, там постепенно сложилась совсем иная ситуация. Начали возникать браки между местными и приехавшими. Здесь происходило то, о чем говорила Анна Вячеславовна. Люди их больше узнавали и неприязнь проходила. Поэтому через познание культуры идет смягчение ксенофобии, но для этого требуется чрезвычайно высокий уровень образования.

Чернышов Ю.Г. Абсолютно с Вами согласен. Спасибо за дополнение.

Доклад Юдиной Т.Н.

Обсуждение доклада Юдиной Т.Н.

Аршинцева О.А. Реплика очень короткая. По поводу известного правового нигилизма, который характеризует общее состояние умов. Известно, что жестокость российских законов компенсируется их неисполнением, что распространяется и на миграционное законодательство. Вопрос более конкретный, касается реакции мигрантского сообщества на российские законодательные инициативы. Коротко о Вашем опыте взаимодействия с ними.

Юдина Т.Н. Они очень вовлечены в дела, связанные с Миграционной службой. На любом заседании Совета УФМС всегда присутствуют представители миграционных объединений. Очень конструктивные предложения предлагают по совершенствованию политики. Конечно, все эти организации, в первую очередь, занимаются правозащитной деятельностью. Предлагают очень здравые меры в отношении выходцев из их страны. Не могу сказать про всех, но те, с кем довелось общаться мне, всегда делают очень хорошие предложения. Власти их слышат и готовы с ними контактировать.

Перед летом очень активизировалась Общественная палата в направлении, связанном с миграционной политикой.

Как пример, хочу показать. Появилась Программа правовой и медицинской, социальной поддержки иностранных граждан, Социальная карта гостя России. Такие программы сегодня вместе с Администрацией разрабатывают представители этих объединений. То есть взаимосвязь есть.

Курныкин О.Ю. Россия позиционирует себя как многонациональное государство, обладающее уникальным опытом сосуществования различных народов и разного рода религий. Этот опыт многовекового сосуществования в рамках полиэтнического и многоконфессионального образования проявляется ли каким-то образом в современном миграционном процессе в России, как на уровне политики властных структур, так и на уровне массового сознания, или здесь действуют универсальные стандартные механизмы разрешения миграционной проблемы?

Юдина Т.Н. Вы знаете, на мой взгляд, мы забываем этот опыт. И здесь мы действуем больше как моноэтническое государство.

Игрунов В.В. Наш опыт многоконфессионального государства был утрачен в советское время, поскольку механизмы интеграции были изменены. Сегодня советские механизмы интеграции ушли в прошлое, Россия от них отказалась. Религиозное сознание для жизни мигрантов сейчас играет более важную роль, чем 20-30-40 лет назад.

Доклад Веретевской А.В.

Обсуждение доклада Веретевской А.В.

Богословская Г.В.: У меня, пока Вы излагали свой доклад, возник такой вопрос. А если, к примеру, интеграция мигрантов состоит очень успешно? Тогда получится, что они будут претендовать в обществе уже на иную позицию, на такую же, как граждане, в том числе это скажется и в профессиональном плане. В профессиональном плане это выразится в том, что работать дворниками и чернорабочими на стройках они не захотят. Тогда получится, что нам для этих работ понадобятся очередные мигранты, и это будет такой бесконечный процесс. Как Вы это прокомментируете?

Веретевская А.В.: Да, действительно. То есть, Вы хотите сказать, что если мы интегрируем мигрантов, то это вызовет проблемы? Но если мы не будем интегрировать мигрантов, это тоже не решит проблемы. Если мы будем учить наших мигрантов так же, как остальных граждан, они будут, естественно, подниматься по социальной лестнице и т.д. Да, будут оставаться вакантные места, которые обычно занимают мигранты,

но существуют другие способы решить проблему. Мы можем изменять зарплату, мы можем заменять рабочих какими-то механическими приспособлениями. Есть пути решения. Мне кажется, что если мы будем руководствоваться только тем, что мигранты все уйдут с непрестижных должностей, и нам некому будет мести улицы, мы, к сожалению, далеко не уйдем.

Турьинская Х.М.: Вы упомянули о концепции «плавильного котла». А что Вы думаете о концепции «салатной чаши»? США сейчас, скорее, называют именно «салатной чашей», говоря, что это «порубленные мелко культурные элементы, политые соусом, майонезом, кетчупом»... Как Вы к этому относитесь? Может быть, это более адекватное описание реальности?

Веретевская А.В.: Да, действительно, это более адекватное описание реальности, если мы имеем дело с социальной и культурной реальностью. Если мы имеем дело с политической реальностью, то есть, строго ограничим исследование рамками политической системы и влиянием на политическую систему, то никакой «салатной чаши» и даже «плавильного котла», как мне кажется, нет. Существует политическая культура и тип политических институтов, и поменять эту культуру практически невозможно сегодня. Все равно политическая система, основанная на определенных границах, не подлежит изменениям.

Игрунов В.В.: Я хочу сказать, что на самом деле это не так, сегодня во многих местах политическая система крошится, и в ней функционируют новые политические институты, отличные от основной политической системы. Например, китайские мигранты категорически отказываются, большая их часть, от участия в политической жизни Соединенных Штатов. Но они создают свои собственные органы, где действуют собственные руководители, и они обеспечивают функционирование китайской диаспоры вне политической системы США.

Веретевская А.В.: Я согласна с Вами, но Вы сами только что сказали, что это касается в основном пока что конкретных общественных групп. Это американские китайцы, американские индийцы — это сообщества. На остальное американское общество есть такое влияние? Нет.

Игрунов В.В.: Если сама политическая система крошится и рушится, мы не можем сказать, что она остается прежней.

Веретевская А.В.: Рушится ли государственная политическая система на самом деле?

Игрунов В.В.: А это мы сможем сказать через десятилетия, так как у нас слишком маленький опыт.

Мартьянов В.С.: Вы выделили 3 модели поведения общества по отношению к мигрантам: поликультурализм, сегрегация, ассимиляция. Мне бы хотелось услышать примеры стран, которые используют различные модели. Например, если брать сегрегацию, то я знаю только одну страну, ЮАР, где она была применена.

Веретевская А.В.: Спасибо за интересный вопрос. Если мы берем сегрегацию, да, действительно, ЮАР — это классический пример. Можно привести из исторических примеров США до 60-х гг. — это тоже классический пример. Мне представляется, что сюда можно отнести, например, и германское общество до 2008 г. Фактически в отношении своих мигрантов Германией использовались сегрегационные модели.

Ассимиляция. Как я сказала, в принципе, с моей точки зрения, ассимиляционная модель так или иначе используется во всех государствах, где нет специальных институтов, позволяющих привлекать политически миграционные сообщества. Примеров сколько угодно. Это Франция, отчасти Великобритания, практически все остальные европейские государства, кроме Швеции и в каких-то вопросах Великобритании.

Что касается поликультурной модели, то такая модель существует в Швейцарии, в Голландии.

Доклад Филиппова В.Р.

Обсуждение доклада Филиппова В.Р.

Устюгов А.Н.: После реплики я задам Вам один вопрос. Находясь в США, в штате Джорджия, я познакомился с одним афроамериканцем. Еще не успел с ним подружиться, как он мне очень доброжелательно сказал: «Видю, что ты белый человек, да еще и иностранец, поэтому не называй нас никогда неграми, мы сильно обижаемся». А вопрос такой. Настолько ли ужасна картина или все-таки есть исключения? Спасибо.

Филиппов В.Р.: То, что есть исключения, это безусловно. Конечно, сравнительно небольшая часть афроамериканцев адаптировалась к этой стране, но подавляющее большинство — нет.

Нью-Йорк — удивительный город. Как только выезжаешь за границу города, там зона заводов, которые не сносят, потому что это очень дорого. На протяжении километров 30 там находятся заброшенные здания из красного кирпича, они забиты несчастными, бездомными темнокожими американцами. Конечно, там преступность неслыханная, воровство неслыханное, там наркомания и т.д. Именно поэтому они отторгают белых и их политическую и культурную системы. Они организуются в какие-то свои сообщества. Американцы, умные, порядочные и хорошие,

они додумались до позитивной дискриминации. Кстати, Обама — противник коллективной ассимиляции афроамериканцев просто потому, что это их делает абсолютно неконкурентоспособными, они выпадают из социума.

Конечно же, есть исключения.

Аршинцева О.А.: Можно реплику. Я хотела бы озвучить еще один американский миф: «New York is New York, California is California, but the real America is the Middle West». Там, конечно, другая картина изнутри и снаружи. Я в защиту мифов. А что в этом плохого? На самом деле, чувство безопасности отчасти психологическое.

И второе. Не в защиту американских ценностей, хотя, может, и в защиту. Пока они не развалились, видимо, есть какой-то внутренний потенциал для объединения и сохранения основы, и вызовы, может, только создают эту основу? Спасибо.

Филиппов В.Р.: Миф дезориентирует. Миф успокаивает обывателя, миф дезориентирует политиков и они принимают неверные решения.

Доклад Юдиной И.Н.

Обсуждение доклада Юдиной И.Н.

Аршинцева О.А.: Вопрос совмещен с репликой. По поводу Вашего отношения к известной концепции Натальи Зубаревич. Ее вывод как раз касается политических факторов, политического аспекта. Не усиливает ли это саму систему, известное неравенство, дискриминацию, суперцентрализацию в распределении бюджета, бюджетного финансирования? То есть, когда аккумуляция объединяет такое неравенство, обосновывает это неравенство, и в свою очередь это имеет обратный эффект? Без политических аспектов вряд ли российскую ситуацию можно комплексно оценить. Насколько здесь срабатывает эффект бюджетного централизма, дискриминации зависимых регионов и т.д.? Насколько действие этого фактора сильно заметно с точки зрения экономиста?

Юдина И.Н.: Я знаю взгляды Зубаревич. Она, действительно, писала о концепции «4-х России». Я хочу сказать, что Россия — страна развивающаяся. В развивающихся странах эти процессы урбанизации, миграции, гипертрофированного разрастания столиц очень контрастны. Поэтому многие проблемы не решаются только потому, что Москва — это не просто столица, это вообще-то центр финансовый, и центр управления, центр институтов, и штаб-квартира ТНК и т.д. Проблема может быть решаемой только тогда, когда, и сейчас такие проекты рассматриваются, когда попытаются разгрузить Москву. Москва берет на себя слишком много различных функций, и перенос каких-то структур в Петербург

и, может, перенос столицы, как идея, в Новосибирск, сможет повлиять на более равномерное распределение, чтобы не было такой концентрации в одной Москве. Это не только проблема России, это проблема большинства стран развивающегося мира, потому что население концентрируется именно в мегаполисах.

Шейда Г.П.: Ирина Николаевна, наверняка Вы знаете об амбициозной программе Правительства о развитии Дальнего Востока. В ней предполагается выделение огромных средств, в том числе там предполагается привлечение внутренних российских трудовых мигрантов. Как бы Вы могли оценить потенциал внутренней трудовой миграции?

Второй вопрос. Мы знаем, что после кризиса 2008–2009 гг. Правительством принимались меры по поощрению трудовой миграции, в том числе с помощью финансовых инструментов. Как-то удавалось замерить результативность этой политики? Способствовало ли это повышению мотивации трудовой миграции? Спасибо.

Юдина И.Н.: В России не существует недостатка мегапроектов. Что стоит за этими мегапроектами? За ними стоят очень мощные инвестиции, то есть какое-то разумное зерно в этих проектах существует. Опять же, как они исполняются? Сейчас не понятно, как обстоят дела с Дальним Востоком. Я знаю, что существует целая программа по привлечению и удержанию там населения. Есть другие проекты по привлечению иностранной рабочей силы с сопредельных территорий, чтобы их осваивать, и я думаю, что они имеют какое-то положительное значение. Я думаю, административными мерами такие проблемы не решаются. Проблемы решаются именно стихийно. Вообще, проблема решается снизу, какими-то, может, рыночными силами, например, надо создать условия для развития бизнеса, для проживания, создавать федеральные университеты, решать транспортную проблему, в конце концов. То есть, рассредоточивать производство, как это было в советское время. А сейчас идут больше центристские процессы. Поэтому сейчас я не могу сказать, нужно, чтобы прошло какое-то время.

Веретевская А.В.: Откуда люди хотели бы выехать и куда хотели бы ехать?

Юдина И.Н.: Я могу смотреть только по предпочтениям. Исследования такие проводятся, и те точки роста, то есть тот будущий потенциал, где люди хотят жить и работать, скорее всего, это юг, южное направление. Это, прежде всего, Краснодарский край. Как инновационные, будущие точки роста — Новосибирск, Томск, Екатеринбург.

СЕКЦИЯ 2

Доклад Гайкина В.А.

Обсуждение доклада Гайкина В.А.

Кротов А.В. Вопрос по современной ситуации. За эти 70–80 лет не произошло ли то, что в экономическом и социальном плане корейские мигранты приподнялись?

Гайкин В.А.: Дискриминация стала не столь явной, но она осталась. Кореец в современной Японии никогда не станет успешным предпринимателем, никогда кореец, принятый на работу в японскую компанию, не «вырастет» до уровня «топ менеджера», максимум, что ему «светит» — управленец среднего звена. Однако существует интересный феномен — лавинообразный рост числа межнациональных браков. В 1930-х гг. — примерно 30%; в 1970-х гг. — около 50%; в настоящее время — более 80% молодых корейцев и кореянок сочетаются узами брака с японками и японцами. Это отнюдь не говорит об исчезновении дискриминации. Просто корейцы поняли, что единственная возможность стать «своими» для японцев — превратиться в японцев (по японским законам дети межнациональных браков (например, между японкой и корейцем) получают японское гражданство.

Веретевская А.В.: Те корейцы, которые приезжали в Японию тогда, у них, очевидно, появлялись дети. Эти дети в тот период допускались к обучению в школе или в основном отправлялись обратно в Корею?

Гайкин В.А.: Они учились отдельно от японцев. Существовало небольшое количество частных корейских школ

Ульянов П.В.: Поскольку Вы изучаете этот период, у меня сложился такой исторический вопрос. Между корейцами и японцами именно в этот период проявлялся какой-нибудь национальный антагонизм? Могли ли японцы формировать враждебное представление о корейцах, и наоборот, могли ли корейцы формировать какое-то враждебное представление о японцах?

Гайкин В.А.: Антагонизм существовал постоянно, как и конфликты (особенно часто на производстве). Самым серьезным из-которых были корейские погромы в сентябре 1923 г. после Великого землетрясения в Канто, когда было убито около 6000 корейцев.

Кругова Н.И.: То состояние, в котором они оказались, было неожиданным для них, или оно было не новым? Они ведь знали, что они будут в таком положении, и это отразилось не только на отношении к корейцам в Японии, но и в других странах: есть титульная нация, а все остальные ниже.

Гайкин В.А.: Мигранты были более чем на 90% выходцами из корейских деревень. Вряд ли они знали что-то о мире за пределами границ своего села. Японские вербовщики обещали им золотые горы. «Титульная нация» в Японии была отягощена феодальными пережитками, генетической памятью о сословной системе, представлением о себе как о потомках богов. Такого «комплекса полноценности», пожалуй, не было ни у одной другой нации. Даже сегодня более 70% японцев считает себя народом, превосходящим все другие.

Курныкин О.Ю.: Меня интересует, каков был поток японских мигрантов в Корею, и какова численность японской общины в Корее? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Понятно, что между корейцами и японцами были непростые исторические взаимоотношения. Можно ли говорить о том, что произошло историческое примирение японцев и корейцев?

Гайкин В.А.: К 1945 г. в Корею проживало около 800 тысяч японцев. Это были помещики, чиновники, полицейские, учителя, врачи, инженеры, квалифицированные рабочие. По ощущениям корейцев, именно эта армия «понаехавших» привела к эмиграции миллионов корейцев за границу. На самом деле ситуация сложнее. За годы колониального правления за границу выехали более 4 миллионов корейцев. Главными причинами эмиграции было: 1) внедрение капиталистических отношений в корейской деревне (и массовое разорение крестьян); 2) увеличение продолжительности жизни с 1910 по 1945 гг. в 2 раза (в результате элементарных санитарных мероприятий). И отсутствие достаточного числа предприятий, чтобы адсорбировать эту массу «лишних людей». «Понаехавшие» японцы в значительной степени занимали рабочие места, созданные в результате действий колониальной администрации (например, строительных предприятий).

Историческое примирение японцев и корейцев в ближней перспективе невозможно. Память о «подвигах» японцев (например, превращение тысяч молодых кореянок в проституток для полевых борделей японской армии) — «живее всех живых». Конкретный пример — у меня есть знакомый кореец-профессор в Токио. (Он родился после войны в 1954 г. в Южной Корее, окончил там университет.) Аспирантуру он закончил в Японии за счет японского правительства, сейчас живет в Японии (имея южно-корейское гражданство), преподает в японском университете, получая неплохую зарплату. Тем не менее, по его словам, он не упускает возможности рассказать студентам — японцам о том, как их отцы и деды угнетали корейский народ. В дальней перспективе возможность примирения есть,

но это станет возможным, когда умрут внуки тех, кто помнит японский колониальный режим, то есть где-то к концу XXI века.

Доклад Бетмакаева А.М.

Обсуждение доклада Бетмакаева А.М.

Веретевская А.В.: Вопрос про репатриантов, особенно про советских, российских: когда открылась возможность, этнические немцы из России поехали в Германию. Вопрос такой. Существуют разные концепции, характеризующие способность к адаптации этой группы мигрантов в Германии. Кто-то настаивает на том, что, несмотря на бывшие культурные связи, эта группа адаптировалась наиболее сложно. Кто-то говорит, наоборот, что немцы воспринимали их ближе, потому что они этнически связаны и т. д. Не могли бы Вы охарактеризовать, как на самом деле было?

Бетмакаев А.М.: Я специально не занимался этим вопросом. Это уже постгэдэровская история. Но я хочу сказать об этой группе мигрантов. Вообще, про приезд этих мигрантов. Здесь в основе как раз лежала политика, которая характеризуется как этническая. Если немец по крови, то имеет право приехать в ФРГ. У меня были контакты с этими людьми, когда я был в Германии. Дело в том, что часть из них более успешно утвердились в тех областях Германии, где необходим был труд, и он не всегда был высококвалифицированным. С другой стороны, территориально они предпочитали все-таки западную часть Германии. Это вполне объяснимо. Там и рабочих мест было больше, и там структурная перестройка экономики была и т. д.

Аршинцева О.А.: Реплика по поводу перечисления факторов, объясняющих более высокий уровень ксенофобии. Может, это реакция на социальное неблагополучие Восточной Германии?

Бетмакаев А.М.: Согласен, это можно принять во внимание. Безработица была высокая в 90-е гг. в Восточной Германии, порядка 20%. Конечно, это сказалось. Просто сама эта культура... Возлагали проблемы на иностранцев, на мигрантов. Шел поиск какого-то внешнего объяснения. Наверное, это комплекс причин, потому что я не думаю, что в той же западной части Германии все было хорошо. Изначально здесь немного по-другому политика проводилась. В Западной Германии акцент делался на то, что приезд мигрантов станет частью политической трансформации, трансформации политической культуры, демократизации Западной Германии и избавления от комплексов нацизма, ксенофобии и т. д. То есть, если мигранты будут рядом существовать, то они будут менять западно-германскую нацию.

Доклад Коваленко Л.Г.

Обсуждение доклада Коваленко Л.Г.

Шейда Г.П.: Мне кажется, что проблема вообще в объективности информации. Вчера на одном из достаточно авторитетных ресурсе я прочитал, что через миграционные службы официально зарегистрировано 300 тысяч человек. Откуда 800 тысяч, откуда 3 млн?

Коваленко Л.Г.: Из средств массовой информации. 3 млн по радио объявили.

Игрунов В.В.: 300 тысяч — это количество людей, обратившихся за получением статуса беженца. 900 тысяч или около того — общее число переселившихся с Украины. 3 млн — это дает печать. Вот такие цифры.

Коваленко Л.Г.: Большинство граждан в такой градации цифр не разбираются. Возникает соответствующее отношение и к такому потоку.

Глотов А.И.: Непосредственно столкнулся с миграцией населения. Зачем проводится социальное обеспечение мигрантов, которые приезжают к нам? Нередко встречается практика, что мигранты, приезжая получать какие-то рабочие места, впоследствии заводят семью с русскими. Таким образом, они переезжают в Россию насовсем. Вопрос в том, зачем нам нужно сделать положительную картину для мигрантов, что мы хотим их принимать, если они собираются остаться в России со своей культурой, и ни обучаться, ни изучать нашу культуру они не хотят?

Коваленко Л.Г.: Я бы сказала так. Россия нуждается в трудовых ресурсах, и демографическая проблема — это тоже проблема трудовых ресурсов.

Богословская Г.В.: Если платить 30 тысяч, а не 7 тысяч дворнику, то будет много русских людей, во всяком случае, российских граждан, которые будут готовы заниматься этой работой. Действительно, очень много нашлось желающих дворничать в Москве и в Подмосковье. Это, наверное, вопрос для отдельного исследования — экономическая потребность в мигрантах. Каковы объективные объемы этой экономической потребности? Можно ли те места, которые отводятся мигрантам, замещать русскими, но только, естественно, за большую зарплату, при лучших условиях? Насколько это осуществимо экономически?

Веретевская А.В.: По поводу московских дворников. Вы знаете, что зарплаты дворников подняли до 30 тысяч, и даже 40 тысяч есть. Что происходит в результате? В результате в ведомостях о зарплате наниматели дворников пишут 35 тысяч, а за 7 тысяч нанимают тех же мигрантов, которые реально работают.

Игрунов В.В.: Я вам расскажу интересную историю. Московская область. Конфликт на рынке. Один из дагестанцев, кажется, убил местного

гражданина в бытовой ссоре. Население потребовало выселить всех мигрантов, администрация принимает это решение и они избавляются от мигрантов. Мигранты ушли из города. Все замечательно. Одна проблема — бизнес исчезает, начинается экономический кризис, потому что местные русские, работая даже за высокую плату, приходят утром пьяные, днем они отдыхают, а вечером — конфликтуют. То есть, не выполняют те функции, которые выполняли мигранты. Они отказываются от этой политики и начинают активно возвращать мигрантов.

Мартьянов В.С.: Исследования о положении иммигрантов-турок в Германии показывают, что значительная их часть, в том числе представители второго-третьего поколения не желают интегрироваться в местное общество, среди них можно встретить больше приверженцев исламских норм, чаще увидеть женщин в чадре, чем в современной Турции, значительно продвинувшейся по пути модернизации. Среди иммигрантов выделяются лидеры, для которых иммигрантские общины являются значительным ресурсом для укрепления собственных позиций, появляются люди, предлагающие более эффективные индивидуальные стратегии ассимиляции.

Курныкин О.Ю.: Вы знаете, у меня такое ощущение, что если турок, живущих в Германии и Турции, поменять местами, то мы получим примерно сходную ситуацию. Турки, которые проживают в Турции, не сталкиваются с проблемой отстаивания собственной идентичности, а значительные слои общества, особенно если речь идет о мегаполисах — Стамбуле, Измире, Анкаре — восприняли современные ценностные и поведенческие нормы. Если же они оказываются на положении представителя этнического меньшинства в другой стране, то понятно, что тенденция к обособлению действует более серьезно и глубоко. Речь идет о различии в самоощущении, когда проживаешь в своей собственной стране, либо когда являешься членом маргинального этно-религиозного сообщества.

Вы затронули очень серьезный сюжет. Речь идет об актуализации традиционалистского комплекса в среде иммигрантов-мусульман, а также о критериях и исследовательских методах, с помощью которых выявляются эти настроения и тенденции. При этом следует учитывать, что мусульманские общины в европейских странах весьма неоднородны. Понятно, что чаще всего на поверхности оказываются радикалы, особенно в условиях внутривнутриполитического кризиса или кризисных событий на международной сцене. Но это не означает, что именно радикалы определяют общие настроения в мусульманской среде. Очевидно, что там идет борьба между мусульманскими объединениями за доступ к тем ресурсам,

тем грантам, которые выделяются государством в рамках политики интеграции иммигрантов. Государство, соответственно, должно выявлять контрагентов в этих мусульманских структурах, готовых к сотрудничеству, изолируя вместе с тем враждебные элементы. Понятно, что в мусульманских общинах Европы складывается весьма непростая ситуация. Возможно, в государственных инстанциях европейских стран не всегда точно представляют процессы, происходящие в среде мусульман-иммигрантов. Общие установки понятны, но как реализовать эту стратегию, через каких агентов в иммигрантских структурах — это чаще открытый вопрос, и ответ на него не всегда оказывается эффективным.

Филиппов В.Р.: Вы сказали, что предлагаете такое определение понятия «этнос», как «ускользающая реальность». Если это понятие, то оно должно быть однозначным. То есть, когда Вы говорите об «ускользающей реальности», то надо понимать, о чем Вы говорите.

Курныкин О.Ю.: Речь не шла об определении этноса. Я говорил о формуле, выработанной для себя в связи с дискуссиями об этничности.

Доклад Курныкина О.Ю.

Обсуждение доклада Курныкина О.Ю.

Мартьянов В.С.: Исследования о положении иммигрантов-турок в Германии показывают, что значительная их часть, в том числе представители второго-третьего поколения не желают интегрироваться в местное общество, среди них можно встретить больше приверженцев исламских норм, чаще увидеть женщин в чадре, чем в современной Турции, значительно продвинувшейся по пути модернизации. Среди иммигрантов выделяют лидеры, для которых иммигрантские общины являются значительным ресурсом для укрепления собственных позиций, появляются люди, предлагающие более эффективные индивидуальные стратегии ассимиляции.

Курныкин О.Ю.: Вы знаете, у меня такое ощущение, что если турок, живущих в Германии и Турции, поменять местами, то мы получим примерно сходную ситуацию. Турки, которые проживают в Турции, не сталкиваются с проблемой отстаивания собственной идентичности, а значительные слои общества, особенно если речь идет о мегаполисах — Стамбуле, Измире, Анкаре — восприняли современные ценностные и поведенческие нормы. Если же они оказываются на положении представителей этнического меньшинства в другой стране, то понятно, что тенденция к обособлению действует более серьезно и глубоко. Речь идет о различии в самоощущении, когда проживаешь в своей собственной стране, либо когда являешься членом маргинального этно-религиозного сообщества.

Вы затронули очень серьезный сюжет. Речь идет об актуализации традиционалистского комплекса в среде иммигрантов-мусульман, а также о критериях и исследовательских методах, с помощью которых выявляются эти настроения и тенденции. При этом следует учитывать, что мусульманские общины в европейских странах весьма неоднородны. Понятно, что чаще всего на поверхности оказываются радикалы, особенно в условиях внутривнутриполитического кризиса или кризисных событий на международной сцене. Но это не означает, что именно радикалы определяют общие настроения в мусульманской среде. Очевидно, что там идет борьба между мусульманскими объединениями за доступ к тем ресурсам, тем грантам, которые выделяются государством в рамках политики интеграции иммигрантов. Государство, соответственно, должно выявлять контрагентов в этих мусульманских структурах, готовых к сотрудничеству, изолируя вместе с тем враждебные элементы. Понятно, что в мусульманских общинах Европы складывается весьма непростая ситуация. Возможно, в государственных инстанциях европейских стран не всегда точно представляют процессы, происходящие в среде мусульман-иммигрантов. Общие установки понятны, но как реализовать эту стратегию, через каких агентов в иммигрантских структурах — это чаще открытый вопрос, и ответ на него не всегда оказывается эффективным.

Филиппов В.Р.: Вы сказали, что предлагаете такое определение понятия «этнос», как «ускользающая реальность». Если это понятие, то оно должно быть однозначным. То есть, когда Вы говорите об «ускользающей реальности», то надо понимать, о чем Вы говорите.

Курныкин О.Ю.: Речь не шла об определении этноса. Я говорил о формуле, выработанной для себя в связи с дискуссиями об этничности.

Игрунов В.В.: Я хочу сказать, что ни в коем случае нельзя описывать процессы, происходящие, в частности, в среде мусульманских меньшинств и меньшинств вообще, однолинейно. На самом деле, происходят параллельно противоположные процессы. Существует явление, когда меньшинства секуляризуются, вписываются в европейское общество, ассимилируются и становятся его частью. И наоборот, бывают процессы возвратные. Пока мигрантов мало, как уже здесь говорилось, они охотно ассимилируются. Например, в начале XX в. во Франции уже было довольно много мусульман, которые остались после Первой мировой войны. Они замечательно пили вино, употребляли регулярно свинину и вообще замечательно жили. Но, по мере того, как они приглашали к себе жен, родственников и т. д., среда начинала возвращать к своим исконным верованиям, традициям и т. д. Следующее поколение, которое считало себя уже

французами, не понимали, почему же они занимают более низкий социальный статус, чем коренные французы, начинали мечтать о возвращении на родину. Люди начинают понимать тяжелое положение своих соотечественников и невозможность реализовать идею равенства в этом обществе, начинают создавать идеологию противостояния и возвращаются к старой религии. Обратите внимание, люди, которые организовывали 11 сентября, это люди с европейским образованием. Люди, которые организовывали террористические акты в Лондонском метро, это англичане мусульманского происхождения, хорошо образованные. То есть, эти процессы нельзя воспринимать односторонне.

Веретевская А.В.: Реплика из моего личного опыта. Так случилось, что в 2006–2007 гг. я проживала во Франции, жила как раз в пригородах Парижа, о которых сейчас идет речь. Я являлась тогда студенткой Института политических наук и, естественно, слышала те разговоры, те обсуждения, которые тут же начались среди французов, как правильно было отмечено. Рассуждения эти касались причин: почему эти дети, эти подростки выступили? Фактический уровень жизни у них сравнительно ниже, чем у коренных французов, то есть, у них не работает социальная лестница. А протестуют они как раз потому, что, они — французы, а не мусульмане, им обидно, что они — французы, а в университет попасть не могут. Они не могут попасть в хорошие университеты, у них нет возможности. Не потому, что их дискриминируют по религиозному признаку, а потому, что они до сих пор живут в других социальных условиях.

Когда мы говорим о том, что они возвращаются на родину, следует помнить, это особенность такая, особенно в Европе, они разделяют религиозное сознание и политическое, социальное. Мусульмане в Турции не разделяют эти понятия, а в Европе разделяют, потому что они воспитаны в другой системе, в христианской. Они не могут понять своих родителей, родственников, отсюда возникает протест, который и перерастает в радикализм.

Кругова Н.И.: Я хочу привести данные совершенно из другой области. Все вы знаете, что в свое время наше Поволжье заселялось немцами, которые приглашались Екатериной из Германии и, между прочим, при этом заключались определенные договоры. В этих договорах было оговорено, что каждые 50 лет будут приезжать из Германии люди, которые будут проверять, как российская сторона соблюдает те условия, которые были оговорены в договорах. Они приезжали, составляли свои отчеты и потом отвозили эти отчеты в Германию. Современные немцы уже в конце XX в. проанализировали эти отчеты, проанализировали образ жизни тех

немцев, которые живут теперь в России в течение нескольких поколений. Немецкие историки констатировали, что немцы, живущие в Поволжье, это совершенно не те немцы, которые сейчас живут в Германии.

Доклад Турьинской Х.М.

Обсуждение доклада Турьинской Х.М.

Филиппов В.Р.: Арабская идентичность — это какая идентичность?

Турьинская Х.М.: В этом и проблема. Если есть арабы, которые зовутся арабами и хотят, чтобы их так звали, но не знают арабского языка, что это за идентичность? Выгодно «быть арабом». То есть, это даже не лингвистическая идентичность. Возможно, это связано с религией.

Филиппов В.Р.: Все понятно, но ислам не может быть критерием отнесения к какой-то общности.

Турьинская Х.М.: В том-то и дело, что многие арабы, как я прочла в одном исследовании, не знают, кто они и откуда. Сейчас арабская карта разыгрывается в политике. В программе Объединенного гражданского фронта говорится о связях с арабским миром. Это ностальгия по султанату: «африканцев стало много, арабам стало плохо», «арабов выгнали, а собственность их поделили».

Курныкин О.Ю.: Не каждый день встречаешь человека, который был на Занзибаре. У меня конкретные короткие вопросы. Первый вопрос. Поскольку Танганьика и Занзибар существуют раздельно, то присутствуют ли сепаратистские настроения? Вообще, Занзибар экономически самодостаточен?

Второй вопрос по поводу конфессиональной принадлежности выходцев с африканского материка.

Турьинская Х.М.: Сепаратизм присутствует. Это отдельная тема. Потому сейчас и требуют реформирования Союза, что две части союза нужно хотя бы удержать вместе. И тут еще один момент, очень коротко. Почему власти хотят поддержать Союз? На этом основывается вся идеология Танзании: «если мы Занзибар интегрируем, получится африканское государство; будет Союз, а, значит, возможно и создание Соединенных Штатов Африки». Танзания — это пример для африканского континента. Вот еще в чем состояла ценность Союза. А этот миф, что можно создать единую Африку, до сих пор существует. Панафриканизм жив и, я думаю, будет жить долго. Другое дело, что политический союз вряд ли возможен в ближайшее время.

По второму вопросу. И мусульмане, и христиане прибывали на Занзибар. Конечно, мусульман было больше.

Доклад Кротова А.В.

Обсуждение доклада Кротова А.В.

Мартьянов В.С.: Вы сказали, что в США на душу населения 40 тысяч долларов производят мигранты. Сколько это в расчете на ВВП? Какая общая доля ВВП на душу населения в США?

Кротов А.В.: Этой цифры вам никто не даст. А я просто помножил 40 млн. мигрантов на то, сколько денег они принесут американской экономике. Это будет несколько годовых ВВП. То же самое в России. Мигранты, которые сейчас находятся в России, за всю свою жизнь могут принести несколько годовых ВВП российских.

СЕКЦИЯ 3

Доклад Игрунова В.В.

Обсуждение доклада Игрунова В.В.

Устюгов А.Н.: Почему Вы считаете, что развитые страны занимаются пиратством по отношению к интеллектуальной собственности? Вот они выращивают в развивающихся странах интеллектуальный потенциал, создают оптимальные условия для ученых, и они, находясь под импульсом этих условий, хотят или не хотят, но изобретают то, что надо. Почему это пиратство? Ведь в этом виноваты сами эти страны. Потому что есть такое понятие у психологов, как «язык поведения когерентности», то есть, надо понять ту этническую общность, тех мигрантов, и попробовать на их языке поведения поговорить. Поэтому, почему это пиратство?

Игрунов В.В.: Я не вполне понял вопрос, но я отвечаю так, как я понял. Я, в общем, говорю о пиратстве в смысле грабежа интеллектуальной собственности. Возьмем, например, Индию. В семье вырастает ребенок, он получает образование. Все это образование он получает за счет своей собственной страны. Этот ребенок отправляется, например, в Соединенные Штаты Америки. Вот представьте, какого качества этот мигрант! Например, в составе НАСА свыше 40% индийцев. Более половины, по некоторым оценкам, медицинского персонала США, самого высокооплачиваемого сектора экономики в США, это индийцы. Средний уровень заработка китайских мигрантов существенно превышает средний уровень заработной платы американцев. А у американцев миграционная политика и ориентирована таким образом, что они пускают только квалифицированных специалистов, если не говорить о нелегальной миграции, разумеется. Так вот. Все эти люди подготовлены были за счет национальных бюджетов, национальных доходов слаборазвитых стран, которым

самим остро не хватает высококвалифицированных людей. Эти люди покидают свою страну по разным причинам. И по той причине, в частности, что в США более высокий уровень зарплат, уровень благосостояния, но и по тем причинам, что те же самые США очень часто дестабилизируют ситуацию в их странах, где после этого становится трудно жить. Получив образование за счет собственной страны, такой мигрант обогащает впоследствии американскую экономику. То же самое касается европейцев и отчасти даже таких стран, как наша. Хотя здесь в меньшей степени получают дивиденды.

Кротов А.В.: Какие, на Ваш взгляд, города России самые толерантные к мигрантам и какие менее толерантные? Мне кажется, что у нас в Сибири более толерантные люди. Расскажите о своей точке зрения.

Игрунов В.В.: Я уже более 10 лет не занимаюсь миграционными проблемами. Я ими занимался с 1988 г. по 2004 г. С тех пор этим не занимаюсь, поэтому оценить мне трудно. Я могу сказать только несколько общих соображений. Наиболее толерантными должны быть те города, в которых меньше мигрантов. Это первое соображение.

Второе соображение. Уровень ксенофобии тем ниже, чем выше культурный уровень того или иного города. Если Вы говорите о Сибири. Томск, по-моему, самый интеллектуальный город в этом регионе. Я имею в виду, что там очень высок процент вузов, исследовательских институтов. Это буквально студенческий центр. В этом смысле Томску легче обеспечить толерантность, чем, например, Сургуту. Хотя, с другой стороны, нефтеносные районы сплошь состоят из мигрантов. Там мигранты многообразны. В этом смысле там нет такого автохтонного населения, которое бы считало нарушенным свои собственные привилегии на территории. Поэтому там тоже возможен относительно высокий уровень толерантности.

В Москве и Санкт-Петербурге, несмотря на высокий культурный уровень этих городов, чрезвычайно высок уровень ксенофобии и конфликтности.

Вьюжанина Е.А.: Вы говорили про воспитание толерантности у детей в школе. Я знаю, что сейчас есть огромное количество пособий для учителей, классных руководителей по этому поводу. Огромное количество классных часов проводится и т. д. Тем не менее, в школах очень часто можно встретить проявления ксенофобии. Каков Ваш прогноз по поводу того, сколько должно пройти времени, через сколько поколений будут преодолены эти проявления ксенофобии в школе и когда будет толк от этих классных часов по поводу толерантности?

Игрунов В.В.: Вы знаете, я не очень высокого мнения о возможности научить толерантности по учебникам. Учить толерантности надо своей жизнью, своим личным примером. Когда учитель, который, скажем, на обществознании обучает своих учеников толерантности, а, закрыв классную дверь, на перемене позволяет себе весьма некорректные высказывания, он полностью опровергает то, что он расскажет. Кроме того, учитель должен переживать тот предмет, который он преподает, во всяком случае, в том, что касается толерантности.

Я говорил о своем сыне, который учится в довольно престижной школе. В этой же школе вынуждены были уволить учительницу, которая вела борьбу с мигрантами, высказывалась в отношении них жестко. За такие националистические взгляды ее пришлось увольнять. И этот преподаватель пользовался сочувствием достаточно большого количества людей.

Замечательный классный руководитель у моего сына. В разговоре очень мягкий, культурный, но все-таки русский националист.

В этих условиях вряд ли будет эффективно толерантности учить по учебнику.

Аршинцева О.А.: Я уловила в Ваших тезисах отголоски центр-периферийной концепции, это так или нет?

Игрунов В.В.: Нет. Я с этой концепцией знаком, более того, конечно же, разделяю ее. Мои взгляды большей частью формируются не под влиянием концепций, а под влиянием опыта.

Аршинцева О.А.: Вопрос отчасти риторический. Соглашаясь с базовой несправедливостью отношений между центром и периферией в глобальном масштабе, мы вынуждены признать объективные закономерности в ее основе, потому что и внутренние миграционные потоки укладываются не абсолютно, а отчасти, в эту же схему. Мегаполисы, как вчера об этом шла речь в разных выражениях, тоже несправедливо оттягивают интеллектуальный, человеческий капитал и занимаются, говоря привычным нам языком идеологии, эксплуатацией внутренней периферии. А с этим мы что можем сделать?

Игрунов В.В.: Когда я излагал свой подход, я ведь сразу сказал, что, хоть слова и грубые, но речь идет о грабеже. Тем не менее, вынужден с этим смириться, потому что человечество не изменится в ближайшие тысячи лет и будет вести себя точно так же. Когда варвары вторгались в процветающие империи, Римскую или Византийскую, они грабили, потому что это дешевле и выгоднее. Точно так же мы поступаем сейчас с другой ценностью, не с золотом и с серебром, а с человеческими мозгами.

Но мы поступаем точно так же. Отличается это только тем, что иногда такой грабёж бывает слабостью для тех, кого умышляют из общества.

Вопрос заключается в том, как нам с этим жить. Как нам устраиваться? Как нам получить возвратный поток от ухода этих интеллектуалов? Мир должен научиться, извлекая интеллектуалов из страны, возвращать в свою страну другого рода доходы. Кроме того, процессы не идут прямолинейно. Если бы они шли прямолинейно, мы никогда бы не узнали о Соединенных Штатах Америки, мы бы знали Англию, Францию, Германию в качестве лидеров. А Китай, Индия, Иран выходят на ведущие позиции в мире. Я думаю, что есть какие-то механизмы противостояния. Я думаю, что то, к чему европейцы относятся с пренебрежением, а именно цивилизационный капитал, играет чрезвычайно важную роль. Поэтому старые центры цивилизации будут возвращать себя. Чем больше человеческий фактор будет играть роль в экономике, чем больше социальный капитал будет иметь значение в экономике, тем с большей вероятностью центры старых цивилизаций — Китай, Индия, Персия — будут возвращать себе ведущую роль в мировой экономике и в мировой политике.

Гончарова Н.П.: Я бы хотела подтвердить слова Вячеслава Владимировича результатами социологических исследований. Действительно, по результатам массовых опросов, чем больше численность мигрантов в каких-то городах и районах, тем менее местные жители толерантны. Чем меньше мигрантов, тем и отношение к ним более нейтральное. Помимо культурного уровня, хотела бы дополнить, на их отношение также влияет национальность приезжих. В тех регионах, где респонденты оценивали национальность приезжих мигрантов как свою собственную, там более позитивное отношение, и наоборот.

Доклад Мартъянова В.С.

Обсуждение доклада Мартъянова В.С.

Аршинцева О.А.: При всей справедливости рекомендаций я лично, на 90%, готова разделить позицию докладчика, но вопрос сакраментальный, особенно для политолога. Как преодолеть этот централизм? Насколько я представляю Екатеринбург 90-х гг., там все равно были, я не скажу сепаратистские, но какие-то децентрализаторские очень мощные позиции, подкрепленные массой политических факторов, происхождением первого президента и т. д. Сделать-то как? Проблема заключается в том, что любые рациональные стратегии оказываются просто проектами, если отсутствуют: а) политическая воля, б) группы интересов, ну простите, за такую банальную политологию. Как Вы себе представляете предпосылки

поворота против дискриминации регионов, несправедливой централизованной модели распределения бюджета и т.д.? Что нужно сделать?

Мартьянов В.С.: Отвечая кратко, предпосылки изменения модели вижу только как катастрофические в качестве условий каких-то изменений. Я не президент России, я могу только констатировать то, что есть.

Что касается заинтересованных групп, даже если мы посмотрим на правящие или доминирующие элиты, то было бы неправильно отождествлять их интересы с интересами большинства, интересами общего блага.

Поэтому все так, как есть. Я в ближайшие годы принципиальных изменений не вижу для России относительно тех проблем, которые мы два дня активно обсуждаем. Если какие-то изменения произойдут, то они будут связаны с катастрофическими условиями существующей модели, которую мы обсуждаем.

Филиппов В.Р.: Как Вы думаете, что можно считать справедливым вариантом перераспределения единого федерального бюджета в различные субъекты Федерации?

Второй вопрос. Нужно ли в сугубо экономических делах допускать политические флуктуации, такие, например, что если мы не дадим дотации, то получим еще хуже?

Мартьянов В.С.: Коллеги, я думаю, что стратегии дотаций никаких альтернатив нет, выравнивание по всем направлениям, поскольку страна не может долго существовать, если уровень ее составляющих резко отличается. Когда Дальний Восток и Сибирь видят, что, если они не будут делиться с федеральным бюджетом, с Москвой, то они просто будут жить гораздо лучше. А северные районы будут жить как в Саудовской Аравии, даже лучше. А не делиться они не могут. Урал разделяет Россию на две части, на европейскую и азиатскую. Это наибольшая опасность. Конечно же, здесь надо упомянуть о том, что большое количество субъектов Федерации — это плохо, это — неуправляемость. Нужно каким-то образом выравнивать их юридический и правовой статусы, и экономический.

Пример Германии. 17, кажется, федеральных земель. По линии доходов они начинают перераспределять экономические, бюджетные доходы между землями через дотации, если у них уровень доходов на душу населения начинает отклоняться от средней на 20%. А в наших регионах в разы отклонения. Мы как-то привыкли и считаем этот нормой.

Игрунов В.В.: Я задам странный вопрос. Правильно ли я понял, что мы неисчерпаемы по ресурсам на Севере, который нам приходится осваивать с помощью мигрантов? Стоит только поднять зарплату,

как среднестатистический житель Морошанска немедленно прекращает собирать морошку и едет производить компьютер куда-нибудь в Новосибирск, и все наши проблемы будут решены?

У меня сложилось другое впечатление. Эти люди все же заняты в каком-то труде. Пусть он статистически не отражается в нашей экономике, но эти люди работают. Если они уйдут в другую сферу, то от этого наши доходы сильно не увеличатся, даже если там будет более высокая производительность труда.

Кроме того, мы таким образом опустошим некие регионы России, если они пойдут подметать дворы в Москве, Петербурге или еще где-то. Тем более, производить компьютер или еще что-то. Морошки будет больше, она будет не убрана, и мы ее не съедем. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Мне кажется, что есть некоторые противоречия в том, что Вы настаиваете на выравнивании жизненного уровня и доходов населения в разных регионах страны. С одной стороны, я с этим согласен. И при этом же предлагаете перестать передавать в Центр налоги. Предлагаете их оставлять большей частью там, где они производятся, и где решаются основные проблемы населения. Конечно, тогда я думаю, что господин Аушев не будет есть икру, а его население не будет о ней мечтать. И тогда, я думаю, этот самый уровень неравномерности сильно вырастет. Как Ваши стремления выровнять уровень совпадают со стремлениями поделить заботы и деньгами с нефтяной скважины с теми, у кого скважины нет?

Мартьянов В.С.: Собственно, то, о чем я говорил, это есть стратегия выравнивания. Это идеальная модель. Конечно же, крайности абсолютного выравнивания или абсолютного дисбаланса возможны.

Если говорить о резервах теневого рынка мигрантов, то те, кто занят периодически, у кого частичная занятость — эти же люди не платят налогов. Это достаточно огромный теневой рынок труда — это есть зло с экономической точки зрения. Надо всеми силами создавать условия для перевода этого труда в легальную фазу, чтобы эти люди платили налоги, чтобы это регулировалось законодательством. Поэтому надо создать условия для более эффективного производительного рынка труда. В России нет других вариантов, так как все экстенсивные механизмы мы уже исчерпали.

Курныкин О.Ю.: Я хочу поблагодарить уважаемого гостя из Екатеринбурга, который нашу дискуссию с высоких теоретических высот опустил на землю. Действительно важно то, что мы попытались посмотреть через российские реалии. Понятно, что мы заинтересованы, чтобы

к нам приезжали молодые, образованные, законопослушные мигранты, но у меня такое представление, что, несмотря на кажущуюся стихийность миграционного процесса, они подчиняются вполне определенным закономерностям. Поэтому мы не можем здесь забывать о российских реалиях, говоря о миграционных процессах.

Доклад Гончаровой Н.П.

Обсуждение доклада Гончаровой Н.П.

Курныкин О.Ю.: Насколько готовы мигранты идти на контакт в ходе социологического вопроса и насколько адекватны их ответы?

Гончарова Н.П.: Это очень хороший вопрос. Я хотела бы отметить, что сложно. В сеть попасть практически невозможно. Вообще, сложно сказать, есть ли там какая-то сеть. Я опрашивала их через знакомых, ассимилировавшихся здесь, довольно долго живущих. Они не хотят идти на контакт. Они боятся. Один мой знакомый узбек водил меня на узбекский рынок, чтобы найти мигрантов. Очень тяжело. Когда им объясняю цели, которые нужны мне, то есть что это научный интерес, они боятся, что это проверка. Категорически отказываются давать интервью. Действительно, очень тяжело. Когда общались с узбеком и мой знакомый присутствовал рядом, тогда они успокаивались, и давали более открытые ответы, и было видно, что они искренние. Когда мы спрашивали таджиков, то вытягивать из них слова приходилось «чуть не клещами», то есть очень тяжело. Они не готовы контактировать, не хотят идти на контакт.

Коробкова Н.П.: Скажите, пожалуйста, не отмечали ли такой момент этой проблемы? В советское время, когда особое внимание уделялось государством интернациональному воспитанию, многие из нас были свидетелями такого явления, как смешанные браки. Сейчас среди мигрантов наблюдается такая тенденция, ведь это тоже способ укорениться в ином культурном свете?

Гончарова Н.П.: Мы целенаправленно не ставили это предметом нашего исследования, но отмечали следующую тенденцию. У армян очень часто наблюдаются смешанные браки. В Красноярском крае очень часто отмечались смешанные браки между местными жителями с китайцами. На вопрос, почему выходят за китайцев, женщины отвечали, что целенаправленно выходят замуж за китайцев, так как они не пьют, работают. Среди граждан Таджикистана, Узбекистана таких браков не было выявлено в ходе нашего исследования.

Коробкова Н.П.: И еще один вопрос. Скажите, пожалуйста, можно ли зафиксировать факт существования у нас «Chinatown» по примеру Запада?

Есть ли у нас такие монокультурные этнические образования, куда другие этносы не входят, или это все больше рассеянные поселения?

Гончарова Н.П.: Здесь, в Алтайском крае, когда это было не в рамках исследования, а просто некоторые эксперты говорили, что да, они как-то компактно проживают. Но когда мы выезжали в другие города, Бийск, Рубцовск, или по районам Алтайского края, мы не заметили такого компактного проживания, преобладает рассеянное проживание.

Веретевская А.В.: У меня вопрос, связанный с моим опытом взаимодействия с мигрантами в Москве, которые работают в ЖКХ. Мы также проводили опросы, и я лично участвовала. Есть проблема настороженности, которая очевидно проявляется, когда появляются незнакомые люди и у мигрантов возникает страх перед ними. Лично Вы заметили ли какие-то агрессивные настроения по отношению к принимающему обществу, или этого не было? Просто об этом говорят и пишут, но мой опыт такой, что агрессии нет ни по отношению к тем, кто задает вопросы, ни по отношению к принимающему обществу в целом. Есть агрессия непосредственно к работодателям и непосредственно к менеджерам, которые ими занимаются. Вот это мы выяснили.

Гончарова Н.П.: Я хотела бы подтвердить, что я не заметила такой агрессии. Первое время у них, конечно, присутствует страх, а когда начинаешь разговаривать, то страх проходит и агрессии не возникает. Мне кажется, что это в большей степени стереотип, который у местного населения складывается. Потому что основной посыл такой, как я видела в разных интервью: «я иду, никого не трогаю, и стараюсь, чтобы и меня не трогали».

Доклад Юн И.М.

Обсуждение доклада Юн И.М.

Курныкин О.Ю.: Меня вообще интересует судьба корейской общины в России. У меня такое представление, что это одна из самых интегрированных общин в составе российского общества. В связи с этим вопрос. На чем основывается корейская идентичность тех корейцев, которые проживают в России, если, действительно, они утратили корейский язык и в значительной степени корейскую культуру?

Юн И.М.: Да, это очень сложно и в определении того, кто я на самом деле, кореянка или русская. И как меня называть? Однажды на работе спросили, кто я? Русская или кореянка. Я ответила, что кореянка. «А знаешь корейский язык?». — «Нет, не знаю». Как же тогда определить? Я очень люблю русскую культуру, хорошо ее знаю, в отличие от корейской.

Но, единственное, я понимаю корейский, хотя общаться на нем не могу. Знаю краткую историю от дедушек и бабушек и, пожалуй, это все.

Курныкин О.Ю.: Еще один короткий вопрос, просто любопытно. Сколько корейцев осталось в Узбекистане? У Вас есть данные?

Юн И.М.: Конкретных данных у меня нет. Моя мама там до сих пор живет, она общается со всеми родственниками. У меня много знакомых, которые, побывав в России, возвращаются в Узбекистан. Можно сказать, из общего количества корейцев в Узбекистане большая часть уехала.

Устюгов А.Н.: Вы первый раз в нашем городе?

Юн И.М.: Да.

Устюгов А.Н.: Вы знаете, что в нашем городе есть памятник Виктору Чоу и автором памятника был мой ученик. Не знали?

Юн И.М.: Не знала. В Питере тоже есть памятник.

Коробкова Н.П.: Сначала маленькая ремарка. Я бы хотела напомнить об удивительном проекте, который был сделан преподавателями нашего университета. У нас работал в свое время очень интересный философ — Василий Федорович Семакин. Он выступил инициатором создания ассоциации «Балтика-Сибирь». В рамках этой ассоциации был задуман интереснейший проект — создание Центров национальной культуры. Был в том числе и корейский Центр. Мы создали все Центры национальной культуры, кроме одного — Центра русской культуры. Замечательно у нас работал Центр корейской культуры. Они сразу же вышли на прямые контакты с Южной Кореей. Были очень интересные поездки. Я хотела Вас спросить. Не сталкивались ли Вы с аналогичными проектами? Существуют ли такие Центры национальной культуры в Москве или в Петербурге, или в Узбекистане?

Юн И.М.: В Узбекистане, конечно, существует. Мои родители постоянно посещали этот Центр. Чем интересен этот Центр? На самом деле, молодежь мало ходила туда. Их посещает взрослое поколение, празднуют там какие-то праздники и т. д. Насчет культурных Центров в Москве. Я думаю, что они есть, но где, я не знаю. В Санкт-Петербурге есть Центр культурный. Там также празднуют корейские национальные праздники.

Веретевская А.В.: Я хотела бы добавить, рассказать о рекреации корейцев в Москве. Так случилось, что мне пришлось близко дружить с представителями этой диаспоры. У нас есть корейская школа. Причем эта школа довольно сильная, насколько я знаю. Там учатся не только корейские дети и дети, живущие рядом, даже те, кто приезжают туда из других районов. Обучение на очень высоком уровне. Дети неплохо поступают в престижные вузы после окончания школы.

А хотела я рассказать об очень интересном феномене, с которым я впервые столкнулась, встречаясь с представителями корейской диаспоры. Есть такой момент: когда мы говорим о мигрантах, мы представляем себе людей, которые вынуждены куда-то приехать, вынуждены оказаться социально ниже, чем другое, окружающее их местное население. Когда мы учились в институте, в моей группе была кореянка, и она мне рассказала о семье. Это были ее родственники из Казахстана, корейцы, которые живут в Казахстане. Семья у них из трех человек. У них дочка, которая была младше нас, мы учились на третьем курсе, а она только собиралась поступать в университет. У родителей жизненный уровень в Казахстане был не очень высок, они работали в аграрном секторе, это были простые люди. Они умудрились скопить денег с рождения ребенка, практически 20 лет копили. Специально ограничивали количество детей в своей семье. Они скопили денег и купили ей квартиру в Москве. Привезли ее в Москву. Смысл в том, что они работали всю жизнь на то, чтобы ребенка привезти, потому что девочка талантливая, она играла на музыкальных инструментах, и она поступала в Консерваторию. Понимаете, это колоссальный человеческий подвиг. Эта мысль мне пришла в голову, когда я узнала об этой истории. Потом, обсуждая эту ситуацию и другие моменты, узнала, что это не что-то из ряда вон выходящее, когда родители жертвуют своими интересами ради того, чтобы ребенок имел шансы вписаться на более высоком социальном уровне в обществе. Эта ситуация случается очень часто в корейской диаспоре и во многих других. То есть, мы должны помнить, что люди, которые приезжают и привозят своих детей, это люди часто очень высокой культуры, может, не образования, не культуры в литературном понимании, а именно высочайшей человеческой культуры.

Кротов А.В.: Ирина Михайловна, а межнациональные браки у представителей корейской диаспоры насколько практикуются?

Юн И.М.: В Узбекистане среди взрослого населения такие браки не очень приветствуются, но молодежь, которая училась в России, спокойно относится к таким бракам. Но какой-то категоричности нет в отношении смешанных браков.

Доклад Козулина В.Н.

Обсуждение доклада Козулина В.Н.

Богословская Г.В.: У меня скорее не вопрос, а комментарий по поводу того, что культурный аспект миграции, о котором говорил Вячеслав Николаевич, существует. И хотя на 80–90% миграции в современном мире мотивированы экономическими факторами, либо факторами

каких-то катастроф, войн, но оставшихся процентов 10 — это вполне может быть культурный фактор. Например, я лично знаю женщину, которая несколько раз ездила в туристическую поездку в Бразилию, в Рио-де-Жанейро. И вот она мне сказалаб «Можешь не верить, но у меня такое чувство, что здесь моя истинная духовная родина, что здесь некое место, которое я каким-то образом знала и помнила до своего рождения, и я очень хотела бы туда уехать жить, потому что там моя родина». То есть, многие люди подтвердят значимость для миграции даже культурного аспекта, даже в обретении своей духовной родины. Спасибо.

Курныкин О.Ю.: В продолжение комментариев. Можно даже сказать, что Алтайский край выигрывает за счет поклонников Рериха, которые приезжают. Не знаю, сколько денег они приносят нам в бюджет, но поток есть. Тем не менее, у меня вопрос к Вячеславу Николаевичу. Насколько эта стратегия, которую условно можно назвать «Россия — любовь моя», действенна для выстраивания миграционной политики России?

Козулин В.Н.: Я думаю, что все, что способствует привлечению «правильных» мигрантов в Россию, надо использовать. Используя стратегию построения имиджа, конечно, надо подчеркивать положительные факторы. И это методы современной имиджологии. Многие берут это на вооружение. Безусловно, трудно преодолеть тот негативный характер отношения к России в последнее время, это очень испортило картину. Политика очень мешает, к сожалению. Но, тем не менее, можно развивать эту политику формирования положительного имиджа России, развивать культурные контакты и коммуникации.

Красилова Е.С.: Скажите, пожалуйста, Вы говорили в своем докладе о том, что у нас в настоящее время в России проживают иностранцы, и раньше проживали, которые писали положительные отзывы о нашей стране, признавались чуть ли не в любви к России. Сейчас мы тоже знаем множество деятелей культуры и спорта, науки, которые получили российское гражданство, например, Ж. Депардьё и др. Можем взять, например, Олимпиаду в Сочи, где выступал Виктор Ан. И их в России считают национальными героями, уважительно к ним относятся, хотя при этом они даже не знают русский язык. Почему, они на Ваш взгляд, пользуются такой популярностью и уважением в российском обществе?

Козулин В.Н.: Мне кажется, тут надо индивидуально подходить к такому выдающемуся мигранту, как, например, Депардьё. Его лишь отчасти можно назвать мигрантом, он же постоянно не живет в России. По-моему, гражданство Франции у него остается. Есть такие люди, но они, как мне кажется, не собираются адаптироваться. Я имел в виду действительно тех

людей, которые влюблены в Россию. Их не так много, но на самом деле есть такие экземпляры. На этих людей надо делать ставку.

Кругова Н.И.: Такой подход губит хорошие отношения к России. Если хочешь жить в России, учи язык, учи гимн и т. д. А если не хочешь учить, какой ты нам друг? Было объявлено, что Депардье принял гражданство из-за налогов, но я смотрела одну передачу, где выступал французский артист, который лично очень хорошо знает Депардье. Он сказал, что это совершенно нелепое объяснение. Депардье давно интересуется Россией, любит ее культуру, и не случайно он сыграл роль Распутина, потому что он очень хотел сыграть эту роль. Деятель культуры — он всегда деятель мира. У нас такое отношение нелепое к этим ситуациям, потому что мы сами не ценим свою культуру, и когда такие случаи происходят, мы удивляемся: «Надо же, еще кто-то полюбил нашу культуру!».

Секция молодых исследователей

Чернышов Ю.Г., вопрос Красиловой Е.С.: Вы исторический сюжет затронули, но хотелось бы увидеть выход и на современность. Все-таки, уже тогда формировались стереотипы позитивные и негативные в отношении к шведам, есть ли преемственность?

Красилова Е.С.: Действительно, этнические стереотипы уходят корнями в далекое прошлое. В данной ситуации можно сделать вывод, что эти стереотипы заложены в истории. Если конкретнее, я не зря привела этот исторический сюжет. Я взяла этот период, так как это век формирования восприятия русскими шведов. Здесь проявляется такое качество шведов, как организованность. Что касается современных стереотипов о шведах, здесь отмечается холодность, замкнутость, необщительность (присущие, наверное, всем северным людям). Исторические события действительно имеют большой вес, оставляют след в памяти.

Чернышов Ю.Г., вопрос Вервекиной Е.А.: Русские в XIII веке могли оказаться в Китае в качестве кого? Наверное, не в качестве мигрантов, а, благодаря монголам, в качестве пленных?

Вервекина Е.А.: Информация взята из доклада китайского ученого, который утверждает, что эта информация содержится в книге династии Юань.

Чернышов Ю.Г., вопрос Вьюжаниной Е.А.: В Российской Федерации есть законы против разжигания национальной розни и т. д. Почему же СМИ позволяют себе все-таки такие вещи публиковать? Есть ли некая политическая заинтересованность в таких сюжетах?

Вьюжанина Е.А.: Да, вот эти статьи и публикации и другая информация — это все не случайно. Во-первых, у этих статей, которые несут негативный характер, очень высокий рейтинг, потому что аудитория, на которую это рассчитано, заинтересована читать что-то негативное. Таджики воспринимают это очень болезненно, их мнение, что это специально делается. Отношение к таджикам в таких публикациях какое-то пренебрежительно-снишодительное.

Козулин В.Н., вопрос Плесовских А.Е.: Вот у Вас приведена статистика о мигрантах — евреях в разных странах, но там не было Советского Союза. Почему? У Вас нет статистики?

Плесовских А.Е.: Я не привела данные, сколько евреев эмигрировало в СССР, поскольку я рассматривала, в основном, политику западноевропейских стран и США.

Коробкова Н.П., вопрос Плесовских А.Е.: Считаете ли Вы, что несколько запоздалая политика по спасению репрессированных евреев накладывает на руководителей стран вину за масштабы Холокоста?

Плесовских А.Е. Этот вопрос довольно сложный и многогранный, можно по-разному ответить. Лично мое мнение — частично ответственность за события Холокоста можно возложить на правительства западных стран, США. Если бы они предприняли меры по принятию в свои страны наибольшего числа евреев, то, наверное, не было бы столько жертв.

Коробкова Н.П., вопрос Богословской Г.В.: Участвуют ли сейчас в интеграции русских детей французские власти, какие-то общественные организации?

Богословская Г.В.: С моей точки зрения, почти никаких мер со стороны властей не принимается, во всяком случае, изучение этих форумов и общение по электронной почте с людьми, с которыми мне удалось познакомиться, с эмигрантами, не показало, что французское правительство оказало им какую-то значительную поддержку. В основном люди справляются своими силами.

Коробкова Н.П., вопрос Вьюжаниной Е.А.: Как Вы считаете, вот этот путь мультикультурной политики, который признан на Западе не очень успешным, надо ли нам идти этим путем или искать альтернативный вариант?

Вьюжанина Е.А.: В принципе, мигранты из стран Центральной Азии, из стран бывшего СССР едут в Россию во многом потому, что там еще жив стереотип о дружбе народов. То есть, они Россию воспринимают как старшего брата. Нет, эта политика не провальная.

Заккрытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Дорогие коллеги, спасибо всем, кто выступил на конференции. Подводя итоги работы, хотелось бы услышать мнения гостей, которые приехали на конференцию, и тех, кто пришел сюда из других учебных заведений и организаций. Пожалуйста, вам слово.

Игрунов В.В.: Спасибо большое. Мне очень хотелось посмотреть, как это выглядит на Алтае. Было интересно посмотреть, как это функционирует, и я остался весьма доволен тем, что здесь были действительно живые дискуссии, которые лично для меня были не бесполезны. Очень понравился уровень студенческих и аспирантских докладов. Это очень здорово, что такая работа продолжается.

Что же касается хода работы конференции, мне кажется, программа была перенасыщена докладами, и оставалось мало времени для их обсуждения. Так, например, В.Р. Филиппов выступил с провокационной речью в первый день конференции, ее можно было бы обсудить, как и саму постановку вопроса о существовании этноса. Я думаю, что в этом вопросе дискуссия внесла бы гораздо большую ясность. В качестве пожелания я хотел бы отметить, что необходимо либо организовывать дополнительные круглые столы, либо ограничить количество докладчиков.

Юдина Т.Н.: Я хотела бы продолжить в целом и поддержать идею, что проведение таких мероприятий дает возможность посмотреть на одну проблему с точки зрения разных наук. Междисциплинарность, которая получилась в ходе конференции, дает эффект приращения научного знания в любой области, потому что у каждой науки свой предмет изучения, и каждый исследователь судит с позиции своего направления. Когда это приобретает междисциплинарный характер и становится предметом обсуждения историков, политологов, антропологов и экономистов, это обогащает политологическое научное знание о конкретном объекте.

Что касается докладов, тема действительно очень широкая. Может быть, следует попробовать ее сузить? Если наиболее остро обсуждение коснулось этнических аспектов, то стоит посвящать время этому. Миграции же не только этнический аспект затрагивают. Или можно выделять вокруг этого вопроса какую-то главную проблему, актуальную на сегодняшний день, или более детально ее рассматривать, а не в таком широком диапазоне. Вместе с тем, я думаю, правомерно по ходу конференции какие-то вопросы инициировать, однако, здесь вопрос во времени, его не всегда хватает.

Теперь что касается секции молодых исследователей. Наверное, то, что мы сегодня начинаем активно привлекать студентов к проблематике изучения миграционных процессов через разные формы анализа,

это одно из направлений нашей работы. У нас в РГСУ студенты каждой специальности, в зависимости от своей направленности, изучают миграцию. Это очень важно, чтобы студенты понимали суть миграции, что такое эмиграция и иммиграция, как они соотносятся с общими темпами миграции. Это важный момент просвещения.

Веретевская А.В.: Я хотела бы сказать, что, узнав впервые от своих коллег по МГИМО о конференции АШПИ и о том, что предполагается изучение темы миграции и мигрантов, интереснейшей для меня лично, я стала смотреть материалы прошлых конференций АШПИ в Интернете. У меня были очень высокие ожидания, я была уверена, что конференция будет интересной и материалы будут полезными. Эти ожидания оправдались полностью, за что вам большое спасибо. На самом деле это действительно редкий случай.

Очень приятно, что мнения людей настолько разные, интересные, и я полностью согласна с Т.Н. Юдиной, что междисциплинарность конференции — это большой плюс. Мне бы хотелось, чтобы междисциплинарный характер конференции сохранился и дальше, потому что это, с одной стороны, неисчерпаемый ресурс для обсуждения, а, с другой стороны, действительно очень обогащает научное знание.

В плане нехватки времени я хотела бы сказать следующее. Я придерживаюсь позиции обогащения формата заседаний. Я действительно думаю, что самое интересное — это дискуссии. Я бы предложила в будущем включить в эти дискуссии студентов, которые готовили доклады и участвовали в работе конференции. Интересно было бы, если бы они включились в обсуждение на равных со всеми остальными. И второй момент: мне кажется, очень важны неформальные, кулуарные обсуждения. Для профессиональных контактов это имеет большое значение.

В целом я хотела бы сказать, что я очень рада, что у меня получилось приехать и побывать на конференции. Я нашла для себя здесь много интересных людей, с которыми познакомилась благодаря мероприятию. Большое вам спасибо.

Мартьянов В.С.: Я тоже скажу пару слов, но скорее не по впечатлениям, а по итогам научной части.

Просто замечательно, что состоялся такой междисциплинарный диалог на тему миграции. И действительно, тема миграции заиграла разными красками, здесь выявилась масса мыслей, проблем. И большая часть из тех, которые мы обсуждали — культурологические, где большое внимание уделяется проблемам этнических общностей, межэтнического диалога, культурного взаимодействия, культурной адаптации мигрантов,

проблемам толерантности. Важны также другие проблемы, которые связаны с тем, что проблемы миграции — часть более общей проблемы, проблемы бедности. Это прежде всего экономические проблемы, и здесь обсуждение проблемы бедности в виде конструирования одних этнических стереотипов и других, круговорота того, что нам необходимо создавать какие-то, структуры сознания, которые будут регулировать отношение толерантности, — все это ложный язык в том смысле, что проблемы экономические, классовые, которые являются исходными, мы пытаемся обсуждать на культурологическом языке. Я хотел сказать, что толерантность, проблема адаптации приезжих мигрантов — это все, конечно, хорошо, но там присутствует очень сильное бюрократическое влияние, которое не позволит эти проблемы решить. Посмотрите, как у нас на самом деле решаются проблемы: полиция не может решить проблемы экстремизма, принимается отдельный закон, создается отдельная структура — проблема никогда не решится, поскольку эта институциональная структура обладает институциональной инерцией, она будет работать на себя, в своих интересах. Она будет территориально расширяться, привлекать все больше финансирования, они будут говорить, что проблема разрастается, надо выделять больше средств на борьбу, расширять штат и так далее. Аналогична ситуация и с адаптацией мигрантов. Подобный способ решения проблемы говорит о том, что в рамках базовых институциональных структур, в рамках полиции, каких-то других чиновничьих структур, она не решится. И, безусловно, это проблема эффективности государства. Если оно эффективно, мигранты не будут ущемлены, будут чувствовать себя комфортно.

Что касается конференции. Зачастую конференции проводятся в форме сообщения докладов. Все представленные доклады есть на сайте АШПИ, где все желающие могли с ними ознакомиться. Гораздо полезнее, на мой взгляд, было бы организовать что-то вроде панельных дискуссий. Например, когда выступают три основных докладчика, подают тему провокативно и таким образом способствуют тому, чтобы зал включался в дискуссию.

Филиппов В.Р.: Хотел предложить то же самое почти, что коллега. Смысл состоит в том, чтобы опубликовать на сайте АШПИ некий текст, большой и концептуальный, который посвящен некой проблеме, которая является темой пленарной дискуссии. А затем, уже на конференции, определять условный стимул, давать возможность выступить всем по несколько раз. Потому что, когда пройдет первичный обмен мнениями, здесь начнется спор и самое интересное. И тогда состоится действительно «мозговой штурм».

Это, наверное, единственная конференция из всех, в которых я участвовал, где Оргкомитет создает какой-то удивительный микроклимат: когда даже тебя встречают в аэропорту, уже видно, что тебе рады. Ю.Г. Чернышов — удивительный человек, который при современных условиях дефицита денег умудряется из года в год проводить такие конференции.

Учитывая эти обстоятельства, есть предложение превратить Алтайский государственный университет в международный и резко повысить тем самым его статус. Тогда появится возможность приглашать в университет ученых с мировым именем.

Чернышов Ю.Г.: Дорогие коллеги, спасибо за высказанные мнения, я согласен со всем сказанным. Безусловно, самое ценное в конференции — это дискуссии, это живое общение. Когда дискуссия интересная, времени всегда не хватает. Здесь очень важно соблюсти баланс между докладами и дискуссией. Когда докладчиков и участников бывает мало, конференция «провисает». Мы этого избежали, но программа оказалась очень насыщенной. Я согласен и с тем, что нужно проводить тематические дискуссии, но здесь важно заранее собрать и подготовить экспертов по конкретной тематике, не всегда для этого есть реальные возможности.

Завершая нашу работу, хочется отметить, что коллеги, приезжающие к нам на конференции, обычно потом поддерживают с нами связь, и через год-два снова становятся нашими гостями. Мы приглашаем поддерживать такую связь наших сегодняшних гостей и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Спасибо всем, кто приехал, и всем, кто помог в организации! Следующую конференцию мы планируем провести через год по теме «Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии». Приглашаем всех принять участие!

**Приложение 3. Мигранты и миграции в современном мире
(список литературы, подготовленный
Алтайской краевой универсальной научной библиотекой
им. В.Я. Шишкова)**

VII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица : статьи и материалы междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 16 ноября 2012 г. / [редкол. : Семихатова Л.Г., Цыряпкина Ю.Н.]. Барнаул : АлтГПА, 2012. 288 с. Место хранения: КХ ФМП 1564510-П; КХ 1564511;

Акмалова, А.А. Социальная работа с мигрантами и беженцами : учеб. пособие / А.А. Акмалова, В.М. Капицын. М. : ИНФРА-М, 2008. 218, [1] с. (Высшее образование).

Актуальные проблемы социально-экономического и экологического развития региона : материалы II межрегион. студенч. науч.-практ. конф., состоявшейся 12 апр. 2008 г., г. Прокопьевск / [редкол.: Д.В. Воронин и др.]. Прокопьевск : [б. и.], 2008. 186 с.

Александрова, Л.А. Адаптация, посттравматический стресс и совладающее поведение у вынужденных мигрантов / Л.А. Александрова, А.М. Багдасарян // Проблемы морально-нравственного развития личности и общества : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Кемер. гос. ун-т», [Рос. фонд фундам. исслед. ; редкол.: Н.И. Корытченкова (отв. ред.) и др.]. Кемерово : Полиграф, 2004. С. 180–183.

Алексеев, А.Н. Внешняя миграция в Казахстане: в ожидании новой миграционной волны / А.Н. Алексеев // Сибирь и Центральная Азия : проблемы этнографии, истории и международных отношений : третьи науч. чтения памяти Е.М. Залкинда, 18 мая 2007 г. / [редкол.: В.А. Моисеев (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Азбука, 2007. С. 368–373.

Алешковский, И.А. Роль международной миграции в социально-экономическом развитии России / И.А. Алешковский // Вестник Московского государственного университета леса Лесной вестник. 2013. № 5. С. 95–99.

Анюхина, И.В. Мобильность трудовых ресурсов и транснационализация трудовых отношений: подходы российского законодателя / И.В. Анюхина, Е.В. Родионова // Закон. 2014. № 6. С. 74–81.

Аурилене, Е.Е. Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор / Е.Е. Аурилене // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 128–136.

Бабинов, Ю.А. Социально-философские проблемы миграции / Ю.А. Бабинов, И.С. Метелев ; М-во образования и науки, молодежи и спорта Украины, Севастоп. нац. техн. ун-т. Севастополь : СевНТУ, 2011. 251 с.

Бакшеева, Л.М. Российские иммигранты в Аргентине: социологический анализ сообщества / Л.М. Бакшеева, В.В. Бубликов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 4. С. 64–70.

Батенева, Е.В. Проблемы культурной адаптации экономических мигрантов из стран Центральной Азии в столичном регионе / Е.В. Батенева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6. С. 97–100.

Безбородова, Т.М. Современная трудовая миграция : вопросы теории, регулирования и социально-экономических последствий / Безбородова Т.М. ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. образоват. бюджет. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. торгово-экон. ун-т», Ом. ин-т (фил.). Омск : Омскбланкиздат, 2012. 160, [1] с.: табл.

Безбородова, Т.М. Социальные и трудовые практики регулирования внешней трудовой миграции в России / Безбородова Т.М. ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. образоват. бюджет. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. торгово-экон. ун-т», Ом. ин-т (фил.). Омск : Омскбланкиздат, 2012. 125 с.

Бездомность в России : проблематика и методология изучения / [Е.А. Коваленко, А.В. Федорец] ; Фонд «Ин-т экономики города». М. : Фонд «Ин-т экономики города», 2006. 104 с. (Социальная политика).

Бекашев, Д.К. Международное трудовое право : учебное пособие / Д.К. Бекашев. М. : Проспект : ТК Велби, 2008. 336 с.

Бекашев, Д.К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции / Д.К. Бекашев, Д.В. Иванов. М. : Проспект, 2013. 392 с.

Белоусова, И.Э. Этнопсихология : учебное пособие / И.Э. Белоусова ; под общ. ред. д-ра психол. наук, проф., акад. РАО А.А. Деркача ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М. : Изд-во РАГС, 2009. 92, [2] с.

Блинова, М.С. Социология миграции : история становления и перспективы развития : [учеб. пособие для студентов вузов] / М.С. Блинова ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Социол. фак.. М. : КДУ, 2009. 190 с.

Власова Н.И. Нелегальные мигранты: депортировать или легализовать? / Н.И. Власова, О.Д. Воробьева Актуальные проблемы социально-экономического развития России : сб. науч. тр. / Рос. гос. соц. ун-т ; под ред. Н.Н. Пилипенко. М. : Дашков и К°. Вып. 6. 2008. С. 62–75.

Внешнеэкономические связи Алтайского края, 2001–2011 : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю ; редкол. : В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2012. 111 с.

Володина, А. Между собакой и волком: культурные механизмы конструирования идентичности в диаспорах : международная научная конференция XX Большие Банные чтения (Москва, клуб «Маяк», 6–7 апреля 2012 г.) / А. Володина, авт. С. Луговик // Новое литературное обозрение. 2013. № 2. С. 417–429.

Воробьева, О.Д. Бизнес-иммиграция в Россию: возможности статистического учета / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин // Вопросы статистики. 2012. № 12. С. 27–32.

Восток России : миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / [В.И. Дятлов и др. ; редкол.: Л.Е. Бляхер и др.] ; Иркут. гос. ун-т, Межрегион. ин-т обществ. наук при ИГУ (Иркут. МИОН). Иркутск : Оттиск, 2011. 623 с.

Всероссийский Чрезвычайный Съезд в защиту мигрантов : (стенограмма и др. материалы съезда) / [сост. Т. Савина]. М. : Информ. Агентство «Миграция», 2002. 301 с.

Вьетнамские исследования : [материалы III науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения», 17 мая 2012 г. в ИДВ РАН]. Москва : ИДВ РАН, 2011. Вып. 3 / [отв. ред. Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин]. 2013. 375 с.

Германия Россия Китай : образование, наука, инновации. Проблемы и перспективы сотрудничества : материалы Междунар. науч. конф. студентов и аспирантов ун-тов Сибири, 3–5 марта 2010 г. / [редкол.: С.В. Вольфсон (отв. ред.) и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 170, [2] с.

Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире : сборник обзоров и рефератов / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. Наукам ; [отв. ред. С.Я. Веселовский]. М. : ИНИОН РАН, 2012. 222 с. (Социальные и экономические аспекты глобализации).

Горбачев, О.В. Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX начало XXI в.) / О.В. Горбачев, Д.Г. Лин. М. : КноРус, 2013. 162 с.

Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации : [учеб. пособие для вузов / А.С. Прудников и др.] ; под ред. А.С. Прудникова, М.Л. Тюркина ; Моск. ун-т МВД России, Фонд содействия правоохранит. органам «Закон и право». М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2006. 480 с.

Гражданское и торговое право Европейского Союза : (основные институты) : учеб. Пособие / [В.В. Безбах и др.] ; под общ. ред. В.В. Безбаха [и др.]. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2011. 533, [1] с.

Григорьев, М.С. Нелегальные мигранты в Москве / Максим Григорьев, Андрей Осинников ; Фонд исследования проблем демократии. М. : Европа, 2009. 155, [1] с.: ил.

Гриценко, В.В. Социально-психологическая адаптация детей из семей мигрантов / Гриценко В.В., Шустова Н.Е. [2-е изд., доп. и перераб.]. М. : Форум, 2011. 223 с.: ил., табл.

Гришаков, А.Г. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника органов, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции: учеб.-метод. Пособие / А.Г. Гришаков, В.В. Тырышкин, Е.А. Федяев ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Барнаул. юрид. ин-т. Барнаул : БЮИ МВД России, 2011. 42, [1] с.

Дамаскин, О.В. Россия в современном мире : проблемы национальной безопасности / О.В. Дамаскин. М. : Флинта : Наука, 2007. 428 с.

Демографическая и миграционная политика : учеб.-метод. Комплекс / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; [авт.-сост. И.Н. Веселкова, О.Б. Хорева]. М. : Изд-во РАГС, 2009. 50 с.

Демографический ежегодник Алтайского края : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. Краю ; редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2013. 146 с.: табл.

Денисова, А. Гости-работники : как живут и работают на Алтае трудовые мигранты / А. Денисова // Свободный курс. 2012. 14 нояб. (№ 46). С. 10–11 : ил.

Дмитриев, А.В. Миграция : конфликт, безопасность, сотрудничество / А.В. Дмитриев, В.И. Жуков, Г.А. Пядухов ; Рос. гос. социал. ун-т. М. : Изд-во Рос. гос. соц. ун-та, 2009. 353 с.

Дмитриев, А.В. Миграция: конфликтное измерение / А.В. Дмитриев. М. : Альфа-М, 2006. 431 с.

Европейский Союз и Россия : лицом к лицу : материалы Междунар. конф. / под ред. Л. Дериглазовой, А. Скуры (отв. ред.), С. Фритча. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 422 с.

Еремин, А.А. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.) / А.А. Еремин, Н.И. Быков ; М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т. Барнаул : Азбука, 2011. 270, [1] с.

Зинченко, Н.Н. Миграция населения : теория и практика международно-правового регулирования / Зинченко Н.Н. ; Дипломат. акад. МИД России. М. : Внешторгиздат, 2003. 261 с.

Зраева, И.М. Правовое регулирование миграционного учета в Российской Федерации : учеб. пособие для студентов вузов / И.М. Зраева, Т.А. Прудникова, С.А. Акимова ; под ред. А.С. Прудникова ; Моск. ун-т МВД России. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2010. 182, [1] с. (Учебный курс «Деятельность Федеральной миграционной службы»).

Иванов, Д.В. Экологическая миграция населения : международно-правовые аспекты / Д.В. Иванов, Д.К. Бекашев ; Моск. гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России. М. : Аспект Пресс, 2013. 174, [1] с.

Ивахнюк, И.В. Международная трудовая миграция : учеб. Пособие / И.В. Ивахнюк ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Экон. фак. М. : ТЕИС, 2005. 286 с.

Иммиграция в Россию: PRO et CONTRA // Инициативы XXI века. 2014. № 2. С. 93–97

Иммиграция иностранной рабочей силы : российский и европейский опыт исследования / [С.В. Соболева, Е.В. Кондратьева, О.В. Чудаева и др.]; Автоном. некоммерч. орг. «Сиб. центр прикладных экон. исслед.». Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 107 с. (Проблемы переходной экономики. Независимый анализ; Вып. 1).

Инновационные социальные технологии : разрешение конфликтов в полиэтнической среде : метод. пособие / [Н.А. Матвеева и др. ; сост. А.А. Фомина] ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Программа развития ООН, ФГОУ ВПО «Алт. гос. акад. культуры и искусств». Барнаул : [б. и.], 2010. 212 с.: табл. (Инновационные социальные технологии).

Иностранные мигранты на сибирском рынке труда / [С.В. Соболева и др.] ; под ред. С.В. Соболевой, И.В. Октябрьской ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. 316 с.

Исполнение миграционного законодательства Российской Федерации : основные вопр. и ответы / [А.В. Земскова, Д.П. Демиденко, К.Д. Шевченко] ; Ассоц. «Юрид. центр», Федер. миграц. служба РФ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 73 с. (Миграционная библиотечка; вып. 1).

Исполнение федерального законодательства в сфере осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами на территории России / [А.В. Земскова, Д.П. Демиденко, К.Д. Шевченко] ; Ассоц. «Юрид.

центр», Федер. миграц. служба РФ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 143 с. (Миграционная библиотека; вып. 2).

Кашпур, В.В. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии: томский кейс / В.В. Кашпур, И.Г. Поправко // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 88–93.

Ким, Е. В. Российские корейцы: грани этнической идентичности / Е. В. Ким // Азия и Африка сегодня. 2013. № 2. С. 52–56 : фот.

Кислицына, О.А. Миграция и здоровье / О.А. Кислицына; Федер. гос. бюджет. учреждение науки Ин-т социал.-экон. проблем народонаселения Рос. акад. наук. М. : МАКС Пресс, 2013. 129 с.: ил.

Кобец, П.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства : [науч.-практ. пособие] / П.Н. Кобец. М. : Экзамен, 2006. 510, [1] с. (Правоохранительные органы). (Dura lex, sed lex).

Кожирова С.Б. Проблемы китайской миграции в Казахстане / С.Б. Кожирова // Сибирь и Центральная Азия : проблемы этнографии, истории и международных отношений : третьи науч. чтения памяти Е.М. Залкинда, 18 мая 2007 г. / [редкол.: В.А. Моисеев (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Азбука, 2007. С. 394–406.

Колесов, В.В. Миграционная политика Российской Федерации : особенности становления, этапы / В.В. Колесов // Обозреватель. 2014. № 4. С. 48–61.

Костин, В.И. Национальная безопасность современной России : экономические и социокультурные аспекты / В.И. Костин, А.В. Костина. М. : URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.: ил.

Красинец, Е. Проблемы трудовой миграции и миграционная политика России / Е.С. Красинец // Народонаселение. 2012. № 2. С. 28–35.

Красинец, Е.С. Нелегальная миграция в Россию / Е.С. Красинец, Е.С. Кубишин, Е.В. Тюрюканова ; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. М. : Academia, 2000. 95 с.

Красноженова, Г.Ф. Управление трудовыми ресурсами : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Упр. персоналом» / Г.Ф. Красноженова, П.В. Симонин. М. : ИНФРА-М, 2012. 157, [1] с.: ил. (Высшее образование). (Электронно-библиотечная система znanium.com).

Кротова, Т.П. Вынужденные миграции в Западной Сибири : социально-экономико-географический аспект изучения: (На примере Алт. края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. геогр. Наук / Т. П. Кротова. Смоленск : Универсум, 2004. 19 с.: ил.

Кузнецов, Н.Г. Китайская и вьетнамская трудовая миграция в России: сравнительные особенности / Н.Г. Кузнецов, С.В. Рязанцев // Азия и Африка сегодня. 2014. № 6. С. 46–50.

Кузнецова, Т.Е. О некоторых аспектах диаспорного уклада в мире и России / Т.Е. Кузнецова // Россия и современный мир. 2012. № 3. С. 137–150.

Кунин, А. Люди разные, страна одна / А. Кунин // Российская Федерация сегодня. 2012. № 1. С. 50–51.

Курто, О.И. Русский мир в Китае : исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев / О.И. Курто ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука: Вост. лит., 2013. 374, [1] с.

Ларин, А.Г. Китайские мигранты в России. Современные российские исследования / А.Г. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 114–126.

Личность общество государство : конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России: материалы межрегион. науч.-практ. семинара, Барнаул, 9 декабря 2010 г. / [редкол.: В.В. Невинский (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Изд-во АГУ, 2011. 249 с.

Максимова, С.Г. Трудовая миграция в Алтайском крае: состояние, динамика и социально-экономические последствия / С.Г. Максимова, Н.П. Гончарова, О.Е. Ноянзина // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 5. С. 129–133

Малашенко, А.В. Центральная Азия : на что рассчитывает Россия? / А. Малашенко ; Моск. центр Карнеги. М. : РОССПЭН, 2012. 117, [1] с.

Маятниковая миграция сельского населения / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Науч.-техн. совет. Секция народонаселения; [редкол.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др.]. М.: Финансы и статистика, 1981. 87, [1] с. (Народонаселение; Вып. 36).

Международные отношения в Центральной Азии : история и современность : материалы междунар. науч. конф., 29 апреля 2010 г. / [редкол.: А.В. Старцев (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Азбука, 2008. Вып. 2. 2010. 325, [1] с.

Международные отношения в Центральной Азии : история и современность : материалы науч. конф., [Барнаул, 27–28 марта 2008 г. : посвящ. 60-летию со дня рожд. проф. В.А. Моисеева / редкол.: И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко]. Барнаул : Изд-во АГУ, 2008. 430, [1] с.; портр.

Метелев, И.С. Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее / Метелев И.С. ;

М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. образоват. бюджет. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. торгово-экон. ун-т», Ом. ин-т (фил.). М. : Гуманитарий, 2012. 193, [1] с.

Метелев, И.С. Миграция, цивилизация, адаптация (концептуальная связь понятий) / И.С. Метелев ; М-во образования и науки РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования Рос. гос. торгово-экон. ун-т, Ом. ин-т (фил.). Омск : ИП Скорнякова Е.В., 2012. 164 с.

Метелев, И.С. Феномен миграции : (методология анализа и жизненный смысл) / И.С. Метелев ; М-во образования и науки РФ, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Рос. гос. торгово-экон. ун-т, Ом. ин-т (фил.). Омск : Изд. Ом. ин-та (фил.) РГТЭУ, 2010. 201 с.

Метелев, С.Е. Международная миграция и ее влияние на социально-экономическое развитие России : учеб. для студентов вузов / С.Е. Метелев. Старый Оскол : Тонкие Научные Технологии, 2010. 415 с.

Метелев, С.Е. Международная миграция и ее влияние на социально-экономическое развитие России : учеб. пособие / С.Е. Метелев. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2007. 318, [1] с.: ил.

Метелев, С.Е. Международная трудовая миграция и ее роль в современном мире / С.Е. Метелев; Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО «Рос. гос. торгово-экон. ун-т», Ом. ин-т (фил.). Омск : Тип. ИП Долгов Р.Н., 2005. 98 с.

Метелев, С.Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России / С.Е. Метелев. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2006. 176 с.

Метелев, С.Е. Международная трудовая миграция и регулирование миграционных процессов / С.Е. Метелев ; Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО «Рос. гос. торгово-экон. ун-т», Ом. ин-т (фил.). Омск : Тип. ИП Долгов Р.Н., 2005. 94 с.

Мигранты: социальная адаптация и конфликты : материалы международного круглого стола (Ин-т Европы РАН, 27 апреля 2007 г.) / [отв. ред. М.В. Каргалова]. М. : Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2007. 117 с. (Доклады Института Европы / Рос. акад. наук, Ин-т Европы ; № 201).

Миграции без границ : эссе о свободном передвижении людей / [П. Сани и др.] ; под ред. А. Пеку и П. де Гюштенера ; пер. на рус. яз. А. Калинина ; ред. рус. версии: Ж. Зайончковская и Е. Тюрюканова ; [Орг. Объед. Наций по вопросам образования, науки и культуры]. М. : ЮНЕСКО, 2009. 291 с. (Исследования в области социальных наук).

Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай Казахстан, XIX-XX вв.) : сб. ст. / Федер. агентство по образованию, Алт. гос. ун-т, Каф.

архивоведения и ист. информатики ; [отв. ред. В.Н. Владимиров, И.Г. Силина]. Барнаул : Изд-во АГУ, 2007. 215 с.: ил.

Миграционное право : учеб. Пособие / Е. Г. Моисеев [и др.] ; под ред. А.Н. Чашина. М. : Дело и Сервис, 2013. 169, [1] с.

Миграционные процессы в Алтайском крае, 2000–2008 годы : стат. сб. / Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю ; [редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : БИУ Территор. органа Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2009. 72 с.

Миграционные процессы в Алтайском крае, 2000–2009 годы : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. Краю ; редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2010. 75 с.: табл.

Миграционные процессы в Алтайском крае, 2002–2010 годы : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю ; редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2011. 76 с.: табл.

Миграционные процессы в Алтайском крае, 2003–2011 : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. Краю ; редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2012. 75 с.: табл.

Миграционные процессы в Алтайском крае, 2004–2012 : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. Краю ; редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2013. 75 с.

Миграция и предоставление убежища : теория и практика пограничного контроля : терминологический словарь / [авт.-сост. А.В. Думский и др.] ; под общ. ред. Л.Н. Проценко. Минск: Тесей, 2009. 254, [5] с.

Миграция и преступность : сравнительно-правовой анализ / [И.С. Власов и др.] ; отв. ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М. : Юриспруденция, 2013. 494 с.: табл.

Миграция населения : итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М. : Статистика России, 2013. 32 с.: ил.

Милитарев, А. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России / А. Милитарев // Диаспоры. 2005. № 3. С. 124138.

Милиция и этнические мигранты : практики взаимодействия / [В. Воронков и др. ; под ред. В. Воронкова и др.] ; Центр независимых социол. исслед., Ин-т социал. исслед. и гражд. инициатив (Казань). СПб. : Алетейя : Историческая книга, 2011. 638, [1] с.

Миллер, Л.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде : проблемы исследования / Л.В. Миллер // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы : [сб. ст.] / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. 622, [1] с.: ил. (Труды Института психологии РАН / Рос. акад. наук, Ин-т психологии). С. 149–168.

Мировой кризис и политические изменения / Рос. ассоц. полит. Науки ; [гл. ред. А.И. Соловьев]. М. : РОССПЭН, 2010. 373, [1] с.: табл. (Политическая наука: ежегодник; 2009).

Михайлов, А.И. Международные трудовые миграции : учебное пособие для студентов вузов / А.И. Михайлов ; Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова» (ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова»). М. : РЭА им. Г.В. Плеханова, 2009. 148 с.: табл.

Мищук, С.Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию: (на примере Дальневосточного федерального округа) / С. Н. Мищук // Экономика региона. 2014. № 2. С. 194–202.

Модернизация и политика в XXI веке / [С.Г. Айвазова и др. ; отв. ред. Ю.С. Оганисян] ; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. М. : РОССПЭН, 2011. 335, [1] с.

Нагайцева, Е.А. Учебные мигранты из Казахстана в вузах Алтайского края: в поиске новой идентичности? (по результатам социологического исследования) / Е.А. Нагайцева // Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения) : материалы междунар. науч.-практ. конф. / [редкол.: Ю.Г. Чернышов (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Изд-во АГУ, 2005. 377 с. (Дневник Алтайской школы политических исследований; № 21). С. 211–215.

Назарова, И.Г. Российский Север: миграционные процессы и трудовой потенциал: анализ взаимосвязи миграционных процессов и трудового потенциала Республики Коми / И.Г. Назарова // Российское предпринимательство. 2012. № 5. С. 172–176.

Население России в XX веке : исторические очерки : [в 3 т.] / Рос. акад. наук, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории ; [отв. ред. Ю.А. Поляков]. М. : РОССПЭН, 2000 Т. 3. кн. 3 : 1991–2000 / [Ю.А. Поляков и др.]. 2012. 396, [3] с.: табл.

Население России в XX веке : исторические очерки : [в 3 т.] / Рос. акад. наук, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории ; [отв. ред. Ю. А. Поляков]. М. : РОССПЭН, 2000 Т. 3. кн. 2: 1980–1990 / [Ю.А. Поляков и др.]. 2011. 292, [3] с.: табл.

Наследие российской государственности : материалы Междунар. «круглого стола» / [под ред. Ю. В. Анохина]. Барнаул : Изд-во ААЭП, 2012. 167, [1] с.

Наумова, Р.Л. Труд иностранцев у российского работодателя / Р.Л. Наумова. М. : Дашков и К°, 2009. 189, [2] с.: ил.

Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края: методология и методика исследования / Н.П. Гончарова [и др.] // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 119–124.

Немерюк, Е.Е. Миграция в процессе формирования современного российского рынка труда : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра социол. наук / Немерюк Е.Е. Саратов : [б. и.], 2007. 39 с.

Нужны ли иммигранты российскому обществу? / [Ж.А. Зайончковская и др.]; под ред. В.И. Мукомеля, Э.А. Паина. М. : б. и., 2006. 165 с.

О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон : вступает в силу с 15 янв. 2007 г. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2006. 16 с. (Кодексы и законы России).

Основные аспекты международной миграции в Алтайском крае, 2001–2011 : анализ. зап. / [В.М. Мочалов и др. ; Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2012. 47 с.: табл., граф. (Прикладная статистика).

Основы миграционной политики : учеб. пособие / [Л.Ф. Абзалова и др.]; под общ. ред. И.Н. Барцица, д-ра юрид. наук, проф. ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М. : Изд-во РАГС, 2009. 225, [1] с.

Павловский, И.В. Политика национальных интересов России : вектор развития современной России / Игорь Павловский. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Зебра Е, 2008. 448, [1] с.

Парикова, Н. Миграционная привлекательность российских регионов / Н. Парикова // Человек и труд. 2012. № 5. С. 51–54.

Платонов, Ю.П. Этническая экспансия / Ю.П. Платонов. СПб. : Речь, 2011. 599 с. (Мастерская психологии).

Покида, А. Социальные и экономические последствия миграционных процессов в современном российском обществе / А. Покида, Н.В. Зыбуновская // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 1. С. 29–40 : 3 рис., 2 табл.

Полякова, Н.Д. Влияние миграции на формирование трудовых ресурсов городов Сибири: (на примере Алт. края) : автореф. дис. на соиск. учен.

степ. канд. экон. наук / Н.Д. Полякова ; [Новосиб. гос. ун-т]. М. : [б. и.], 1982. 17, [1] с.

Права человека и правовое социальное государство в России / [Н.А. Воронина и др.] ; отв. ред. Е.А. Лукашева. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. 399 с.

Правовое регулирование трудовой миграции : учебное пособие для студентов / [С.А. Акимова и др.] ; под ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. А.С. Прудникова ; Моск. ун-т МВД России. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2010. 183 с. (Учебный курс «Деятельность Федеральной миграционной службы»).

Правовые основы российского гражданства : учеб. пособие для студентов / [А.С. Прудников и др.] ; под ред. А.С. Прудникова ; Моск. ун-т МВД России. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2010. 230, [1] с. (Учебный курс «Деятельность Федеральной миграционной службы»).

Правонарушения в сфере миграции : классификация, доказательства, производство : учеб. пособие для студентов вузов / [Т.А. Прудникова и др.] ; под ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. А.С. Прудникова ; Моск. ун-т МВД России. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2010. 135 с.: схемы. (Учебный курс «Деятельность Федеральной миграционной службы»).

Преступность, национальная безопасность, бизнес : [сб. ст. / под общ. ред. проф. А.И. Долговой]. М. : Рос. криминол. ассоц., 2012. 650 с.: ил.

Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран : (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Байкал. ин-т природопользования, Ин-т вод. и экол. проблем, Ин-т географии, Ин-т природ. ресурсов, экологии и криологии, Тувин. ин-т комплекс. освоения природ. ресурсов, Дальневосточ. отд-ние, Тихоокеан. ин-т географии, Ин-т комплекс. анализа регион. проблем, Урал. отд-ние, Ин-т степи ; отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 598, [10] с.: ил., карты, табл. (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 23).

Прудникова, Т.А. Миграционные процессы и их влияние на общественную и национальную безопасность : теоретико-методологические аспекты / Т.А. Прудникова. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2011. 149, [2] с. (Научные издания для юристов).

Прудникова, Т.А. Правовые и организационные особенности миграционной политики в ряде зарубежных стран : учебное пособие для студентов вузов / Т.А. Прудникова, С.А. Егоров, С.А. Акимова ; под ред. А.С. Прудникова. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2013. 133, [2] с. (Деятельность Федеральной миграционной службы: учеб. курс).

Психологическая помощь мигрантам : травма, смена культуры, кризис идентичности : [учеб. пособие для вузов по направлению и специальностям психологии] / [Г.У. Солдатова и др.] ; под ред. Г.У. Солдатовой. М. : Смысл, 2002. 479 с. (Теория и практика психологической помощи).

Разуванова, К.С. Современная белорусская диаспора в Российской Федерации: к вопросу об истории, основных проблемах и аспектах изучения / К.С. Разуванова // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 51–56.

Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... : [сб. ст.] / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 379, [1] с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». Антропология, философия, политология, история).

Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России : материалы семинара (Тверь, 5–7 марта 1999 г.) / под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М. : Моск. обществ. науч. фонд: Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. 240 с. (Научные доклады / Моск. обществ. науч. фонд; 90).

Российско-Украинское пограничье : двадцать лет разделенного единства : [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т географии РАН ; под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. Москва : Новый хронограф, 2011. 348, [3] с.: ил., карты. (Социальное пространство).

Россия в ВТО: год после вступления... : в 2 ч. / Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН, Урал. гос. экон. ун-т, Юж.-Урал. гос. ун-т (нац. исслед. ун-т), Уфим. гос. ун-т экономики и сервиса ; под ред. В. А. Черешнева [и др.]. Москва : Экономика, 2014 (Близкая и такая неразгаданная экономика; Т. 2). Ч. 2. 2014. 597 с.: ил.

Русская молодежь. Демографическая ситуация. Миграции : [сб. ст.] / Ассоц. по комплекс. изучению рус. нации [и др.] ; сост. Е. Троицкий. М. : Граница, 2004. 312, [1] с.: ил.

Рыбаковский, О.Л. Миграционная политика современной России: структура и направления / О.Л. Рыбаковский, С.В. Мартыненко // Народонаселение. 2013. № 2. С. 51–62.

Рыжакова, Ю.Н. Миграционный учет иностранных граждан. Особенности осуществления процедуры постановки на миграционный учет отдельных категорий иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации : учеб.-метод. пособие / Ю.Н. Рыжакова ; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Барнаул. юрид. ин-т. Барнаул : БЮИ МВД России, 2011. 127 с.

Рыжков, Д.Л. Миграция как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре / Д.Л. Рыжков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5. С. 135–140.

Рязанцев, С.В. Китайская миграция в Россию : тенденции, последствия и подходы к регулированию / С. Рязанцев, Я. Хунмэй ; Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед., Рос. ун-т дружбы народов. М. : Экон. образование, 2010. 150 с., [4] л. табл.: ил.

Савина, О.В. Миграционные настроения молодежи индикатор диспарной политики России / О.В. Савина // Обозреватель. 2012. № 7. С. 37–43.

Савруцкая, Е.П. К вопросу о необходимости повышения эффективности миграционной политики в России / Е.П. Савруцкая, С.В. Устинкин // Власть. 2013. № 9. С. 39–44.

Саломатин, А.Ю. Иммиграционная правовая политика : (сравнительный анализ моделей развития) / А.Ю. Саломатин, авт. К.А. Манцеров. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2013. 93 с.: табл. (Научная мысль). (Электронно-библиотечная система znanium.com).

Самойлов, В.Д. Миграциология: конституционно-правовые основы / В.Д. Самойлов. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2013. 487 с.: ил.

Сарсембаева, Г.А. Демографическое развитие казахского этноса в Республике Казахстан в конце XX начале XXI веков / Г.А. Сарсембаева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Алт. гос. ун-т». Барнаул : [б. и.], 2013. 122 с.: ил.

Сарсембаева, Г.А. Население Казахстана в конце XX начале XXI века: миграционный аспект // Сибирь и Центральная Азия : проблемы этнографии, истории и международных отношений : третьи науч. чтения памяти Е.М. Залкинда, 18 мая 2007 г. / [редкол.: В.А. Моисеев (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Азбука, 2007. С. 374–381.

Сахарова, В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада / В.В. Сахарова. СПб. : Златоуст, 2011. 176 с.

Сибилев, В. О российской общине в Чехии / В. Сибилев // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 157–168.

Сибирский социологический вестник : прил. к межрегион. журн. «Образование и социал. развитие региона» / Координац. совет, Исполн. ком., Межрегион. обществ. орг. «Об-ние социологов Сибири», Межрегион. журн. «Образование и социал. развитие региона» ; [редкол.: С.И. Григорьев (гл. ред.) и др.]. Барнаул : [б. и.]. № 1–2. 2008. 161 с.

Современные глобальные проблемы мировой политики : учеб. пособие для студентов вузов / [О.Н. Барабанов и др.] ; под ред. д-ра полит. наук, проф. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2009. 255, [1] с.

Современный Китай: социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / [А.А. Киреев и др.] ; отв. ред. Д.В. Буяров. М. : URSS: КРАСАНД, 2011. 294, [1] с.

Соловьева, Н.Н. Трудовые мигранты в России: условия жизни и труда: миграционные процессы на рынке труда России (обзор ситуации и проблемы) / Н.Н. Соловьева, В.С. Раковская // Российское предпринимательство. 2011. № 12, вып. 1. С. 62–66.

Сотрудничество органов власти и общественных объединений в формировании толерантного пространства в регионе: опыт и перспективы : IV междунар. науч.-практ. конф., 17–18 августа 2009 г., Барнаул, Бийск / [сост. Шабалина Н. А.]. Барнаул : [б. и.], 2010. 266 с., [4] л. цв. ил.

Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России : проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции: сб. материалов [междунар. науч. Мероприятий / редкол.: В.А. Труевцев и др.]. Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2013. 341 с.: ил.

Социальная работа с молодежью : учеб. пособие ; [для вузов по направлению и специальности «Социальная работа» / Н. Ф. Басов и др.] ; под ред. Н.Ф. Басова. М. : Дашков и К°, 2008. 325 с.

Социально-структурные факторы консолидации российского общества / Рос. акад. наук, Социол. ин-т ; [отв. ред. И.И. Елисеева, Г.В. Еремичева]. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. 203 с.

Социально-экономические и политико-правовые проблемы современного общества : материалы научно-практических семинаров / [редкол.: Т.Ф. Кряклина и др.]. Барнаул : Изд-во ААЭП, 2010. 131 с.

Степанов, С.А. Какие мигранты нужны России для ее модернизации / С.А. Степанов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 28–46.

Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года / [Гл. упр. экономики и инвестиций Алт. Края ; сост. В.М. Ельникова и др. ; под общ. ред. М.П. Щетинина]. Барнаул, 2012. 39 с.

Стрельцова, Я.Р. Адаптация иммигрантов в России: языковой аспект / Я.Р. Стрельцова // Россия и современный мир. 2013. № 3. С. 102–116.

Сухов, А.Н. Миграция в Европе и ее последствия : учеб. пособие / А.Н. Сухов, С.А. Трыканова ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. М. : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2008. 214, [1] с.: ил. (Библиотека юриста / гл. ред. Д.И. Фельдштейн).

Танги, А. де. Великая миграция : Россия и россияне после падения железного занавеса / А. де Танги ; [пер. с фр. М. Майзульса, И. Мироненко-Маренковой]. М. : РОССПЭН, 2012. 478, [1] с.

Тарасова, Е.В. Демографическое развитие Алтайского края на рубеже XX-XXI веков / Е.В. Тарасова, Н.П. Гончарова, Т.П. Кротова. Барнаул : [б. и.], 2009. 162 с.: табл.

Толерантность как фактор противодействия ксенофобии : управление рисками ксенофобии в обществе риска / [Ю.П. Зинченко и др. ; под ред. Ю.П. Зинченко, А.В. Логинова]. М. : ФИРО, 2011. 608 с.

Транзитная миграция и транзитные страны : теория, практика и политика регулирования / [А. Юнусов и др.]; под ред. И. Молодиковой и Ф. Дювеля. М. : Унив. кн., 2009. 387, [1] с.

Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед. ; под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М. : Academia, 2009. 431 с.: ил. (Монографические исследования: социология).

Трофимов, Е.Н. Россия многонациональная: политико-правовые основы управления национальными процессами (1906–2012 годы) / Е.Н. Трофимов ; Рос. междунар. акад. туризма. 2-е изд., пересм. и доп. М. : Логос, 2013. 373 с.

Труд и занятость в Алтайском крае, 2007–2012 : стат. сб. / [Росстат, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. Краю ; редкол.: В.М. Мочалов (пред.) и др.]. Барнаул : Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Алт. краю, 2013. 155 с.: ил., табл.

Трыканова, С.А. Организационно-правовое регулирование миграции в России и Европе : сравнительный анализ : учеб. пособие / С.А. Трыканова ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т. М. : Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2012. 191 с. (Библиотека юриста).

Удалова, И.В. Динамика межэтнических отношений в Югре : по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе / И.В. Удалова, В.В. Мархинин, Г.А. Выдрин; отв. ред. Ю.В. Попков ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права, М-во образования РФ, Сургут. гос. ун-т, Правительство Ханты-Мансийск. автоном. окр.-Югры. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2010. 174, [1] с.

Халидов, Д.Ш. Глобализация и миграция. Уроки Запада / Д.Ш. Халидов //Обозреватель. 2012. № 2. С. 6–17.

Цапенко, И.П. Управление миграцией : опыт развитых стран / И.П. Цапенко ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар.

отношений. М. : Academia, 2009. 384 с.: граф. (Монографические исследования: миграция населения).

Цветков, Л.Н. Особенности миграционных процессов в России и в Алтайском крае : учеб. пособие / Л.Н. Цветков, Н.Н. Удовиченко ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова». Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2009. 214 с.

Цырюльников, В.С. Международно-правовые подходы к интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество / В.С. Цырюльников // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2013. № 1. С. 25–28.

Чесноков, А.С. Иммиграция и толерантность принимающего общества: анализ российского опыта / А.С. Чесноков // Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения) : материалы междунар. науч.-практ. конф. / [редкол.: Ю. Г. Чернышов (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Изд-во АГУ, 2005. 377 с. (Дневник Алтайской школы политических исследований; № 21). С. 174–179.

Чмыхало, А.Ю. Миграции и проблемы социального развития : учеб. пособие / А.Ю. Чмыхало ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Нац. исслед. Том. политехн. ун-т». Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 180 с.: табл.

Чужой и культурная безопасность / А.П. Романова [и др.]. М. : РОС-СПЭН, 2013. 213, [1] с.: ил.

Шабанова, М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе : комплексное социолого-статистическое исследование / М.А. Шабанова ; отв. ред. Т.И. Заславская ; Акад. наук СССР, Сиб. отделение, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1991. 237 с.

Шишмарева, М.В. Миграционный процесс в Европейском союзе / М.В. Шишмарева // Обозреватель. 2012. № 2. С. 60–69.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности» : идеология и практика нового расизма / В.А. Шнирельман ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Новое лит. обозрение, 2011 (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас»). Т. 1. 2011. 549, [1] с.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности» : идеология и практика нового расизма / В.А. Шнирельман ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Новое лит. обозрение, 2011 (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас»). Т. 2. 2011. 852, [1] с.

Экономика и управление в XXI веке : проблемы, тенденции, перспективы развития: межвуз. науч.-практ. конф. : сб. науч. докл. / [отв. ред. И.А. Шипулина]. Барнаул : Концепт, 2013. 137 с.

Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : XIII междунар. науч.-практ. конф. (г. Усть-Каменогорск, 26–27 сентября 2013 г.) : сб науч. тр. / [под ред. А.Н. Алексеенко и др.]. Семей : ИП Сальменова Д.М., 2013. 404 с.: ил.

Юдина, Т.Н. Миграция: словарь основных терминов : [учеб. пособие для вузов] / Т.Н. Юдина. М. : Акад. проект : Изд-во РГСУ, 2007. 472 с.

Юдина, Т.Н. Социология миграции : [учеб. пособие для вузов] / Т.Н. Юдина ; Рос. гос. соц. ун-т. М. : Акад. проект, 2006. 270,[1] с.: ил.

Юдина, Т.Н. Социология миграции : к формированию нового научного направления / Т.Н. Юдина; Моск. гос. соц. ун-т. М. : Дашков и К°, 2004. 397, [1] с.: ил.

Якушева, А.Е. Миграционные процессы в странах российского «по-яса соседства» / А.Е. Якушева // Мир перемен. — 2012. № 3. С. 135–149.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокие профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

- 27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.
- 17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.
- 30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.
- 28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».
- 16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.
- 15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.
- 10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.
- 15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.
- 14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.
- 16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.
- 8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.
- 22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.
- 2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.
- 1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.
- 29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?
- 1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).
- 1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).
- 4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).
- 27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения)

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия)

Кроме этого, Школа постоянно занимается **просветительской работой** — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т. д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т. д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в ГИМО и т. д.

Еще одно направление деятельности — **консультирование, проведение прикладных политологических исследований**. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса

жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к Правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены 2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также к кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г. и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ — лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» — была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы статей, докладов и выступлений

Анохина Елена Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Томского государственного университета, г. Томск

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бикетова Екатерина Андреевна

Аспирант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Богословская Галина Викторовна

Аспирант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бервекина Елена Андреевна

Магистрант Алтайского государственного университета, бакалавр международных отношений, г. Барнаул

Веретевская Анна Вячеславовна

Кандидат политических наук, преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Вольтер Ольга Владимировна

Доктор политических наук, г. Армавир, Краснодарский край

Вьюжанина Евгения Андреевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Гаджимурадов Мурад Тагирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

Гайкин Виктор Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток

Глотов Александр Иванович

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гончарова Наталья Петровна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демчик Евгения Валентиновна

Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дикко Эли Талиб Мухамедович

Соискатель Института Африки РАН, г. Москва

Еремин Алексей Алексеевич

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Жеребятьева Полина Владимировна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Игрунов Вячеслав Владимирович

Директор Международного института гуманитарно-политических исследований, г. Москва

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Коробкова Наталья Петровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Красилова Екатерина Сергеевна

Студентка исторического факультета АлтГУ, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кругова Наталья Ильинична

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторической информатики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Малышева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мартьянов Виктор Сергеевич

политических наук, доцент, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мошев Евгений Дмитриевич

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Овчаров Геннадий Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Омельченко Дарья Алексеевна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Плесовских Анастасия Евгеньевна

Студентка исторического факультета АлтГУ, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Института украинской политики, г. Киев, Украина

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Рыжих Анастасия Сергеевна

Студентка исторического факультета АлтГУ, г. Барнаул

Серов Вадим Валентинович

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сидорова Анастасия Игоревна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Стародубов Алексей Владимирович

Магистрант географического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Тишкин Алексей Алексеевич

Доктор исторических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Толстокурова Алиса Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент, независимый научный эксперт, г. Киев, Украина

Турьнская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Институт Африки РАН, Москва

Ульянов Павел Владимирович

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Устюгов Алексей Николаевич

Координатор Алтайской школы гражданского образования, г. Барнаул

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Шабалкина Людмила Алексеевна

Студентка факультета социальной педагогики Оренбургского государственного педагогического университета, направление «Социология», г. Оренбург

Шейда Геннадий Петрович

Руководитель Алтайского отделения Фонда «Российский общественно-политический центр», г. Барнаул

Шерман Елена Михайловна

Доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и социальной работы, Львовский государственный университет безопасности жизнедеятельности, г. Львов, Украина

Юдина Ирина Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Барнаульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, г. Барнаул

Юдина Татьяна Николаевна

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной сферы Российского государственного социального университета, г. Москва

**АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
📁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
💻 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Содержание

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ И ОБЩЕСТВО СТРАНЫ ПРЕБЫВАНИЯ: ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

25–27 СЕНТЯБРЯ 2014 г.	3
Чернышов Ю.Г. Насколько готова Россия к приему трансграничных мигрантов? (предисловие ответственного редактора).....	4
1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ. МИГРАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	10
Коваленко Л.Г. Некоторые аспекты современной миграционной ситуации.....	10
Кротов А.В., Стародубов А.В. Международные миграции как фактор геоэкономической конкуренции и геополитического противоборства в глобальном мире.....	16
Полтораков А.Ю. Миграция как вызов безопасности: национальные и международные аспекты	22
Реут О.Ч. Диаспора в медиаполисе: изменение способов восприятия и практики самоопределения.....	27
Толстокорова А.В. Роль аттитудного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трансмигрантов	31
Чернышов Ю.Г. Ксенофобия в условиях кризиса идентичности: к проблеме интеграции мигрантов	36
Шерман Е.М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного.....	41
Юдина И.Н. Экономическая география и трудовая миграция сквозь призму глобализации	45
2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	51
Анохина Е.А. Иностранцы в Китае: новые вызовы миграционной политики	51
Бетмакаев А.М. Иммиграционная политика и социальная интеграция иностранцев в ГДР (1949–90 гг.)	55
Веретевская А.В. Опыт западных стран в решении проблемы политической интеграции поликультурного общества: какой подход лучше?	61

Гайкин В.А. Корейская диаспора в Японии после аннексии Кореи (1910–1931)	67
Дикко Э.Т.М. Миграционные процессы в Западной Африке на примере Мали	71
Курныкин О.Ю. Проблема идентичности иммигрантов-мусульман в странах ЕС.....	73
Мальшичева Н.С. Иммиграционная политика Великобритании в 1940–60-е гг.....	78
Серов В.В. «Миграционная политика» в Византии	82
Турьинская Х.М. Миграции и динамика политической системы на Занзибаре	88
Филиппов В.Р. Трансграничные миграции на Черном континенте	93
3. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	97
Аршинцева О.А. Трудовая миграция в Россию: вызовы и особенности	97
Вольтер О.В. Интеграция мигрантов как предмет государственной политики в современной России.....	101
Гаджимурадов М.Т. История формирования русского населения Дагестана и современные миграционные процессы	107
Гончарова Н.П., Омельченко Д.А. Поведенческие стратегии адаптации трансграничных мигрантов в принимающем сообществе	112
Еремин А.А., Кротов А.В. Роль внешней миграции в развитии демографической ситуации в Алтайском крае.....	117
Игрунов В.В. Долгосрочные последствия миграций и корректирующая политика государства	123
Козулин В.Н. «Россия — любовь моя!» (о культурном мотиве миграции на примере западноевропейских иммигрантов в Россию)	128
Мартьянов В.С. Внутренние миграции как «слепое пятно» российской экономической политики.....	134
Монина Л.В. Сместение приоритетов в миграционной политике России на современном этапе.....	139
Юдина Т.Н. Адаптационные и интеграционные контракты: опыт стран иммиграции для России.....	143

Юн И. М. Корейцы Москвы: проблема сохранения идентичности.....	151
Приложение 1. СТАТЬИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	154
Бикетова Е. А. Трудовая миграция из Белоруссии в Россию: характерные черты	154
Богословская Г. В. Проблема интеграции детей русских эмигрантов «четвертой волны» во Франции.....	160
Вьюжанина Е. А. Образ мигранта из Таджикистана в российских масс-медиа.....	165
Жеребятьева П. В. Миграция латиноамериканцев и формирование стереотипов их восприятия в общественном сознании США (первая половина XX — начало XXI вв.).....	169
Красилова Е. С. Эволюция отношения к шведам в России в эпоху Смутного времени.....	175
Плесовских А. Е. Политика европейских стран и США по отношению к миграции еврейского населения с территорий Германии и оккупированных ею стран (1933–1939 гг.)	179
Рыжих А. С. Иммиграция во Францию из стран Магриба и восприятие французами иммигрантов «мусульманской культуры».....	185
Сидорова А. И. Миграция китайцев на территорию Дальнего Востока и Сибири и ее влияние на формирование образа Китая в России (конец XX — начало XXI вв.).....	192
Шабалкина Л. А. Миграционная политика Оренбургской области и ее особенности	198
Приложение 2. СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДОВ	203
Приветствия на семинаре 25.09.2014.....	203
Открытие конференции 26.09.2014	205
СЕКЦИЯ 1.....	207
СЕКЦИЯ 2.....	216
СЕКЦИЯ 3.....	225
Секция молодых исследователей.....	236
Закрытие конференции.....	238
Приложение 3. МИГРАНТЫ И МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,	

ПОДГОТОВЛЕННЫЙ АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. В.Я. ШИШКОВА).....	
	242
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	260
АВТОРЫ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ	264
СОДЕРЖАНИЕ	270

Серийное научное издание

Дневник Алтайской школы политических исследований № 30.

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Трансграничные мигранты и общество страны
пребывания: взаимное восприятие и проблемы
межкультурного взаимодействия)**

Сборник научных статей

Редактор *В. Мозес*

Подготовка оригинал-макета — *В. Гоман*

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997

Подписано в печать 05.11.2014

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 16,11. Тираж 150 экз. Заказ № .

Издательство Алтайского государственного университета

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:

656099 Барнаул, пр. Красноармейский, 98а

тел. 62–91–03, 62–77–25

E-mail: azbuka@dsmail.ru